

Арина Голос

АЛЕВТИНА

Сопротивление бесполезно

«Замечательная работа для всех: от пионера до пенсионера», — думала Алевтина, устраиваясь на работу в агентство недвижимости. И всё было отлично, пока компанию не перекупили. Что делать, если с новым владельцем отношения не заладились? Если новый проект грозит стать настоящим испытанием твоей профпригодности? Ждать ли принца в тридцать, если на тебя обратил внимание руководитель, по характеру злобный словно дракон? Для одной Али слишком много если, но сопротивление уже бесполезно!

«А за окном то дождь, то снег...»

Незатейливый мотив раз за разом повторялся в голове девушки, и лучше бы, плохая погода действительно была правдой, тогда хоть как-то можно сосредоточиться на работе.

На деле же, на дворе было жаркое июльское утро. Распахнутое настежь окно так и манило Алевтину Андреевну Островскую легким дуновением освежающего ветерка, настойчивым щебетанием птиц и ярким летним солнцем. Але мучительно захотелось оказаться на морском берегу. Она закрыла глаза, мечтательно улыбнулась и, кажется даже, почти услышала шум прибоя и крики чаек. Стало немного легче.

Всё могло бы быть не так уж и плохо, но ещё на прошлой неделе в зале совещаний вышел из строя кондиционер. Казалось бы, что за проблема в двадцать первом веке? Минутное дело. Администратор сразу позвонил в службу технического обслуживания, но вот уже несколько дней на помощь им никто особо не спешил.

К сожалению, неисправный кондиционер не мог служить достойным поводом для отмены еженедельной утренней планерки, которую шеф традиционно проводил по понедельникам, а перенести это священное действо в более подходящее по климатическим условиям место никто не озаботился. Минут через десять после начала в помещении стало практически невозможно дышать. Кто-то не выдержал и открыл окно. Кто именно Островская не заметила, а то бы от души поблагодарила этого человека.

Как все совы она недолюбливала раннее утро, а уж тем более утро понедельника. Девушка искренне считала, что время до девяти часов просто не создано для работы, однако её работодатель был с ней в корне не согласен. Видимо по теории про жаворонков и сов, которую сама Алевтина едва ли воспринимала всерьёз, их руководитель мог быть отнесен к пресловутым жаворонкам, а потому рабочий день в их фирме начинался ровно в восемь и ни минутой позже.

Сегодня Але с большим трудом удавалось концентрироваться на происходящем. Пока ничего нового для себя она не услышала.

Островская разглядела несуществующую складку на платье и в сотый раз посмотрела на часы. Большая стрелка приближалась к половине девятого. До окончания планерки оставалось ещё, как минимум, полчаса. На это время нужно было занять себя хоть чем-то. Сначала Алевтина переложила ежедневник справа налево, потом обратно, затем окинула скучающим взглядом присутствующих и поняла, что не одна она такая несознательная.

Большинство коллег неприкрыто витали в облаках. Двое же и вовсе являлись вопиющими нарушителями дисциплины. Главбух Валентина Ивановна, не так давно ставшая официальной супругой их бессменного, на протяжении вот уже десяти лет, руководителя, под видом отчета листала модный журнал. А у противоположной стены устроилась подале от шефа Анечка- не в меру креативный менеджер по рекламе, по неслучайному стечению обстоятельств приходящаяся племянницей главбуху. Она делала селфи, пока Крупельницкий громким голосом в очередной раз нёс просвещение в массы.

Аркадий Семенович всегда самозабвенно отдавался этому процессу: с чувством, с толком, с расстановкой делая максимальный акцент на совершенно необходимых с его точки зрения вещах: исполнительской дисциплине и системе премирования и взысканий. С таким руководителем как Крупельницкий смело можно было рассчитывать лишь на второе.

— Ты уже слышала новость? — с опаской прошептала Але на ухо, расположившаяся рядом Лялечка Носова. Вообще-то Носову звали Ольга, но за способность узнавать, собирать, создавать и разносить всякого рода новости и слухи в офисе её прозвали Ля-ля.

— Нет. Какую? — только и успела спросить Островская, когда Аркадий Семенович призвал коллектив к молчанию и торжественно произнес:

— И последняя на сегодня по очередности, но первая по значимости новость. Вчера, после длительных переговоров, мы подписали договор о вхождении в состав одного из крупнейших холдингов в стране «РиелтИнвестСтрой» (РИС). А уже сегодня мы рады приветствовать в нашем скромном офисе представителя совета директоров холдинга, коммерческого директора Ивана Соломоновича Ринберга.

После этих слов огорошенные неожиданным сообщением сотрудники, присутствующие на планерке, начали неуверенно оглядываться по сторонам, выискивая того самого представителя холдинга.

Из малого зала совещаний, отгороженного затемненной стеклянной перегородкой, показалась высокая фигура. Всё это время господин Ринберг был там и, оставаясь незамеченным, мог свободно наблюдать за происходящим в зале.

Будто кролики, загипнотизированные огромным удавом, работники агентства недвижимости, и Алевтина в их числе, повернулись направо, напряженно рассматривая столичного гостя.

В этой абсолютно нерадостной ситуации Але вспомнился её сынок Сенька, который вчера весь вечер весело скакал по квартире и, подражая голосу Элджея, пел: «Hey, guys, у меня все nice!..»

— Это трындец...полный трындец... — обреченно подумала девушка.

При всём желании было невозможно не узнать Ринберга.

В агентстве недвижимости «Академия риелти» об Алевтине Андреевне Островской ходили легенды. Среди коллег она славилась железными нервами и недюжинной выдержкой, но, как оказалось, ничто человеческое ей не чуждо. За секунду девушку бросило в жар, на щеках её выступил нездоровый румянец. Она едва успела опустить голову вниз и прикрыть лицо волосами. Потом жар сменился на холод, и её затрясло мелкой дрожью. Вдруг резкой болью сдавило грудную клетку и стало нечем дышать.

Едва дождавшись окончания планерки, Аля в числе первых выскочила из зала совещаний, фурией пронеслась по коридору и скрылась за хлипкими дверями туалетной комнаты. Катастрофу, надвигающуюся на неё с неотвратимой силой, не смог бы сдержать никакой пластик, но на всякий случай она всё же защелкнула дверной замок.

— Вдруг повезет!? — мысленно застонала Островская. — У нормальных людей жизнь как в сказке, а у меня как в песне «от осени не спрятаться, не скрыться...» Что ж за день-то сегодня такой?

От господина Ринберга ей точно негде будет скрыться. Вот уж повезло, так повезло. Несмотря на то, что Алевтина в компании занимала престижную, в общем-то, должность руководителя отдела продаж, отдельным кабинетом она так и не обзавелась.

— Чёрт бы побрал этот опенспейс! — выругалась девушка.

Как любил повторять их главный, делясь мудростью с руководящим составом, хотя теперь уже, наверное, и не главный, кто их там разберет:

— Нужно постоянно держать руку на пульсе, а иначе никак! Своевременная помощь и надлежащий контроль — наше всё.

Она и держала, оставаясь в общей зоне с экспертами по недвижимости, проще говоря, риелторами, но руководству из-за солидного звучания больше нравилось первое название.

Вопросы от подчиненных не переводились, а Алевтина Андреевна обладала оперативной информацией по всем сделкам. В любой другой день она, наверное, не увидела бы в этом ничего плохого, наоборот близость к коллективу даже помогала ей в работе.

Сегодня же Островской захотелось скрыться за высоким забором, а ещё лучше, словно Рапунцель, забраться в высокую башню и просидеть там месяц, другой, чтобы никого не видеть и не слышать.

Глядишь, за это время господину коммерческому директору надоест инспектировать провинцию, и он быстро укатит обратно в столицу. Да и скатертью дорожка, как говорится.

— Принесла же его нелегкая! — Аля схватилась за голову, обреченно вздохнула и опасно посмотрела на себя в зеркало. — О Боже, что это за чудо-чудное? Хотя нет, всё-таки диво-дивное... — с отчаянием простонала она.

Если отражение правдиво, то её нынешний внешний вид был весьма далёк от сказочного. Впрочем, что-то весьма удаленное от «я ль на свете всех милее», но очень приближенное к «всех румянее и белее» во всём этом было: на её бледном лице необычайно выразительно алели пятна на щеках. В глазах же появился лихорадочный блеск. Должно быть её просквозило неисправным кондиционером? Ну не могут у здорового человека так светиться глаза.

Волосы включены. Хорошо хоть она не рыжая, а то точно сошла бы за ведьму. Оставалось надеяться, что это не проявляющиеся признаки столичного безумия,

привезенного Ринбергом. Захотелось сунуть голову под струи холодной воды, чтобы прийти в себя и вернуть утраченное самообладание. Сегодня оно пригодится как никогда. Кому, как ни ей, знать- лишние эмоции приносят только вред.

Островская не была дамой мнительной или суеверной, но в сложившихся обстоятельствах ей поневоле пришлось примерить на себя народную мудрость, что понедельник-день тяжелый. Ну, вот за что ей всё это?

Она даже утром не проспала, наоборот встала пораньше и успела приготовить завтрак своим домочадцам: любимому сыночку Сеньке и коту Лешку. Алевтина не считала себе любительницей кошек. Она и британца этого завела скорее от безысходности нежели от большого желания: не смола отказать сыну, когда тот попросил оставить у них мелкого бездомыша.

Из дома они с Сенькой вышли нарядные: она в любимом васильковом платье, а сын в новом синем летнем костюмчике — и не спеша направились в детский сад, по дороге с увлечением разглядывая всякую всячину: то облака на небе, то листики на деревьях, то жучков в траве...

В отличие от сдержанной мамы шестилетний Сенька был настоящим экстравертом с кучей друзей и множеством интересов. Порой он так увлекался чем-либо, что достаточно было просто слушать и совсем не обязательно отвечать. Аля шла и улыбалась, беззаботно как в детстве подставляя лицо солнечным лучам, и думала: «Вот это и есть счастье!»

В таком приподнятом настроении она и добралась до работы и, казалось, что даже утро понедельника не способно его испортить.

Только это самое настроение продержалось недолго: ровно до тех пор, пока их не загнали в душный зал для совещаний, ей Богу как стадо баранов на убой.

Но это всего лишь безобидная мелочь по сравнению с личным появлением Ивана Соломоновича в их городе. Для Островской оно без преувеличения имело эффект разорвавшейся бомбы и ставило под угрозу всё её спокойное и размеренное существование.

Хотя вряд ли господин Ринберг подозревал, какую роль сыграл в жизни Алевтины.

В дверь туалетной комнаты нетерпеливо постучали и тем самым прервали поток её тревожных мыслей, пришлось ответить.

— Здесь занято.

— Алевтина Андреевна, это вы там? — послышался из-за двери писклявый голосок Лялечки Носовой. — А я вас везде ищу. Это очень срочно.

— Одну минуту... — сказала Островская, кое-как быстро пригладила волосы, вооружилась своей лучшей дежурной улыбкой и из ненадежного укрытия решительно шагнула навстречу своей судьбе. — Будь, что будет!..

Не успела Островская выйти из туалетной комнаты, как тут же натолкнулась на Лялечку, которая настырно караулила её под дверью. Аля не удивилась, ведь иначе и быть не могло, раз в офисе запахло новой сенсацией. Как гончая, почуявшая дичь, Носова взяла след, так что даже с умениями Алевтины быстро отделаться от неё вряд ли удастся.

— Господи, Ляля, что за срочность такая? Что ты ломишься как стадо бизонов на водопой? — обреченно выдохнула Островская.

— Нет, ну признайся: ты знала? Знала? — вместо ответа быстро-быстро затараторила Носова, будто выпускала по злейшим врагам пулеметную очередь.

Хотя они и знали друг друга давно, Лялечка никогда не была близкой подругой Алевтины. С большой натяжкой её можно было отнести к разряду приятельниц. Они жили в соседних домах и учились в параллельных классах когда-то, вероятно поэтому, теперь, когда они стали коллегами, некоторая фамиллярность всё же присутствовала в их общении.

В общем-то, Ольга не была подлой, но язык без костей не раз доводил её до беды и ставил окружающих в неловкое положение.

Чего только стоила её прошлогодняя новость!

Почти месяц весь коллектив «Академии риелти» гудел как улей, обсуждая, что сын риелторов Татьяны и Антона Денисовых, оказывается похож на водителя директора Алексея Попова, и якобы сама Татьяна говорила об этом Алексею по телефону. Причем здесь Лялечка? Что она сделала? Ничего Лялечка не делала. За что купила, за то и продала, т.е. есть, что слышала, то и рассказала.

В итоге во время новогоднего корпоратива впервые в истории компании между сотрудниками случилась потасовка, а семья оказалась на грани развода. Примирить Денисовых смогли положительный тест генетической экспертизы, подтвердивший отцовство Антона, и приехавший из Мурманска брат Татьяны Алексей, на которого их сын и, правда, был похож как две капли воды.

Одним словом, Носова была последним человеком в компании, с которым Алевтина стала бы обсуждать хоть немного значимые вещи, тем более руководство, ведь по скорости распространения информации Ляля опережала даже гепарда.

— Ляль, я не понимаю, о чём идет речь. Мне некогда, — оборвала Островская поток вопросов и направилась в сторону риелторского опенспейса.

— Нет, подожди! Скажи, ты знала, что Крупельницкий решил продаться с потрохами? — Ляля не была бы Лялей, если бы отстала сразу.

— Во-первых, не продаться, а заключить весьма выгодный договор о сотрудничестве, а во-вторых, Оль, я не думаю, что это наше дело. Аркадий Семенович собственник бизнеса и вправе распоряжаться им по своему усмотрению. И если тебе от этого станет легче- нет, я тоже не знала.

— Алечка, я просто волнуюсь, так волнуюсь... Что же теперь с нами будет? — не сдавалась Носова. — Ведь новая метла, она по-новому метёт.

Ляля, видимо, опасалась, что теряет хватку. Как же такая новость прошла мимо неё. Вдруг она ещё что-то пропустила. А ещё помощник руководителя называется.

Хотя держали её скорее для красоты, чем из-за содержания, Лялечке Носовой нравилось делать вид, что она играет значительную роль в жизни компании. Иногда, когда Лялька её

особенно доставала, Алевтине хотелось, чтобы вместо силиконового бюста пятого размера Носова купила себе хоть немного силиконовых мозгов. Жаль только, что их ещё не изобрели. Для этой благой цели Островская даже готова была бы оказать ей спонсорскую помощь.

— Ещё ничего не известно. Слишком рано делать выводы, — Островской откровенно не хотелось продолжать этот разговор, тем более в таком не подходящем месте.

— Тебе легко говорить, Алечка Андреевна, тебя-то не уволят. Ты у нас ценный кадр!

— Оль, ну к чему сейчас этот разговор? Поживем-увидим. Может, наоборот, станет лучше. Присоединение-это отличные перспективы для компании, развитие, повышение оплаты, в конце концов. Нужно думать о хорошем. Знаешь анекдот про то, что настоящий оптимист даже на кладбище видит одни плюсы. В любой ситуации есть что-то хорошее.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

Носова с облегчением выдохнула.

Алевтина уже решила, что ей повезло и Ляля оставила её в покое, но та с новыми силами продолжила пытки, перескочив на другую тему:

— А как тебе Ринберг? Красавчик, правда? Я, как только его увидела, сразу подумала: «О Боже, какой мужчина!» Вот бы мне такого.

Для полного счастья Алевтине не хватало только размышлений Лялочки Носовой об идеальном мужчине.

Наверное, Иван Соломонович Ринберг пользовался популярностью у противоположного пола, но Але не было до этого никакого дела. Сама Островская не отнесла бы данного господина к классическим красавцам, но назвать его не привлекательным не повернулся бы язык. Высокий, статный, он производил сильное впечатление на окружающих. И как бы Алевтине не хотелось признавать, в нём определенно ощущалась особая порода людей сильных духом. На висках коротко стриженные тёмные волосы уже затронула седина, что только добавляло ему импозантности. Приятные черты лица не портил даже крупноватый нос. И вот теперь Иван Соломонович собирался сунуть свой породистый нос в дела их фирмы, и одно это сводило всю его привлекательность на нет, не говоря уже о профессиональной субординации.

Однако Лялю Носову ничего не смутило, в её голове за минуту созрел план покорения столичного гостя.

— Я тут погуглила. Ринберг- шикарный вариант для отношений. Ему сорок, почти идеальный возраст. Мужчина в самом расцвете сил. Ты только представь... огромное состояние, плюс сам он спортсмен, просто красавец, и совсем, кстати, недавно развелся... Ринберг снова входит в десятку самых завидных женихов страны... — продолжала восторгаться Лялька.

У Алевтины всё это вызвало лишь усмешку, так как единственный «мужчина в самом расцвете лет», которого она знала — это Карлсон. Вот до чего её довела их общая с Сенькой любовь к мультфильмам.

— Ты про комсомольца ещё забыла, — вклинилась Аля в поток носовской хвалебной речи.

Носова посмотрела на неё ничего не понимающим взглядом.

— Что?.. Какого ещё комсомольца?

— Ну, как же? Как в «Кавказской пленнице»: спортсменка, комсомолка и просто красавица... Так и у тебя Иван Соломонович.

С юмором у Лялечки было туговато, так что неизвестно, чем этот разговор закончился бы. Носова уже открыла рот, чтобы возмутиться насмешкой Алевтины, но в необычном сопровождении из-за угла вывернул предмет её страстных мечтаний во плоти, а точнее в отлично пошитом, сразу было видно что по индивидуальному заказу темно-синем костюме.

Лялечка приосанилась, натянула дружелюбную улыбку и приготовилась шагнуть навстречу, а стоящая рядом с ней Островская обреченно подумала:

— Господи, за что? Где же это я так нагрешила...

За несколько месяцев до...

Лет тридцать назад его горячо любимая бабуля Сима, к тому времени разменявшая уже седьмой десяток лет, увлекалась просмотром то ли мексиканского, то ли бразильского сериала, который назывался «Богатые тоже плачут». Даже при большом желании Ивану Соломоновичу не удалось бы вспомнить ни сюжета, ни героев данного творения, но в последнее время ему всё чаще казалось, что само это название стало девизом всей его жизни.

При всём своём благополучии Ринберг всё чаще ловил себя на мысли, что чувство удовлетворенности посещает его крайне редко: работа выматывала до предела, времени на отдых практически не оставалось, семейная жизнь почти сошла на нет, а светская тусовка давно раздражала. Долго так продолжаться не могло. Со всем этим нужно было что-то делать? Иван предпочёл бы не вмешивать посторонних людей и справиться самостоятельно, но супруга настаивала на консультации у специалиста.

Он так и не удосужился запомнить имени семейного психолога, к которому его потащила Илона: то ли доктор Шварц, то ли доктор Шульц.

Так называемый кризисный консультант взял с них баснословную даже для их круга сумму и вынес свой вердикт, с легкостью диагностировав у Ринберга банальный кризис среднего возраста:

— Задумывались ли вы когда либо, что достижение определенного возраста у человека часто бывает сопряжено с кризисом мироощущения и целеполагания. Иван Соломонович, примите во внимание этот факт. Вам, как ни как скоро исполнится сорок.

— Звучит как приговор, — усмехнулся Иван. С его точки зрения щуплый хлюпик с редкими волосами и бегающими глазками, преданно заглядывающий ему в лицо, вещал какую-то ересь.

— Ну что вы, что вы! — психолог замахал руками как ветряная мельница. Ещё бы, за такие- то деньги, Шульц, а может Шварц, пожалуй, готов был и спеть, и станцевать. — Вы меня не правильно поняли. Нет сомнений, для мужчины вашего социального круга это самый рассвет, но вам необходимо больше времени уделить отдыху и стремиться к гармонии во всех сферах жизни, избегать стрессовых ситуаций. Кроме того, я настоятельно советовал бы провести комплексные процедуры детокса...

Ринбергу его слова не внушил ни малейшего доверия, но для Илоны миллионы подписчиков «добротного доктора Айболита» в сети перевесили все разумные доводы Ивана.

Стремясь сохранить обыденный, но привычный в своей рутине уклад существования, как порядочный муж, он пошёл у жены на поводу и, выкроив пару часов в своём плотном рабочем графике, отправился вместе с ней на приём. Пожалуй, именно это и стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

После этой встречи Иван, уже в который раз за последние два года, всерьёз усомнился в умственных способностях супруги.

Когда-то бывшая модель с эффектной внешностью и непомерными амбициями показалась ему не самой плохой партией. При его финансовом положении женщины уже давно мало чем могли его удивить, в какой-то момент ему захотелось иметь рядом кого-то

постоянного- своего. Тогда впервые его аналитический ум дал сбой, и он женился на Илоне Васильевне Бражниковой.

Его отец Соломон Оскарович Ринберг, хоть и говорил, что понял выбор сына, но не поддержал, ведь сам он женился на своей Софочке исключительно по большой любви. Мать общалась с невесткой вежливо, но отстранённо.

В общей сложности Иван был женат вот уже года четыре, но почти всё это время он постоянно был занят делами семейного бизнеса, а Илона делала вид, что снималась в кино или сериалах и дома практически не появлялась. Обычно роли ей доставались эпизодические, но шума было сколько, как будто играла она, по меньшей мере, в голливудском блокбастере.

Иван, осмотрелся вокруг, словно пытаясь понять, что же он здесь забыл. Ринберг будто плохой актёр оказался на сцене в середине какого-то дешевого фарса, не зная ни единой реплики для своей роли. И что только он здесь забыл?!

— Вы это всерьёз?

Абсурдность происходящего зашкаливала. Совершенно не опасаясь показаться невежливым, Иван Соломонович Ринберг, до сегодняшнего дня успешный делец и порядочный семьянин, поднялся из мягкого кресла в кабинете чудного, с ударением на второй слог, доктора и решительно направился к двери. Всё с него хватит!

— Милый, ты куда? — растерялась Илона.

— Пожалуй, с меня достаточно, — ответил Иван на ходу, не оборачиваясь, сам не зная, что точно имеет в виду: сегодняшний приём или всю их совместную жизнь вообще.

Супруга быстро вскочила со своего места, словно собираясь его остановить, но господин психолог успел её опередить и первым устремиться вслед за Ринбергом.

— Иван Соломонович, я понимаю, что признание проблем — это нелёгкий и длительный процесс... — примирительно начал то ли Шварц, то ли Шульц, подкрадываясь к нему откуда-то со спины. — но, придя сюда, вы уже сделали первый шаг, и я на все сто процентов уверен, что вместе мы осилим этот сложный путь.

Мозгоправ почти процитировал девиз штата Кентукки «Вместе мы выстоим, порознь-падём», Ринберг усмехнулся собственным мыслям и пропустил момент, когда псевдодоктор положил свою руку ему на плечо.

— Иван Соломонович, вы должны понять, что бегство не решит, а только усугубит ваши проблемы... Если вы сейчас уйдете, о терапии уже не может быть и речи, у меня очень плотный график, только из уважения к вашей замечательной супруге и вам лично, я урезал часы индивидуального релаксирующего комплекса... — продолжал звёздный словоблуд, похлопывая потенциально пациента по плечу.

Ринберг всегда считал себя уравновешенным человеком, но с каждой секундой, проведенной в этом месте, желание двинуть по уху псевдосветилу усиливалось, ещё немного и оно могло стать практически непреодолимым.

То ли Шварц, то ли Шульц, наконец, прекратил ободряющие похлопывания и замолчал, продолжая пританцовывать вокруг Ивана.

Теперь инициативу перехватила Илона. До этого она лишь, заламывая руки со скорбным выражением лица, стояла поодаль и укоризненно смотрела на мужа:

— Милый, я же так стараюсь для нашей семьи, чтобы ты был со мной счастлив. А ты не хочешь даже прислушаться к мнению самого профессионального специалиста страны. Ты только скажи почему?

Ивану пришла в голову мысль, что это должно быть и был рекламный слоган доктора — «самый профессиональный специалист страны». Ринберг поднял глаза к потолку и едва слышно произнес:

— И за что мне всё это?

— Иван Соломонович, вы со мной согласны! Я знал, что вы разумный человек, — воодушевился доктор, очевидно предполагая, что рыбка надёжно заглотила наживку и плотно попала на крючок.

Человеческая память сложная штука, порой подкидывает неожиданные ассоциации. Ринберг не был меломаном, и уж тем более не пел в караоке-клубах, но, должно быть, от общения со странными людьми организм выдавал странные реакции. Ивану почему-то вспомнились слова попсовой песни, под которую лет десять назад любила отжигать его племянка Ида: «Как ты не крути, но нам не по пути, мы с тобой не пара, прости...» Вот и ему с людьми, находящимися в кабинете, было не по пути.

Он не хотел, но, уходя, громко хлопнул дверью с другой стороны, словно одним махом отсекая своё прошлое. Что ж в каком-то смысле этот визит ему действительно помог.

К почти сорока годам успешной жизни у Ивана Соломоновича Ринберга осталась только одна нерешенная проблема- идиоты вокруг, и именно ей он и собирался заняться в ближайшее время. В данном случае промедление, как в письме Ленина товарищам большевикам, смерти подобно.

Иван снял кольцо с безымянного пальца и, не жалея ни секунды, бросил его в урну при входе в здание, одновременно вызывая на голосовом наборе руководителя юридического отдела.

И вот, почти полгода спустя в шестистах километрах от того дрянного кабинета в Москва-Сити, Ринберг почувствовал, что вновь ощущает вкус этой жизни.

Пока они блуждали по длинным коридорам в поисках переговорной, Иван Соломонович отметить для себя: здание, в котором размещается его новое приобретение — агентство недвижимости «Академия риелти», не могло похвастаться отличной планировкой. После продуманного расположения помещений в их московском офисе это слишком бросалось в глаза, и контраст был поистине разителен.

— Хоть бы указатели какие-то повесили... — про себя возмутился господин коммерческий директор.

Но, видимо, в провинции имели весьма отдаленное представление о системе навигации, необходимой для современного офиса.

К неудовольствию Ринберга в затемненных коридорах «без окон, без дверей» никаких указателей не наблюдалось. Прямо заколдованное место какое-то. Для полноты картины не хватало только былинного камня с надписью: «Налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — жизнь потеряешь, прямо пойдешь — жив будешь, да себя позабудешь».

Вот только взрослая жизнь-это вам не сказки. Правда, иногда бывает очень похоже.

Всё начиналось относительно не плохо... После окончания планерки трое мужчин вышли из зала совещаний, чтобы встретить старинную подругу его бабушки. С ней у Ивана, собственно, и была назначена встреча, не столько приятная, сколько полезная. То, что известная в узких кругах тётушка Хая владела большей частью местного бизнеса, для делового человека сполна компенсировало её скверный характер.

Звёзды сошлись. Хая Вениаминовна Боринштейн уже много лет являлась клиентом «Академии риелти». Пожилая дама сама настояла на том, что сегодняшняя беседа должна состояться именно в офисе агентства недвижимости.

Мужчины встретили тётушку Хаю и, обменявшись приветственными любезностями, все вместе отправились в обратный путь.

Сначала свернули налево, и вместо коня Ринберг чуть не потерял своего лучшего друга и, что немаловажно, отличнейшего юриста Диму Пака.

Дима пал жертвой женского коварства. Он поскользнулся на полу, старательно натертом до блеска труженицей клининговой службы бабой Нюрой.

— А-а-а...вот, черт, — в сердцах выдал Пак, смешно размахивая руками в попытке удержать равновесие.

И ему это удалось, хотя любой другой на его месте потерпел бы фиаско.

Помогла природная корейская юркость: последний момент он устоял на ногах, — но даже она не спасла от гибели документ, прицельно спикировавший из рук Пака в ведро уборщицы и там же безвременно почивший.

При виде этой досадной потери солидный адвокат с многолетним опытом Нгуен Дуонг Пак, а для друзей просто Дима, не смог сдержаться и выдал на языке предков что-то с трудом переводимое, но явно неприличное, удивив этим всех кроме госпожи Боринштейн.

— Спокойно, мой мальчик. Утро только началось, а ты уже поминаешь предков всуе. Я и так знаю твоих родителей и, если память мне не изменяет, это несомненно достойные люди, — беззлобно поддела его Хая Вениаминовна. — Аркаша сейчас нам поможет.

Уже лет сорок никто не позволял себе так называть Крупельницкого.

Шестидесятилетний Аркаша покраснел, как рак, но перечить почтенной даме не стал.

Спорить с тетушкой Хайей себе дороже: Боринштейнам в их местности принадлежали почти все мало-мальски перспективные земельные участки, да и с коммерческой аренды помещений в их зданиях агентству перепало немало комиссии, так что он видел смысл перетерпеть мелкие заскоки этой почтенной дамы.

— Сейчас вызову...

— Аркаша, я надеюсь, ты не собираешься посвящать лишних людей в наши дела... — продолжила госпожа Боринштейн, не удосужившись дослушать Аркадия.

— Обижаете, Хая Вениаминовна. Разве вы плохо меня знаете?

— Знаю-то я тебя как раз хорошо! Ты тот ещё жук, поэтому и говорю, чтобы лично всё проконтролировал, а не перекладывал на других- таких вот длинных, как жердь, и безмозглых, как куры, которым голова дана, чтобы шапку носить, — не стала особо с ним миндальничать госпожа Боринштейн.

Ещё секунду назад казалось, что больше покраснеть было уже не возможно, однако цвет лица Крупельницкого снова изменился и теперь достиг оттенка изрядно переспевшего красnodарского помидора. Неприятно, когда тебя так публично уличают в слабости, пусть и давно известной. Аркадий Семёнович гневно посмотрел на тетушку Хаю, но благоразумно решил промолчать. Он ослабил галстук и, заметно нервничая, обратился к Ивану:

— С вашего позволения мы с господином Паком поднимаемся в мой кабинет и восстановим документы. Это займет несколько минут. Я распоряжусь, чтобы вам пока принесли кофе.

Ринберг только кивнул. Ничего критичного в ситуации он не видел, а некоторая абсурдность диалога его даже позабавила.

Хая Вениаминовна, словно проверяя выдержку Крупельницкого, продолжила в своём репертуаре:

— Надеюсь, хоть это твои мондельки делать умеют. В моем почтенном возрасте не хотелось бы отравиться.

Последнее замечание заставило Ивана невольно улыбнуться. Госпожу Боринштейн он знал с детства и догадался, что та специально исковеркала слово, словно намекая на что-то не очень приличное, чтобы пристыдить Аркадия Семёновича, ведь его любовь к женщинам была хорошо известна далеко за пределами фирмы.

— Не беспокойтесь, Хая Вениаминовна, всё будет в лучшем виде, — заверил Крупельницкий, стремительно удаляясь вместе с Паком.

Плевать, что выглядело это, как откровенное бегство.

Вот так господин Ринберг остался наедине с госпожой Боринштейн, женщиной с поистине демоническим характером.

Вдвоем они и повернули направо.

Гости едва сделали несколько шагов по новому ответвлению коридора, как почти перед носом у Хайи Вениаминовны, резко запахнулась дверь. Ринберг в последний момент чудом отстранил старушку, идущую немного впереди, но сам отскочить не успел и основательно получил по плечу.

С каждой секундой, проведенной здесь, шансы расстаться с жизнью стремительно возрастали.

Между тем виновница его бед с малопонятными воплями про какую-то Алечку Андреевну цокая каблуками, как настоящая лошадь, унеслась прочь. Пострадавшего от её действий Ринберга она даже взглядом не удостоила: то ли не заметила, то ли посчитала, что

может себе позволить подобное поведение.

— А что я ему, Ваня, говорила?! Как есть куры безмозглые. И откуда он их только понабрал этаких бешенных. От пивных ларьков что ли.

Но Ринберг не был бы Ринбергом, если бы быстро не взял себя в руки. Держать марку в любой ситуации уже давно стало его жизненным кредо.

— С этим я обязательно разберусь, но позже. А пока давайте продолжим наш путь.

Но изменчивая Фортуна сегодня была явно не на его стороне.

Уже практически на подступах к переговорной Иван снова столкнулся с неумело оттюнингованной вредительницей. Теперь-то он её разглядел, как следует, но лучше бы не разглядел. Вероятно, предполагалось, что жёлто-молочный цвет волос сделает её блондинкой. На секунду ему показалось, что в глазах даже зарябило от вида укороченного комбинезона расцветки «вырви глаз». Ринберг не был ценителем подобных модных экспериментов. С его точки зрения только блондинка из пошлых анекдотов могла нацепить на себя такой наряд.

Девушка решительно развернулась в сторону Ивана Соломоновича. От удивления её рот приоткрылся. Она попыталась шагнуть ему навстречу, но высоченные каблуки подвели...и драгоценная гостья Ринберга, у которой тот собирался купить участок под застройку для своего нового проекта, вновь оказалась в опасности. В отличие от псевдоблондинки старушка отличалась хрупким сложением и могла значительно пострадать от падения на неё такого неопознанного объекта. Снова Ивану пришлось встать грудью на амбразуру и, проявив чудеса ловкости, поймать странную девушку в свои объятия.

— О-о-о, Иван Соломонович, это вы?!.- пропела она, хлопая щетками наращенных ресниц и нелепо растягивая слова. К её огромному сожалению надолго удержать внимание желанного мужчины Лялечке не удалось.

У неё за спиной кто-то возмущенно фыркнул, а затем раздалось ненавистное ворчание старухи Боринштейн:

— Да, «о времена, о нравы»... Вот не думала я, не гадала, что доживу до такого срама, когда женщины первыми на мужиков кидаться станут. А ты что, Ванечка, не весел? Что ты голову повесил? Нечего ловить что ни попадя, тогда и грустить не придётся. Чего застыл? Раз девушка ходули одела, а крылья нацепить забыла, так знай себе — летит!.. Я так считаю.

Ринберг с каменным, ничего не выражающим лицом, помог Лялечке принять устойчивое положение и сделал пару шагов назад, внимательно на неё покосившись, всё ещё не будучи уверенным в безопасности Хай Вениаминовны.

— Простите меня. Я же это сделала не специально... — виноватым тоном маленькой девочки протянула Носова, преданно заглядывая Ивану в глаза. — Вот и Алечка Андреевна подтвердит.

— Нечего Алевтину сюда приплетать. Что не специально-то? Копыта нацепила? Или мозги включить забыла? Тридцать лет, а ума, Ольга, у тебя как не было, так и нет, — не сдавалась тетушка Хая. — Да я тебе и больше скажу-и не будет. Горбатого могила исправит.

Ляльку она невзлюбила давно: ещё со времен, когда та в школе пыталась встречаться с её внучатым племянником Изей и пару раз бывала у Боринштейнов в гостях, но ко двору не пришлась.

— Кстати, здравствуй, Алевтина. Давно тебя не видела.

Иван понял, что тетушка Хая обращается к стоящей чуть поодаль молодой женщине в строгом васильковом платье.

Пожилая дама переключила своё теперь уж благосклонное внимание на ещё одного молчаливого наблюдателя этой сцены, а Лялечка незаметно стала пробираться к выходу — видимо инстинкт самосохранения всё же пересилил желание ещё полюбоваться на мужчину своей мечты. Кто знает, что взбредёт в голову вздорной старухе. Надо уносить ноги, пока та отвлеклась.

— Добрый день, Хая Вениаминовна. Ваша правда: давно вы к нам не заходили.

«Миленькая... — первое, что пришло на ум Ринбергу. — Не совсем худышка, но с хорошими пропорциями фигуры. Лицо симпатично. Выдержанный стиль в одежде».

Вот, пожалуй, и всё, что Иван смог выделить в своем впечатлении. Внешне не такая яркая, как его бывшая жена, но, несомненно, интересная.

«Кто это? Неужели тоже «подруга» Крупельницкого?» — подумал Ринберг, сам удивился тому руслу, в котором потекли его мысли, и тут же одёрнул себя.

Он был точно уверен, что не знает никого с именем Алевтина, но отчего-то девушка показалась ему смутно знакомой.

Для Островской сегодняшний день получился насыщенным событиями и сложным эмоционально.

Как следствие Алевтине не спалось. Чтобы не разбудить Сеньку, она устроилась на кухне. Девушка переключала на телевизоре музыкальные каналы и всё никак не могла остановиться на каком-то одном.

Кот Лешек, царственно развалившись на широком подоконнике среди цветов, с высокомерием английского аристократа снисходительно наблюдал за её мучениями, сполна оправдывая название своей породы, одним словом, истинный британец.

После очередного клика на экране появился Игорь Корнелюк и проникновенным голосом запел про город, которого нет:

«Ночь и тишина, данная на век,
Дождь, а может быть падает снег...»

А что? В первом часу ночи самое то. Настроение всё равно никакое, да ещё и погода эта, дурацкая: снег в июле, конечно же, не выпал, но зато после обеда пошёл затяжной дождь, который так и не прекратился до сих пор.

Сырость Островская не любила с детства, вроде бы, на это не было особых причин. Просто не любила и всё! Вместе с дождём к ней всегда приходили уныние и тоска, а сегодня к этой неразлучной парочке добавилась ещё и третья подружка- бессонница. По крайней мере, Але очень хотелось думать, что покой и сон она потеряла именно из-за дождя, а не по какой-то другой причине.

«Где легко найти страннику приют,
Где, наверняка, помнят и ждут,
День за днем, то теряя, то путая след,
Я иду в этот город, которого нет...»- продолжал сокрушаться о прошлом Корнелюк.

Про то как «любят, помнят и ждут», Островская знала не понаслышке. Только для неё это было в далеком прошлом, которое пришлось забыть, как страшный сон, и навсегда оставить в городе, которого для неё в этой жизни больше не существует. По крайней мере, уж точно она не стремится снова туда попасть. У неё и так всё отлично: любимый сын, шикарный кот, обустроенный дом, интересная работа.

— Разве этого мало? Что ещё для счастья надо? Правильно, ничего. Хватит всякие глупости вспоминать. Живи и радуйся! — произнесла Аля вслух, прежде всего убеждая саму себя.

— Было, было, было, было, но прошло, о-о-о, о-о-о... — донеслось из телевизора, словно подтверждая слова Островской.

— Рмяу... — встрепенулся кот.

— Кис, ты тоже это слышал?.. Прямо рубрика стол заказов на радио Ретро. FM, — усмехнулась девушка, чтобы прогнать назойливые воспоминания она решила развлечь себя разговором.

Ночью на кухне претендентов на роль собеседника было двое: кот и телевизор. С таким количеством кандидатов кастинг точно не устроишь, хотя в настоящее время оба: и телевизор, и кот- вполне соответствовали моменту. После недолгих размышлений Алевтина Андреевна Островская отдала предпочтение коту. Всё же живое существо, пусть и

неговорящее по-человечески, приятнее неодушевлённой вещи.

— Кис, хочешь колбаски? — обратилась она к мохнатому псевдоаристократу. Ничего другого кроме «Кремлевского сервелата» из всей широкой линейки колбасной продукции кот пригодным для употребления не признавал.

При упоминании любимого лакомства Кис сначала одарил её заинтересованным взглядом, а после подкрепил согласие протяжным:

— Мяяяу! Мя-мяяу!

— Тише-тише. Да поняла я. Поняла. Не шуми, а то Сеньку разбудишь, — пожурила кота Аля. — Садись на своё место.

Лешек легко и почти бесшумно спрыгнул с подоконника и с независимым видом занял стул, на котором только что сидела Островская.

— Эх, ты, Киса Лешек! Я давно подозревала, что ты себя считаешь с нами на равных, но всё же перебирайся на своё место, — сказала девушка и махнула рукой в сторону, стоящих в углу, кошачьих мисок, указывая коту направление.

— Мя-мяу! — раздалось в ответ.

— Давай, давай поторапливайся... Я могу и передумать.

Кис недовольно фыркнул, но всё же неспешно переместился и занял выжидательную позицию.

Аля угостила кота тонкой нарезкой, налила себе обжигающе горячий кофе и снова села за стол.

Под довольное урчание кота некстати вспомнилась ворчливая Хая Вениаминовна, которая часто любила повторять, что в одиночку пьют только алкоголики. Интересно, что она сказала бы про тех, кто по ночам кормит кошек колбасой? Явно ничего хорошего.

Алевтину всегда удивляло это странное прозвище, которым за глаза называли пожилую даму-тетушка Хая. И хотя она много раз его слышала, у самой Али просто язык не повернулся бы так назвать госпожу Боринштейн, это всё равно, что назвать английскую королеву бабушкой Лизой, не тот масштаб личности был у Хай Вениаминовны.

Бог с ними, со всеми: и с госпожой Боринштейн, и с теми, кто называет её этим глупым прозвищем. Нужно о своей жизни беспокоиться. Завтра на работу, а сна нет ни в одном глазу.

Сенька давно мирно сопел в своей постели и, наверное, досматривал десятый сон, в то время как его любимую мамочку совсем замучила бессонница. Эта подлая зараза явно не спешила отступать.

Пока Сенька ещё не спал, Островская хотела сходить в аптеку за снотворным. Здесь не далеко, пару дворов всего пройти, но потом решила не оставлять сына одного.

А теперь жалела, что не пошла, слишком боялась проспать и опоздать на работу, поэтому в этой неравной борьбе ей пришлось попробовать народные средства.

Уже часа два как Аля чувствовала себя жертвой нерадивых блогеров. Прежде чем расположиться на кухне и со знанием дела предаться унынию, она четко следовала инструкциям, которые были найдены на просторах интернета и показались ей более-менее безобидными. Например, принимала ванну с каплями валерианы, дышала на балконе свежим воздухом, пила сладкий ромашковый чай и считала овец, а ещё считала коров, потом слонов, потом крокодилов, потом вомбатов, а дальше ей просто надоело считать-оказалось, что битва за сон была проиграна ещё до её начала. Алевтина очень старалась, но не один из предложенных способов ей не помог.

Окончательно отчаявшись выспаться, девушка решила поработать над новым тренингом. Да, с продажами у них всё вроде было не плохо и прибыль, если не широкой рекой, то уж точно стремительным ручьём текла в компанию. Но, как известно, нет предела совершенству. Кто знает, как их успехи оценит столичный гость?

Островская давно убедилась на собственном опыте, что начальство, создано совсем не для того, чтобы быть довольным. Честно говоря, ничего хорошего от визита господина И.С. Ринберга она не ждала.

Да, да, именно так было написано на двери специально выделенного для него кабинета «г. н. И. С. Ринберг» без указания должности, прямо как в заголовке газеты «Правда» про то, что «страна должна знать своих героев в лицо».

При обычных обстоятельствах их так называемый менеджер по рекламе особым рвением к работе не отличался. Но той оперативности, с которой Анечка буквально добыла именной указатель, мог бы позавидовать даже самый исполнительный сотрудник.

Оставалось только молча удивляться. Чудеса, да и только!

Может, Ринберг всё-таки волшебник? Так глядишь ещё чуть-чуть, и их «Академию риелти» можно будет переименовывать в Изумрудный город из страны Оз, хотя парочка Страшил и Трусливых Львов там обитают уже сейчас.

Поразительно сколько интересного, в том числе, и для взрослых, можно встретить в детской литературе, если только читать внимательнее. Сама Алевтина сказки не любила, жизнь научила её в них не верить, но Сенька любил... Разве мамочка может отказать любимому сыночку? Конечно, нет, поэтому каждый вечер перед сном Аля исправно с выражением читала ему волшебные истории, и очень надеялась, что проза жизни не сможет подрезать крылья её Сеньке — замечательному доброму мальчику.

Откуда-то со стороны послышалась знакомая мелодия. Островская даже не сразу сообразила, что это надывается её телефон.

Странно, очень странно.

Тревожное предчувствие охватило Алевтину.

С хорошими новостями звонить в такое время не могли по определению. Мелодия звонка была стандартной, а на экране высвечивался незнакомый номер, но Аля не была бы Алей, если бы продолжила медлить, уже давно она предпочитала встречать неприятности лицом к лицу. Палец невесомо скользнул по экрану и, показалось, что сердце вот-вот перестанет биться:

— Да? Кто это? — неуверенно спросила девушка.

Молчание в ответ. Что за шутки?!

— Алло? Я вас слушаю.

— Тина... Тина, это ты? — нотки недоверия и безудержного пьянящего, а, может, пьяного, веселья слышались в хриплом мужском голосе на другом конце трубки.

— Мужчина, вы ошиблись!

— Э, нет, Тина, ты меня не обманешь...

— Тину в болоте поищите, а мне вы мешаете спать. Ещё один звонок и я подам на вас жалобу за хулиганство, — на корню обрубив она все потуги собеседника к общению и немедленно положила трубку. Её руки дрожали, а в глазах стояли давние непролитые слёзы.

Узнала ли она звонившего?.. О, да.

Могла ли не узнать?.. О, нет.

Даже если бы Аля захотела ошибиться, это было бы невозможно, ведь за всю жизнь

только одному человеку нравилось называть её Тиной. Но сегодня это не имело никакого значения, девушка сказала ему чистую правду: той наивной Тины здесь давно уже не было, а её место прочно занимала Алевтина Андреевна Островская собственной персоной.

— Прошу любить и жаловать... — горько усмехнулась Аля.

Для Ринберга утро наступило как-то неожиданно и не принесло с собой никакого облегчения. Адская головная боль и небывалая слабость во всём теле — вот, что он ощутил, проснувшись ни свет ни заря.

В этот момент Иван сравнил себя с деревом: у него возникло чувство, словно на его плече, как на ветке, сидит настёрный дятел и вместо шишки методично долбит ему в висок.

Кроме того, во рту у него был пересохший в жаркий полдень в пустыне Сахаре колодец, а неприятные вкусовые ощущения наводили на мысль, будто в той самой пустыне пал, и уж точно не смертью храбрых, кто-то не очень ароматный: пахучий скунс, например. Хотя, наверное, они в Сахаре не водятся? В отличие от сферы бизнеса познания Ивана о жизни диких животных были весьма ограничены. Как-то до сегодняшнего дня мелкие хищники совсем не входили в круг его интересов. Может зря? Оказывается, не такое уж у него и разностороннее образование. Пробелов масса. Местообитание скунсов, например, Ринбергу было неизвестно, разве что только парочки человек, которые вполне могли сойти за этих тварей божьих.

«Что за бред лезет в голову? Так и до белой горячки недалеко. Хотя неизвестно, кто лучше, скунсы или странные девочки в глазах...»- подумал Иван, припоминая кроваво-красную помаду вчерашней свалившейся на него девицы из «Академии риелти».

Он с трудом разлепил глаза и приподнял руку, чтобы, наконец, посмотреть, сколько сейчас времени. Его эксклюзивные именные часы, сделанные по индивидуальному дизайну, показывали пять тридцать утра.

— Отлично, сон алкоголика крепок, но краток... — прохрипел сам себе Ринберг народную мудрость, засевавшую в голове с легкой подачи Хаи Вениаминовны. — Вот ведь вездесущая.

Мысли о тетушке Боринштейн изрядно отрезвили Ивана. Преодолевая вялость тела и заторможенность сознания, он поднялся с постели и, пошатываясь, прямо как был, обнаженным, поплёлся в ванну. Ну, да, была у него такая привычка — спать голым. В конце концов, он у себя: смущаться и смущать ему некого.

— И что это меня так развезло? — удивился Ринберг, ведь проблем с алкоголем он никогда не имел и даже в пору бурной молодости четко знал свою норму. — Как-то это всё странно...

Срочно нужно приводить себя в порядок. Вчера какой-то чёрт дернул его назначить на сегодня проверку отдела продаж, а по итогам совещание с его руководителем Алевтиной, той миленькой шатенкой в васильковом платье, так что душ, милый душ ему в помощь.

Путь от спальни до ванной пролегал через всю квартиру. Спустя пару минут, которые показались Ивану вечностью, он, медленно передвигая ногами, а порой и цепляясь за стену, добрался до гостиной, где его ждал сюрприз и не сказать, чтобы очень приятный.

Ринберг подскочил от неожиданности и быстро схватил со стеклянного столика первое, что попало под руку: последний выпуск «Бизнес журнала» со своим фото на обложке. Да, сегодня его интервью определенно нашло своего почитателя. Не то чтобы он отличался особой стеснительностью, но причинные места всё же решил прикрыть, в сорок лет становиться моделью в стиле ню ему как-то не хотелось.

— Что за чёрт? — возмутился Иван, одной рукой придерживая впереди себя журнал и

стараясь защитить от любопытных глаз стратегические цели ниже пояса, а второй протирая глаза, недоверчиво глядя прямо перед собой.

Посреди его гостиной на мягком ковре в обнимку со счастливой обладательницей кроваво-красных губ, на секунду показалось даже, что той самой вчерашней псевдоблондинки, спал его друг, уважаемый юрист Дима Пак.

Напрасно Иван переполошился, никто из этой парочки спящих красавцев просыпаться явно не собирался. В этой ситуации радовали два факта: девица не казалась знакомой, а Пак был, хоть и растрепан, но вполне одет.

Да простит его корейский папа Пак, но сейчас его сын своим розовым лицом больше походил на молочного поросёнка, чем на наследника солидной юридической фирмы. Но папа Пак не знал мыслей Ринберга, а закадычному другу Диме тоже было не до него, он перевернулся на спину и счастливо захрапел переливами.

Оставив гостей досыпать, Иван продолжил свой путь и, когда заветные метры остались позади, вздохнул с облегчением. Он забрался в душ и, не сдержавшись, вздрогнул: в первые мгновения холодные капли воды обжигали и неприятно царапали кожу, но уже через минуту, когда Ринберг привык, пришло расслабление.

Минут двадцать он стоял под потоками воды, опираясь на стену и даже не пытаясь пошевелиться.

— Как же хорошо.

Не смотря на жуткое похмелье его аналитический мозг, пусть и отравленный алкогольными парами, продолжал работать. Что-то определенно было не так? Но, что именно, он понять не смог и решил, что подумает об этом позже.

После душа Ринберг почувствовал нарастающую бодрость каждой клеточкой своего тела. Он обмотал полотенце вокруг бедер, неидеальный наряд, но всё же лучше чем «Бизнес журнал», с особой тщательностью почистил зубы и побрился. Теперь бы ещё выпить кофе и можно считать, что жизнь удалась.

На кухне его уверенность почти окрепла. В этой квартире, кроме него никто никогда не жил, поэтому Иван не сомневался, что в холодильнике могла бы повеситься мышь, еда там уже давно не водилась, но на полке обнаружился его любимый сорт кофе, и даже кофемашина оказалась исправной.

Как только по квартире разнесся ароматный запах кофе, для Ринберга утро стало гораздо приятнее. Иван Соломонович вышел на лоджию, остекленную от пола до потолка, распахнул окно. С почти невиданной для этого города высоты двадцать пятого этажа, на котором располагалась его квартира, мужчина окинул взглядом просыпающийся город, сделал глоток черного обжигающего кофе, всё как он любит ни грамма сахара, и, почувствовав себя королём мира, произнес:

— Несмотря ни на что, это твой день, Иван!

Сначала из гостиной послышались тихие шорохи, причиной которых, скорее всего, был его корейский друг, затем отборный русский мат, и спустя несколько минут он мог лицезреть перед собой помятую физиономию Пака.

— Ну, ты силён, Ваня! Ни свет ни заря, а ты уже на ногах, — протянул гость, тщетно пытаясь привести в порядок свой костюм.

— Да, ладно, Дим, ты я смотрю тоже бодрячком, — усмехнулся Ринберг. — Что кто там с тобой? Подруга твоя новая?

Пак пожал плечами и растерянно оглянулся назад.

— Подруга?!

— Та девица, что прилегла рядом с тобой на ковре гостиной... — пояснил Иван товарищу.

— Ааа, эта? Это Аня- племянница Крупельницкого. Он нас ещё вчера знакомил. Ты что забыл? Она отдыхала в том же загородном клубе, что и мы, — объяснил Дима появление нежеланной гостьи.

— Аня, Маня...Мне без разницы, просто будь другом, избавься от неё как можно быстрее.

Пак не стал спорить и с видом преступника, осужденного на казнь, побрел обратно, выполнять просьбу хозяина квартиры. Неприятная ситуация, но он сам виноват, что притащил девицу в чужой дом, надо было вчера в отель ехать, чтобы никого не стеснять.

Иван пытался особо не вслушиваться в их разговор, но визгливый тон барышни настырно будоражил, уснувшую было, головную боль. К счастью, продлилось это недолго, и громкий звук захлопывающейся двери принес облегчение.

Пак не был бы Паком, если бы проиграл в таких легких переговорах, в профессиональных кругах его уже давно называли гением аргументации. Ринбергу несказанно повезло, что у него такой друг. Хотя вчера их чуть было не сделали, как неоперившихся птенцов. Хотя по сравнению с хитрой и изворотливой тетужкой Хаей они, пожалуй, и были желторотыми птенцами.

Почтенная госпожа Боринштейн владела участком, который отлично подошёл бы под комплексную застройку. По предварительным расчетам рентабельность проекта в регионе зашкаливала, Иван даже сразу не поверил цифрам и заставил финансовых аналитиков перепроверять все данные. Дело оставалось за малым- выкупить землю.

После месяца безуспешных переговоров Хая Вениаминовна прямо заявила представителям холдинга, что ни с кем кроме самого Ринберга и его отца дел решила не иметь. Иван так и не понял причин подобной принципиальности тетужки Боринштейн, но ради проекта ему пришлось отложить столичные дела и прилететь сюда. И вот, наконец, вчера свершилось чудо, и они договорились. Правда сначала всё шло не так уж и гладко. Чего только стоила фраза тетужки Хаи:

— Ваня, если бы твоя покойная бабушка Сима не была моей лучшей подругой, и ты и твой почтенный папа Соломон не были мне как родные, я бы подумала, что ты пытаешься надуть меня, как воздушный шарик.

— Что вы, Хая Вениаминовна! Как можно?

— Может я и стара, но совсем ещё не слаба умом. Это где это видано, чтобы «утром были стулья, а вечером деньги»? — цитировала она по памяти горячо любимых Ильфа и Петрова.

Ринберг-младший с детства не любил «Двенадцать стульев», наверное, потому, что слышал их слишком часто: фразы оттуда были постоянными спутниками его жизни, бабушка, как и её подруга, тоже их любила.

Но всё хорошо, что хорошо кончается. После того как договор был подписан и на удивление все остались довольны, Аркадий Семенович предложил:

— А давайте по русской традиции вечером отметим это радостное событие?

Уже ближе к девяти вечера он, Пак и Крупельницкий втроём приехали в местный загородный клуб, немного посидели. Всё вроде было в порядке.

Иван не привык терять контроль над ситуацией, но последнее что он помнил, как в час

примерно ночи держал телефон в руках.

Может прав был этот ненормальный то ли Шварц, то ли Шульц, то ли Шторц, и к нему незаметно подкрался кризис среднего возраста?!

«Ты буди-буди-буди, пока крутишь бигуди.
 На работу к девяти, зачем тебя я заводил?
 Ты буди-буди-буди, пока крутишь бигуди.
 На учебу к девяти, и тебе пора идти.
 Ты буди-буди-буди, пока крутишь бигуди.
 На работу...»

— О Боже!.. — простонала Алевтина.

Как же сильно она ненавидела эту песню. Каждое утро строго по расписанию в пять тридцать. В остальное время Аля её даже почти любила: было в ней что-то...бодрящее.

Сегодняшним утром будильник надрывался уже не в первый раз. Голос Крида настойчиво призывал её идти на работу, однако заставить себя встать Островская так и не смогла. В полудрёме она нажимала на повтор, через некоторое время мелодия повторялась снова. Долго так продолжаться не могло, но полноценно проснуться не выходило. И вот теперь своим бездействием она, кажется, разбудила сына раньше времени.

— Мааам, мама...Мам! Быстро вставай! Я кому говорю!? — Сенька своим детским голосом забавно копировал командные нотки.

Алевтина слышала его сквозь сон и даже чувствовала прикосновение мягких маленьких ладошек на своем плече, но открывать глаза не было ни сил, ни желания.

— Ууу... — вот и всё, что она смогла из себя выдавить.

— Мама, мам, вставай! Твой будильник уже два раза звонил. Правда-правда. Я услышал и сам пришёл тебя будить. — не сдавался сынок.

— И в кого только ты такой настырный? — и не то чтобы она не знала, это был скорее риторический вопрос. — Ну, Сень...

— Мам, я понял... Ты сегодня заколдованная принцесса, как спящая красавица... Сейчас я тебя расколдую. Я знаю, что делать.

Сенька неловко перелез через неподвижную Алю на другую сторону широкой кровати, немного повозившись, забрался под одеяло и, наконец, довольный, что всё получилось, положил голову рядом на подушку.

— Я даже слова волшебные знаю... — громким шёпотом поделился он своим секретом.

— Какие такие волшебные слова? — так и не открыв глаза, включилась в игру Алевтина.

— Мам, ты лучшая мама на свете. Я тебя люблю... — быстро-быстро протараторил Сенька и стал покрывать поцелуями щеки свой любимой мамочки.

Але стало щекотно, смешно и радостно одновременно. И как здесь не проснуться? Вот оно её счастье! Вот он родной человечек, такой добрый и светлый — её персональный лучик солнца. Она открыла глаза и с улыбкой произнесла:

— Как утро встретишь, так день и проведешь!

— Урра! У меня получилось. Мам, правда, я молодец?

Её малыш был таким искренним в своей бесхитростной радости, что не залюбоваться им было невозможно.

— Да, малыш. Ты у меня молодец, — подтвердила девушка

— Ну, мам, я уже большой! — недовольно пробурчал Сенька.

— Конечно большой. Ты у меня большой молодец, — сказала Алевтина. — но для меня ты всегда мой любимый малыш.

— Даже когда пойду в школу?

— Да.

— Даже когда я вырасту и буду ходить на работу как ты? — продолжал пытливо выяснять мальчик.

— Даже когда на работу, как я. Всегда.

— Круто, мам. — обрадовался Сенька.

— Ладно, лежать хорошо, но нам пора собираться. Пойдем умываться и чистить зубы. Кто первый? — сказала Аля, нарочито медленно выбираясь из-под одеяла.

Сын нехотя слез с постели, пересел на кресло, и, чинно сложив руки на коленях, с самым, что ни на есть, серьезным видом заявил:

— Мам, ты проиграла. Забыла, я же большой. Я умылся и почистил зубы сам, пока ты спала. Правда-правда.

— Точно умылся и почистил? — строгим голосом переспросила мама. — А то я сейчас проверю.

Обычно Островская с трудом заставляла сонного Сеньку проделывать утренние процедуры, иногда строгим родительским авторитетом, иногда подкупом, как сегодня, с вечерними процедурами их дела обстояли значительно лучше. Малыш засмеялся:

— Мама, посмотри в мои честные глаза...

— Честные глаза — это, конечно, аргумент. Ну, что поделаешь? Тогда с меня вечером приз, — пообещала Аля и отправилась в ванную комнату.

— Ух, ты... Мам, мама, а скажи какой? Какой? — не отставал от неё непоседа.

— Вечером узнаешь, — сказала Алевтина и улыбнулась, глядя на малыша.

— Мам, а ты можешь меня в обед забрать?

— Я бы очень хотела, Сень, но ты же знаешь, мама до вечера работает. А раз ты уже большой, иди пока проверь, что там делает Лешек, а то как-то он подозрительно притих. Я по-быстрому приведу себя в порядок, заправлю постель, и будем завтракать. Хорошо?

— Даааа, — на ходу прокричал малыш и унесся искать кота. — Киса Лешек? Киса Лешек, ты где?

Но кот, словно истинный агент британской разведки, был тем ещё конспиратором, и откликаться на зов Сеньки не спешил. И пока кошачьи адреса, пароли и явки не были провалены, а, значит, сын был занят, Алевтина решила поспешить со своими утренними делами.

Минут через пятнадцать, когда Сенька уже старательно уплетал на кухне овсяную кашу с вишневым вареньем и при этом умудрялся смотреть мультфильмы, кот обнаружился медитирующим на лоджии у приоткрытого окна. Был ли мохнатый шпион здесь с самого начала поисков или только выбрался из укрытия — так и осталось неизвестным. Лешек подергивал ушами и прислушивался.

Алевтина Андреевна Островская не была любопытной от природы, но сегодня решила посмотреть, что же это так заинтересовало её кота.

Рано утром во дворе было совсем не многолюдно: дворник подметал дорожки на детской площадке, а под деревом недалеко от их подъезда курила девушка. Сначала внимание Алевтины привлекло не в меру короткое красное платье и алая помада, а потом эмоциональные жесты и вскрики. Аля поняла, что та с кем-то общается по телефону, и так

как жили они на втором этаже, а дама в красном разговаривала слишком громко, некоторые обрывки фраз доносились до Алевтины вполне четко:

— Как так?! Да вот так просто...

— Я??? Нет, я сделала всё как надо...

— Не учите меня жить, помогите материально...

— И так слишком помогаете? Живу за ваш счет?! Пора отрабатывать?!

Аля и Лешек молча наблюдали, как девица бросила сигарету и разъяренной фурией пронеслась мимо их балкона. Кис повернул голову в сторону хозяйки и невозмутимо протянул:

— Мяяу!

— Ты тоже так считаешь? — обратилась Островская к коту.

Всё произошедшее показалось ей довольно странным. В скрывшейся из виду дамочке в красном Алевтина узнала свою знакомую, хотя насколько Островская знала, та жила на другом конце города.

Может, ошиблась? Второй этаж всё-таки.

— Ладно, Кис, проветрился? Хорошего понемногу. Пойдем завтракать, а то Сенька нас заждался.

Летящей походкой, словно прекрасное виденье, Алевтина вышла из такси, после того как это жёлто-канареечное недоразумение с большим трудом припарковалось перед зданием, в котором располагался офис «Академии риелти».

Водитель с редким для их местности именем Кахабер совсем уж не прилично подрезал въезжающий на парковку с другой стороны чёрный внедорожник и не почувствовал при этом ни капли раскаянья. Вместо извинений за то, что чуть было не создал аварийную ситуацию, он позволил себе весьма эмоционально высказаться в чужой адрес:

— Boy, это же Toyota Land Cruiser 200? Да только посмотри, красавица, такую ласточку купил, а дороги не видит, вот редиска- нехороший человек! Сказал бы я ему и что покрепче, да не при девушке.

— Может быть, и Toyota Land Cruiser, — почти безразлично пожала плечами Островская. — По мне машина как машина. Я лучше разбираюсь в сфере недвижимости, а не автопрома. Вот отличить «хрущевку» от «сталинки» сразу могу, а это совсем другое дело.

— А я точно тебе говорю, что это она, красавица! — не унимался Кахабер.

— Да, уж нравится, не нравится, терпи, моя красавица, — прошептала себе под нос Аля.

Общительный водитель такси всю дорогу от нотариуса до офиса травил байки, пытаясь обратить на себя внимание симпатичной пассажирки. За полчаса пути он уже успел порядком утомить Островскую.

Не обращая ни малейшего внимания на настойчивые сигналы водителя тойоты, невозмутимый Кахабер проявлял чудеса галантности — он, как истинный кавалер, выскочил со своего места, чтобы открыть для дамы дверь, и чужое недовольство его не особо волновало.

Вся эта комичная ситуация в достаточной степени позабавила Алевтину. Если честно, ездить на такси Островская совершенно не любила. Она предпочитала водить сама или ходить пешком, благо до работы недалеко, но не доверять свою жизнь незнакомому человеку. Мало ли что может случиться, а у неё сын. Лучше лишний раз не рисковать, но сегодня вот пришлось.

Громко хлопнула дверь чёрного монстра, это водитель внедорожника решил выбраться наружу. Похоже, ему надоело ждать, пока сердечный грузин распрощается со своей пассажиркой.

— Уважаемый, долго ещё? — хмуро глядя в их сторону, гаркнул детина, такой же здоровенный, как и авто, которое он водил. — Здесь людям работать надо.

— Ты почему такой злой? Молодой ещё и такой злой! Не знаешь совсем, что работа не волк, в лес не убежит, — ответил таксист, он хоть и не растерял своей веселости, но, улыбаясь всё же перестал и начал осторожно пятиться к водительскому месту.

Парень из крузака промолчал, но продолжил сверлить хмурым взглядом такси, словно разглядывая букашку, которую во-вот собирается прихлопнуть.

Похоже, кому-то надоело ждать, потому что окно на заднем сидении чуть приоткрылось так, что пассажира всё ещё не было видно, но властный голос вполне был различим:

— Геннадий, что там у тебя происходит?

— Ничего, Иван Соломонович. Сейчас поедем, — пробасил Гена и, нарочито медленно закатав рукава рубашки, двинулся в их сторону.

— Зачем так? Понял, понял. Кахабер- не дурак, совсем не дурак. Еду, еду уже. Удачи, красавица, — прокричал грузин, быстро заскочил в машину, на лету схватил руль, и, дав по газам своей канарейки, за секунду унесся в неизвестном направлении.

Конечно, можно было бы долго и тщательно искать, но Островская на двести процентов была уверена, что во всём их городе так и не нашлось бы других Иванов Соломоновичей, кроме Ринберга, и потому выходило, что столичное начальство решило пунктуальностью не заморачиваться, а ей пришлось напрасно спешить и ехать на нелюбимом такси.

— Прямо классика жанра: пункт первый — начальство не опаздывает, оно задерживается; пункт второй — если ты с чем-то не согласен, смотри пункт первый, — размышляла вслух Алевтина, пока шла от парковки к зданию. Ей казалось, что она буквально спиной ощущает чей-то пристальный взгляд. Аля готова была поспорить на что угодно, что смотрел на неё совсем не здоровяк Гена.

— Доброе утро, дядя Миша! Как ваши дела? — спросила она у охранника на посту рядом с центральным входом.

За пять лет, что Островская работала в «Академии риелти», небольшая ежедневная беседа с дядей Мишей, уже стала для них своеобразной традицией. И хотя бывший прапорщик Михаил Михайлович Потапов прослыл в их коллективе человеком нелюдимым, с Алевтиной они как-то сразу нашли общий язык.

— И вам доброго утра, Алевтина Андреевна. Что-то вы припозднились?

— О, нет. Работать я начала точно в срок просто вне офиса. А вы, я смотрю, сегодня при параде, — с улыбкой сказала она, делая акцент на его внешнем виде.

— Да уж, нам ради приезда этого вашего ревизора даже внеочередной раз новую форму выдали, — приосанился Потапов, прилежно демонстрируя обновку.

— И что это вы, дядя Миша, никак про Гоголя вспомнили? Разве, похоже? У них ревизор, а у нас директор.

— Так я про него, про Гоголя то есть, и не забывал. Это молодежь за модой гонится, а мне из литературы классика как-то ближе всего. А что касается похожести... По мне всё одно, Алевтиночка: что ревизор, что директор. Может кто-то и видит разницу, а я человек пожилой. Возня вон такая же поднялась: любо дорого посмотреть, как все забегали, как тараканы.

— Даже так...

— Так-так. Семёныч лично три раза инструктаж давал: как встречать, как провожать гостя дорогого, как будто мы дети малые, ей Богу, — поделился своими мыслями Михаил Михайлович.

— Кстати о дорогом госте...сейчас явится. Я его на парковке видела, так что держите марку, — предостерегла его Островская.

— Спасибо, Алевтина Андреевна, что сказали. Как говорится, предупрежден, значит, вооружен, — усмехнулся дядя Миша и поспешил занять свой пост, ведь столичный ревизор был уже на подходе.

Стоило только им завершить разговор, как за стеклянной дверью мелькнула знакомая фигура Ринберга. В фойе он вошёл, разговаривая по телефону, кивнул дяде Мише и продолжил сосредоточенно вслушивался в слова собеседника.

— Я сказал, нет. Мы уже обо всём поговорили. Встречаться нам незачем, — сурово ответил он.

В этот самый момент двери лифта распахнулись, и Алевтина испуганной ланью метнулась внутрь. Лишний раз попадаться на глаза Ивану Соломоновичу ей абсолютно ни к чему. И уж тем более не следовало находиться с ним в тесном пространстве лифтовой кабины, где непосредственной близости избежать вряд ли удастся.

И пусть Ринберг уже устремился к лифту, и даже взмахнул рукой в её сторону, что бы задержать...

Аля не стала мелить. Нервно усмехнувшись, она нажала на кнопку.

Дверцы лифта закрылись прямо перед аристократическим носом Ивана Соломоновича.

И если бы её спросили, зачем она это сделала, Алевтина не смогла бы дать точного ответа: то ли от стресса, в который её неизменно вгоняли встречи с господином директором, то ли из почти детского желания насолить. Хорошо, что темные очки скрывали полону её лица, а то она и так выглядела слишком довольной, словно сытая кошка, только что отобедавшая толстой мышкой.

Но, Ринберг не был бы Ринбергом, если бы не заметил интересующую его девушку. Всего за секунду до отправления лифта его внимательный взгляд цепко выхватил довольную усмешку Островской.

— Вот же зараза!?

Стоило только съехаться створкам лифта, как внезапно охватившая её безбашенная смелость сразу же отступила. На смену ей пришло осознание собственной недалёковидности: Аля сама, без всякого на то принуждения, совершила фатальную ошибку — привлекла к себе внимание господина Ринберга, которого стремилась избежать.

— Что, Островская, повеселилась? Не тянет это на поступок взрослого человека. Чтс приключений на свою пятую точку захотелось? Ну, как при всём твоём уме, можно быть такой безмозглой дурой? Ты бы ему для полноты картины ещё средний палец показала, или на худой конец язык! А что слабо? — негодовала вслух Алевтина, всё равно в тесной кабине лифта подслушивать её было некому.

Можно не сомневаться, теперь-то господин коммерческий директор уж точно её запомнил.

— Common sense is not so common (здравый смысл не так уж здрав) — это про меня! — продолжила Аля свою воспитательную беседу.

Это могло бы быть даже смешно, если не было бы так обидно, ведь она знала, чем ей грозят подобные выходки, и вот так сглупила.

Положа руку на сердце, девушка призналась себе, что ей хотелось бы ещё раз сполна насладиться обескураженным лицом Ивана Соломоновича. Однако сейчас ситуация грозила ей серьёзными неприятностями.

Как только Ринберг понял, что ждать его никто не собирается, ледяная маска хладнокровия в один миг слетела с лица господина ревизора, как назвал его дядя Миша, и сменилась таким искренним недоумением, что Алевтине даже стало чуточку стыдно за свой ребяческий поступок.

Как известно, за удовольствие надо платить, главное чтобы кинофильм «Расплата» с ней в главной роли не стал многосерийным. Для этого, как минимум, до завершения визита нужно не попадаться на глаза многоуважаемому Ивану Соломоновичу. Правда, как ей это удастся, Островская пока не представляла.

— Может мне больничный оформить или отпуск? Ага, кто бы его ещё дал. Ладно, чёрт с ним с этим Ринбергом! Переживёт, — решила Алевтина, отменяя мысли об их встрече.

В конце концов, она, прежде всего, профессионал. С этой стороны к ней не может быть никаких претензий. Как человек, Алевтина вовсе не обязана всем нравиться, даже если в число этих всех входит коммерческий директор холдинга «РиелтИнвестСтрой». То, что Островская сделала что-то специально, ещё нужно доказать. Мало ли от чего закрываются двери лифта. Да здравствует презумпция невиновности! Да и что такого собственно она сделала? Подождет немного. Не сахарный, не развалится.

Полностью удовлетворенная собственными выводами Аля наконец-то стянула солнцезащитные очки, которые неуклюже нацепила ещё в фойе, чтобы своим счастливым видом не выдать себя господину Ринбергу. Впрочем, конспирация всё равно не удалась, и Штирлиц в её лице «как никогда был близок к провалу», оставалось только перейти в режим крота и с головой зарыться в работу.

Островская придирчиво осмотрела себя. Чтобы немного разбавить строгий офисный стиль: сегодня она выбрала светлую юбку и рубашку хоть и белую, но с тонкими голубыми полосками на ней, что в сочетании с любимыми голубыми босоножками складывалось в

комплект в морском стиле, жаль только, что до моря от них очень далеко. Алевтина закатала рукава рубашки, расправила юбку, сосчитала до трёх и шагнула из лифта навстречу новому рабочему дню.

Раскрасневшийся Крупельницкий, который до этого нетерпеливо мерил шагами скудное пространство перед лифтом, остановился и пристально на неё уставился, словно припоминая что-то важное.

— Доброе утро, Аркадий Семёнович! — Алевтина очнулась первой.

— Ааа, Островская, ты-то мне и нужна! Где тебя с утра только черти носят? — гаркнул директор: не совсем понятно только, уже бывший или всё ещё действующий.

Видимо незабываемая поездка на такси и неожиданная встреча с Ринбергом перевернули её мироощущение с ног на голову. Первой жертвой стала настройка жесткого контроля и субординации, до сегодняшнего дня работавшая безупречно. Другого объяснения быть просто не могло, потому что, спокойно глядя прямо Крупельницкому в глаза, Аля четко отрапортовала:

— Между прочим, с вашей же лёгкой руки, Аркадий Семёнович, черти меня сегодня не носят, а возят, точнее один носатый такой Кахабер зовут, где-то в районе улицы Московской!

— Чтооо, что за бред?! — возмутился мужчина. — Ничего не понимаю.

— Ну, как же, вы вчера меня послали за доверенностью к нотариусу Шишкову. Офис его, как вам известно, располагается на улице Московской, а возил меня таксист по имени Кахабер, который хоть и не имеет рогов, копыт и хвоста, но обучался, должно быть, в самой преисподней, ибо водит как настоящий чёрт! Вот как-то так, Аркадий Семёнович... — подробно пояснила Алевтина.

— Ну и шуточки у тебя, Островская! Сполна фамилию свою оправдываешь. Точно отправлял. Вот ведь, дурья башка! Я про всё на свете забыл с этим присоединением, — искренне обрадовался Крупельницкий, что вспомнил о своём же поручении.

По некоторой одутловатости лица и другим характерным признакам Алевтина предположила, что забывчивость Аркадия Семеновича вызвана не самим фактом присоединения, а скорее последствиями его бурного празднования.

Вот Иван Соломонович- совсем другое дело, Ринберг выглядел так, будто собрался делать фото на обложку журнала.

Тьфу ты, что за ерунда с ней творится? Откуда только лезут эти мысли?

Слава Богу, что хоть в этом случае инстинкт самосохранения не подвел. Островской хватило ума промолчать и не поделиться своими умозаключениями. Для одного дня Аля и так уже отличилась более чем достаточно!

— Некогда хохмить, Алевтина Андреевна! Коммерческий директор холдинга «РиелтИнвестСтрой» ждать не привык. Он будет с минуты на минуту! Странно вообще, что такой исключительно пунктуальный человек задерживается. Почему это вы до сих пор мне не представили развернутый отчет о работе вашего отдела? Ваше счастье, что господин Ринберг куда-то запропастился!

Ну, положим, ей было доподлинно известно: куда запропастился, где завис и почему застрял многоуважаемый Иван Соломонович, и даже, кто именно ему с этим помог, но просвещать на этот счет Крупельницкого она не стала, а предпочла перейти сразу к рабочим вопросам.

— Как вы и распорядились, Аркадий Семенович, я ещё вчера в обед передала Ольге

подробный отчет.

— Ольге, какой Ольге? — недоумевал Крупельницкий.

— Вы были заняты, и я оставила документы вашему секретарю Ольге Носовой...Ляле.

После её слов на Аркадия Семёновича словно нашло озарение, он остановился, ослабил галстук, вдохнул, выдохнул и, когда это не помогло, взревел раненым медведем:

— Уволю дуру к чертовой бабушке!..

От неминуемой и должно быть быстротечной расправы ничего не подозревающую Лялечку спасло появление Ринбега. Мужчина решил не дожидаться лифта, и не побрезговал воспользоваться лестницей. Спортсмен, чтоб его!..

Нарочито довольный вид коммерческого директора холдинга напомнил Островской про мультик, который они вчера смотрели вместе с Сенькой и котом. Уж очень взгляд Ивана Соломоновича походил на тот, которым Том смотрел на мышь, когда мечтал её поймать, разделать и съесть.

Когда створки лифта съехали в миллиметре от кончика его носа, вопреки абсурдности ситуации Ивану вдруг стало смешно. Почему-то вспомнились советское детство, кухня в старом доме его бабушки Симы и мультфильм «Ну, погоди!». Только в отличие от неудачливого и непутевого волка, он свою кудрявую зайку упускать не собирался. Прежде с женщинами Ринберг никогда не воевал, да и сейчас не собирался отступать от этого правила, но дерзкую девчонку всё же следовало проучить.

Иван почувствовав настоящий охотничий азарт. Он решил действовать, а не проводить время в пустых ожиданиях.

— Скажите, — обратился Ринберг к пристально наблюдавшему за ним охраннику. — Если я не ошибаюсь, это была Алевтина?.. К сожалению, не помню её отчества.

— Да, вы правы, это Алевтина Андреевна, — отозвался пожилой мужчина, складывалось впечатление, что ответил он очень неохотно, словно из него клещами тянули тайну, от которой зависит его жизнь.

Ивана чужой нежелание мало интересовало. Он продолжил задавать интересующие его вопросы:

— Здесь только лифт или лестница тоже есть?

— Есть лестница. Поверните направо третья дверь, — уже четко отрапортовал охранник.

— Благодарю, — на ходу бросил столичный гость дяде Мише и умчался прочь. Только его и видели.

— И в театр ходить не надо. Чудны дела твои, Господи... Совсем с ума посходили. А вроде взрослые люди!?! — задумчиво протянул Потапов, глядя вслед стремительно удалившемуся московскому гостю.

Иван не заметил, как легко преодолел несколько лестничных пролетов. Награда, которая ждала его на финише, была даже лучше, чем у настоящего олимпийского чемпиона — зайка не успела убежать и так и стояла недалеко от лифта, что-то оживлённо обсуждая с Крупельницким.

Пока они его не заметили, Ринберг решил, что нужно рассмотреть Алевтину повнимательнее, благо ситуация позволяла. Никто не ожидал его появления со стороны лестницы. Как-то удивительно вовремя вспомнился детективный сериал, который в своё время бабушка Сима любила смотреть больше других подобных.

— Ну, прямо детектив Коломбо в засаде! — посмеялся над собой Иван, не смотря ни на что настроение у него было отличное. — Всё-таки хороша «Маша»! Кто сказал, что совсем не наша?

С каждой новой встречей Алевтина Андреевна нравилась ему всё больше и больше.

Если уж быть откровенным, то Островская сразу показалась ему привлекательной. И дело точно не во внешности девушки, этим его уже давно нельзя было удивить. Иван напомнил себе, что его командировка носит сугубо деловой характер. Никаких интрижек он заводить не собирается, но глупцом и слепцом Ринберг не был, а потому сейчас, как истинный ценитель прекрасного, рассматривал Алевтину с неподдельным интересом.

Вся она дышала сдержанной естественностью, в каждом её движении и жесте чувствовалась порода. Не было в ней той кричащей искусственности, которую сейчас многие

почему-то принимают за красоту. Давно он таких не встречал. А может за сорок лет своей жизни и не видел их никогда? Кажется, что до сих пор на его пути были лишь бледные копии, просиликоненные модели человека с полным отсутствием души.

Как следует поразмыслить и до конца осознать свои ощущения Ивану не удалось. Словно спиной почувствовав чужое присутствие, Алевтина Андреевна развернулась в его сторону, тем самым прервав все его философские размышления, в которые он уже успел погрузиться. В её взгляде проступила настороженность. Девушка виновато улыбнулась, ещё раз выдавая себя с головой, и указала на него Крупельницкому.

Аркадий Семенович мгновенно подобрался и направился в его сторону. Алевтине ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Доброе утро, Иван Соломонович! Как добрались? Надеюсь, что без происшествий так-то город нас тихий, это не столица, пробок почти нет, — Крупельницкий нацепил на себя маску радушного хозяина, хотя по сути им уже не являлся.

— Доброе. Благодарю. Добрался хорошо, — ответил Иван, глядя мимо собеседника, прямо на Алевтину.

Быстро сообразив, что отвертеться не удастся, Аля с независимым и немного отстранённым видом, не произнося ни слова, заняла выжидательную позицию позади Аркадия Семеновича, который между тем решил продолжить светскую беседу:

— Как неожиданно, но от того ещё более удачно, мы все здесь встретились. Вы вчера интересовались продажами. Позвольте представить вам руководителя отдела продаж Алевтину Андреевну Островскую. Алевтина Андреевна, как ты уже должно быть знаешь, это коммерческий директор холдинга «РиелтСтройИнвест» Иван Соломонович Ринберг...

Девушка вежливо кивнула, но руки не подала, касаться Ринберга, даже при таких безобидных обстоятельствах ей не хотелось. Переступить через себя она не смогла. Пусть лучше он спишет всё на её провинциальность и незнание делового этикета, чем почувствует хоть толику охватившего её волнения.

Надо отдать должное новому владельцу компании, он не стал заострять внимание на её проступке и сделал вид, что ничего не заметил.

— Приятно с вами познакомиться, Алевтина Андреевна, но, время не ждет. Давайте приступим к работе. Прошу в мой кабинет, — взял быка за рога Иван Соломонович и самолично возглавил их маленькое шествие. Удивительно, но сегодня он уже безошибочно ориентировался в хитросплетении местных коридоров.

Охваченный азартом и жаждой деятельности господин коммерческий директор холдинга почти проскочил в свой кабинет, но за секунду до этого нечто заставило Ринберга остановиться. Что-то неопишное красовалось на его двери: среди золотисто-серебряных вензелей на черном траурном фоне он с большим трудом смог разобрать надпись «Г.Н. Ринберг И.С.»

Иван был просто поражен и далеко не в приятном смысле этого слова. Он вообще не терпел вычурности в любых её проявлениях, а здесь мало того, что цветовая гамма оставляла желать лучшего, так ещё и предстояло догадаться, что же означают пресловутые Г.Н. Варианты на ум приходили весьма разнообразные: от главного начальника до гада необыкновенного и гнуса нереального...

— Что это? Что это такое? — спросил он у Крупельницкого, сверля того тяжелым взглядом и с трудом сдерживая рвущееся наружу негодование.

— Жаль, Иван Соломонович, что вы не смогли по достоинству оценить всю силу

креативной мысли местных умельцев, — едва слышно прошептала Алевтина, но усмешку в её интонации Ринберг уловил вполне отчетливо. Кажется, она единственная понимала: что же произошло, и кто приложил руку к этому народному творчеству.

Аркадий Семенович был ошарашен увиденным ничуть не меньше столичного гостя, может быть даже больше.

— Дайте мне пять минут, я со всем разберусь. Прошу меня извинить. Я скоро вернусь, — только и смог что выдать из себя Крупельницкий, а затем поспешил отправиться в сторону отдела рекламы.

— Очень на это надеюсь!

— Убью дуру! — на ходу угрожал кому-то неведомому Аркадий Семёнович.

— Не беспокойтесь, Иван Соломонович, с продажами дела в «Академии риелти» обстоят значительно лучше, чем с именными таблицами. Может, пока мы ждём, я предложу вам кофе? — будто сжалившись над ним, миролюбиво предложила Островская.

Алевтина не стала дожидаться от господина коммерческого директора холдинга развернутого ответа, достаточно было лишь его молчаливого кивка. Пока мужчина не передумал, она спешно отправилась за обещанным кофе.

— Да что со мной такое сегодня? Похоже, Лялькина логорея заразна, нужно свести общение с ней к минимуму! Вот уж точно язык мой — враг мой, — размышляла Аля по дороге на кухню. — Вот где я теперь найду ему кофе хотя бы приличного сорта?! Тот, что вчера купили девочки, можно разве что в помойное ведро вылить. Если я напою им Соломоновича, к списку потенциальных жертв Аркадия Семеновича добавится ещё одна фамилия. Задача со звёздочкой. Придется делиться с ним собственными запасами. А что делать? Не предлагать же ему растворимый напиток, который употребляет большинство их риелторов. Но те то вечно спешат, им не до чайно-кофейных церемоний. Ну, куда я лезу? Знаю же, что инициатива у нас наказуема!

Пока Островская ругала себя за длинный язык и излишнее рвение, объект её терзаний после того, как остался в одиночестве, продолжил стоять, словно безмолвная статуя, напротив злополучной двери кабинета. Ринберг всё никак не мог заставить себя оторвать взгляд от горделиво украшавшего её эстетического безобразия. Когда-то маленький Ваня окончил художественную школу и потому, став взрослым, достаточно терпимо относился к различным формам самовыражения в современном искусстве. Но творить подобное в рабочее время, да ещё получать за это оплату? Это уж слишком!

— Похоже, здесь кто-то срочно нуждается в извлечении камня глупости?! — припомнил Ринберг сюжет одной из картин короля ужаса Иеронима Босха. Пожалуй, только он смог бы с достоверностью передать происходящее в агентстве недвижимости «Академия риелти». Иван, был готов поспорить на всё своё состояние, что, однажды посетив это место, великий голландец был бы обеспечен вдохновением на много месяцев вперёд. Жаль, что он покинул этот мир много веков назад, да и его творения здесь вряд ли кому-то знакомы.

Ринберг не раз в своей жизни сталкивался с неприкрытой лестью и желанием угодить, во что бы то ни стало, но до такого откровенного идиотизма дело обычно не доходило. Прежние подобоострастные стремления окружающих хоть и не стали ему близки, но были вполне понятны. Происходящее же в «Академии риелти» по качеству исполнения больше напоминало дешёвый водевиль, для полноты картины кому-то оставалось только запеть, хотя, судя по сегодняшним событиям, даже такой вариант исключать не следовало.

Состояние Ивана Соломоновича можно было сравнить с культурным шоком, который испытывает иностранец, впервые оказавшийся в российской глубинке и уже успевший сполна насладиться её многообразием и самобытностью. Благодаря своему новому приобретению за полтора дня господин коммерческий директор холдинга «РиелтИнвестСтрой» получил массу впечатлений, и далеко не все они были приятными.

Изначально решение купить компанию хорошо известную на местном рынке недвижимости показалось ему удачным ходом при продвижении их нового масштабного строительного проекта- комплекса застройки с максимально комфортной средой для проживания и отдыха. Именно для этого ему и нужен был участок тетушки Хаи. Ринберг хотел, чтобы всё было продумано до мелочей, начиная с квартир с улучшенной планировкой и благоустроенных дворов и заканчивая развитой социальной и коммерческой

инфраструктурой.

Сейчас, как руководитель, он уже не был так уверен в своем выборе. Ввиду последних событий всё более привлекательной становилась идея создания для проекта собственного отдела продаж.

Но Ринберг не был бы Ринбергом, если бы позволил себе поспешность в суждениях. Он решил сначала провести полный аудит ключевых служб и управленческого персонала, взвесить все за и против, а по итогу принять обоснованное решение.

А пока у Ивана складывалось впечатление, что Аркадий Семёнович был не очень озабочен качественным ведением бизнеса. С одной стороны, он по уши погряз в родственниках, а с другой, в связях, так сказать, неродственных со своими протеже женского пола — всё вместе это значительно отвлекало внимание Крупельницкого. Удивительно, что при такой организации работы, «Академия риелти» как-то умудрилась выбиться в лидеры на диком рынке недвижимости региона. Просто феномен какой-то!

Придется задержаться здесь дольше, чем на пару дней, и взять ситуацию под личный контроль. Необходимо организовать процесс так, чтобы каждый элемент системы работал идеально.

Во всём происходящем безобразии одна только Алевтина Островская воспринималась, как глоток свежего воздуха в затхлом прокуренном помещении, и была столь же необходима.

«Посмотрим, так ли хороша в деле эта шустрая язвительная зайка», — подумал Иван.

Ему неожиданно понравилось называть Островскую зайкой, хотя бы про себя. Надо заметить, что в своих прежних отношениях, в том числе и семейных, он терпеть не мог всех этих обезличенных «котиков», «рыбок», «мишек», «пупсиков», «малышей» и, один только Бог знает, кого ещё мог придумать женский мозг, а рот незамедлительно озвучить.

В подобные моменты с теперь уже бывшей супругой у них не раз возникали ссоры. Когда ей что-то было нужно Илона начинала разговор с протяжного:

— Ваня, малыыыш...

— Я просил меня так не называть? — не уставал повторять Ринберг своей благоверной.

— Ну, пупсик... — не унималась она.

— Илона, ты что издеваешься? Какой из меня пупсик? Во мне почти сто девяносто сантиметров роста и девяносто килограммов живого веса!.. — возмутился Иван.

— И как только я с тобой живу? Нет в тебе ни капли нежности. Ты просто бесчувственная скотина, Ринберг!

С тех пор и до сегодняшнего дня Иван не считал употребление этих слов вместо имени проявлением любви или нежности, наоборот он даже видел в них что-то уничижительное. Все полгода после развода мужчина с содроганием вспоминал свою бывшую и всё прозвища, которые она ему давала. Вот же угораздило его с ней вообще связаться?!. Форменное безумие не иначе.

Из кармана полилась знакомая мелодия. Это быстро вывело Ринберга из ступора. Он достал телефон, на экране высветился номер его помощника, и это было странно, потому как, всё срочные вопросы они обсудили ещё час назад, а текущие Марк был способен решать вполне самостоятельно. Чтобы избежать лишних ушей, коих Иван на все сто процентов уверен, здесь было предостаточно, он сначала зашел в кабинет, и только потом ответил:

— Слушаю?..

— Иван Соломонович, не хотел вас беспокоить, но у нас такое дело... — отчего-то не решался дальше продолжать его обычно невозмутимый помощник.

— Марк, всё просто: прекрати уже тратить моё и своё время. Ты знаешь, оно дорого стоит. Переходи сразу к сути вопроса! — распорядился Ринберг, очевидно теряя терпение.

— В том то и дело, что у этого вопроса по сути, сути-то и нет... — выпалил свою сбивчивую речь Марк.

— Тогда в чём дело? — Иван уже начал было выходить из себя. — У тебя две минуты.

К счастью, собеседник быстро сориентировался в ситуации и продолжил:

— Здесь Илона Васильевна настоящее выступление устроила, скандалит, требует, чтобы вы вышли и немедленно с ней поговорили. Я пытался её вразумить и выпроводить, но она не уходит, только кричит, что, если потребуется, просидит в приемной хоть год, что она тоже Ринберг и как член семьи, имеет полное право находиться на территории компании. Соломона Оскаровича, я пока уведомлять не стал.

— Верное решение. Не нужно беспокоить отца по пустякам. Кажется, я понимаю, в чём дело... Дай ей трубку.

После минутной заминки раздался довольный голос бывшей.

— Малыш, это ты милый?

Ринберга буквально передернуло от омерзения.

— Был малыш, да весь вышел. Значит так, Илона, немедленно прекрати этот цирк. Ты давно уже бывший член семьи, а к фамилии Ринберг ты и вовсе никогда не имела отношение по твоему же собственному выбору. Не ты ли, Бражникова, говорила, что не хочешь прикрываться именем мужа и сможешь всего добиться сама, сделав из своей фамилии настоящий бренд? Так что изменилось?

— Ванечка, ну зачем ты так? Выйди, я просто хочу поговорить, а Марик меня не пускает... — тон с довольного мгновенно сменился на просительный, ни дать ни взять актриса погорелого театра. — Ничего не изменилось! Я ведь так тебя люблю.

— Кого ты там так любишь? Итальянцев? Так вот *finita la commedia*, дорогуша, если ты по-русски понимать не хочешь. Мы с тобой уже всё обсудили, и никуда выходить, выбегать, выезжать и даже вылетать в твою сторону я не собираюсь. Все жалобы, заявления, предложения могут быть приняты к рассмотрению в письменном виде через адвокатов. Не устраивает размер содержания? Ты видимо забыла, что по условиям нашего соглашения его можно и отменить.

— Но я... — попыталась было возразить Илона, но бывший муж не пожелал её слушать.

— Я всё сказал, теперь верни трубку Марку.

Чтобы не обострять и без того напряженные отношения и как следствие не лишиться основных средств существования, ей оставалось только подчиниться.

— Слушаю, Иван Соломонович, — в голосе помощника отчетливо слышалось облегчение.

— Марк, если мадам Бражниковой так хочется, пусть сидит до конца рабочего дня, дальше даю тебе полномочия вызвать охрану. Добро?! — провел короткий инструктаж Ринберг и сбросил вызов.

Удивительно, что Илона встала в такую рань. Обычно её утро начиналось в полдень.

После развода он вообще узнал о ней много нового. Бывшая открылась для мужчины с настолько неожиданной стороны, что порой Иван даже думал, что она употребляет что-то запрещённое, настолько неадекватной та становилась.

Угораздило же его связаться с представительницей богемы. А ведь отец предупреждал его, вспоминая классика, говорил, что гусь свинье не товарищ. Но младший Ринберг был

настолько самоуверен, что воспринимал слова старшего как шутку. Вот до сих пор всё никак не отсмеётся!..

Как человеку, привыкшему добиваться успеха во всех своих начинаниях, ему было очень трудно смириться с крахом своей пусть не идеальной, но вполне упорядоченной, семейной жизни. Иван постарался отнестись к этому с точки зрения законов бизнеса, если вложения не окупаются и фирма не приносит дивидендов, держаться за неё нет смысла. Осознав это, он просто вывел свои активы. Такой рациональный подход помогал отгородиться от мысли о его сокрушительном поражении в битве за счастливую семейную жизнь, причем именно Ринберг изначально предопределил неудачный исход дела своим неверным выбором.

— Я же говорил тебе, сынок, что в таких делах нужно выбирать сердцем, в самом крайнем случае головой. А ты, похоже, другой частью тела выбирал? Она хоть и называется созвучно голове, но мыслить самостоятельно всё же пока не умеет. Я впервые радуюсь, что бабушка Сима не дожила до этого дня. Ты бы разбил ей сердце, — сказал Ивану отец в день начала его новой холостой жизни.

Стук в дверь вернул мужчину из малоприятных воспоминаний. Он, пожалуй, впервые по-настоящему обратил внимание на внутренний интерьер кабинета. Вчера со всеми этими хлопотами с тетушкой Боринштейн Ринберг так сюда и не добрался. Конечно, он привык абсолютно к другому уровню комфорта, но спасибо можно было сказать уже за то, что напрочь отсутствовали специфичные украшения: то ли не решились, то ли не успели. Ничего особо примечательного в помещении не было, обычная офисная обстановка, кроме разве что довольно неплохой репродукции картины «De Toren van Babel» («Вавилонская башня») Питера Брейгеля.

— Да, кого-то я здесь недооценил. Осталось понять кого...

Отличной шумоизоляцией их здание не отличалось, зато слышимость между соседними помещениями была прекрасной.

— Это что такое? Я вас спрашиваю! Даже если бы я набрал рекламщиков от пивных ларьков, и то пользы больше было бы. Вы, значит, такие ляпы допускаете, а я должен краснеть, как последний идиот. Вы что заказали именную табличку на дверь или указатель в Версальский дворец? В гроб меня вогнать хотите. Ничего у вас не выйдет! — душераздирающе орал Крупельницкий где-то в глубине своего огромного кабинета, распекая нерадивую родственницу и её коллег.

А в это время все желающие, коих в их компании нашлось немало: от риелторов до уборщицы, пардон, до высококлассного специалиста клининговой службы, бабы Нюры, — могли сполна насладиться сольным концертом Аркадия Семёновича, удобно расположившись в специально оборудованной комнате отдыха. Всем было очень интересно, что случилось, ибо прежде таких громких выступлений в исполнении директора в «Академии риелти» не случалось.

И хотя Островская не входила в состав этой разношерстной группы интересующихся, девушка была в курсе происходящего: отголоски ругательств Крупельницкого достигали и кухонной зоны, в которой она расплачивалась за собственную инициативу, то есть пыталась приготовить кофе. Чужие неприятности мало интересовали Алевтину, у неё и своих было предостаточно.

Вряд ли Ринберг привык ждать, а намеренно раздражать его больше прежнего всё равно, что подписать себе смертельный приговор. Самоубийцей Островская точно не была, поэтому она не стала тратить драгоценное время на поиски переданного Крупельницкому отчета о работе отдела продаж, а просто заново его распечатала. Для неё особой необходимости в этом не было, Аля и так всё помнила почти наизусть, но едва ли Иван Соломонович поверит первой встречной, такие люди как он вообще никому не верят на слово.

Потом, как и ожидалось, ей пришлось пожертвовать собственными запасами кофе, ибо ничего из того, что имелось в наличии в их кухонной зоне, даже близко не стояло с тем, к чему привык новый владелец агентства недвижимости. Она просто не могла себе позволить ударить в грязь лицом перед самоуверенным столичным руководителем, а потому нужно было срочно что-то придумать.

Вот уже несколько минут Островская водила хороводы вокруг кулера, как ребенок вокруг ёлки в ожидании новогодних подарков, но зловерный аппарат никак не хотел работать, а только отплёвывался брызгами в разные стороны, как старый морской лев Тимбо, которого они с Сенькой видели в водном цирковом шоу в прошлые выходные.

— Колодец, колодец, дай воды напиться... — не сдавалась Аля, попеременно нажимая кнопки с прозаичными названиями «вкл» и «выкл».

Когда она уже почти решила применить простой, но несвойственный воспитанным женщинам, способ физического воздействия и даже подняла руку для удара, кулер сдался: зычно заурчал, и долгожданная влага полилась.

После того как китайская кофемашина была очищена, заправлена и настроена соответствующим образом, под стройный аккомпанемент непрекращающейся ругательно-

воспитательной беседы Аркадия Семёновича с рекламщиками, Алевтина быстро приготовила три разных по вкусу чашки кофе: с мёдом и молоком для себя, с сахаром и добавлением ложки коньяка для Крупельницкого и просто чёрный для Ринберга.

Островская перестала бы быть Островской, если бы разучилась делать хорошую мину при плохой игре. Вот и сейчас Аля приготовилась достойно изображать хостес дорогого ресторана.

Уже почти у двери с висящей на ней именной табличкой раздора Алевтину окликнула вездесущая Лялочка Носова. Сегодня она была в удивительно скромном по её меркам однотонном ярко-жёлтом платье. Как чёрт из табакерки, Лялька, казалось, появилась из ниоткуда. На самом деле она всего лишь удачно вывернула из-за угла.

— Алечка Андреевна, подождите, мне нужно у вас срочно кое-что спросить... — попыталась задержать её Носова.

— Ну, кто бы сомневался! — тихо произнесла Островская скорее для себя, чем для Ольги.

— Тут такое... — Ляля хотела продолжить свой рассказ, но Алевтина её прервала, пусть не совсем вежливо, но зато эффективно.

— Ляля, отлично! Вот ты-то мне и поможешь. Давай, быстро постучи и открой мне дверь, а то сама я не могу — руки заняты. Неудобно.

Всё-таки эффект неожиданности- великая вещь, Носова замолчала и довольно четко выполнила инструкции.

Когда Аля прошла мимо, последовать за ней в пасть льва, а точнее в кабинет господина коммерческого директора холдинга, Ляля просто не решилась.

Только избавившись от одной маленькой проблемы, Алевтина Андреевна Островская тут же лицом к лицу столкнулась с другой, которая вот-вот грозила стать несоизмеримо больше первой.

Отвернувшись от двери, Ринберг сидел в кресле и задумчиво смотрел в приоткрытое окно. Сначала девушка его даже не заметила.

Несколько секунд Аля продолжала стоять у двери, но одновременно держать поднос с кофе и отчет было не совсем удобно, поэтому она решила обозначить своё присутствие:

— Ваш кофе, Иван Соломонович.

Мужчина медленно повернулся от окна и устремил свой пытливый взгляд на застывшую на пороге девушку, затем, словно решив что-то для себя, после недолгих размышлений Ринберг произнес:

— Проходите, Алевтина Андреевна. Знаете, у меня такое чувство, что мы с вами раньше встречались?..

После слов Ринберга между ними повисла неловкая пауза. С минуту они молча изучали друг друга, обмениваясь обоюдно настороженными взглядами, словно два гладиатора перед сражением на арене Колизея, выискивающие у противника слабые стороны.

Алевтине показалось, что из лёгких разом вышибли весь воздух, будто лопнул шарик в руках нетерпеливого ребёнка, а беспокойное сердце как в её любимой песне группы «Сплин» остановилось и замерло. Внешне девушка оставалась абсолютно спокойной: ни один мускул не дрогнул на её лице, но совладать с собой в этой непростой ситуации Але удалось с большим трудом.

Если бы Иван Соломонович был её подчиненным или хотя бы человеком равным по положению, Островская с лёгкостью нашла бы способ, раз и навсегда отвадить любопытствующего товарища. Господин же коммерческий директор холдинга «РиелтИнвестСтрой» даже с натяжкой не мог бы считаться простым смертным, и ей пришлось сказать совсем не то, что вертелось на языке:

— Вам виднее, Иван Соломонович. Рискну предположить, что похожа на кого-то из ваших знакомых. Говорят, у каждого где-то есть двойник. Да и типаж у меня довольно распространённый: шатенка среднего роста.

— Не думаю... Но может быть, вы и правы... — согласился с ней Ринберг, чем вызвал у девушки неприятное чувство тревоги: как-то уж слишком быстро он отступил.

Даже по самым заниженным оценкам Иван никогда бы не дал Островской такую прозаичную характеристику, которую она только что озвучила. Странная, однако, женщина!

Вот его бывшая супружница была буквально помешана на внешности. С жадностью, которой позавидовал бы и Кощей, она собирала на просторах интернета хвалебные отзывы о своих новых образах: причёске, помаде, наряде и прочих штучках, интересных женскому полу. Ринберг этого не понимал, но в целом относился снисходительно. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы оно не плакало, а в их случае не просило финансировать бесчисленные издержки красоты.

Зачем он только полез к Алевтине со своими догадками. Разве они могут быть знакомы? Надо было выяснить всё через руководителя отдела безопасности холдинга. Что может быть проще? Отдал распоряжение, и максимум через день Иван знал бы всю подноготную дикой зайки Островской, вплоть до цвета нижнего белья, который она предпочитает носить.

Но Ринберг-младший был честным человеком и не стал так поступать. С его точки зрения подобный способ получения информации о заинтересовавшей даме, отдавал чем-то мелким и непорядочным. Про всё это мудрый папа Соломон мог бы сказать, что жизнь так ничему и не научила его взрослого сына.

Жаль, но продолжить столь занимательную беседу с Алевтиной Ивану не удалось. Вместе с двумя, весьма помятыми и не внушающими никакого доверия, типами в рабочих комбинезонах и спецовках в кабинет ввалился взвинченный до предела Аркадий Семёнович.

— А вот и я! Иван Сомолонович, ещё пара минут, и мы можем начинать. Ребята сейчас быстро снимут табличку. Правда? — сказал он с уверенностью, которой в общем-то не испытывал: нервно дергающийся правый глаз с головой выдавал Крупельницкого.

— Даа... — как-то не очень внятно протянули сомнительные двое из ларца, а точнее из каморки завхоза, в которой их, распивающими слабоалкогольные напитки, и обнаружил

Аркадий Семёнович. Видимо это и была последняя капля, переполнившая чашу терпения, и без того разъяренного Крупельницкого: нервная система не выдержала происходящей вокруг вакханалии, организм дал сбой, и правый глаз Аркадия Семеновича стал подавать неизвестный сигнал окружающим.

Однако вскоре у него появился маленький повод для радости. «Ребята» довольно быстро разложили инструменты, немного покружили у двери, прищурившись и настраивая глазомер, примерились и к глубокому изумления Ринберга управились с табличкой за пару минут, безжалостно оторвав её плоскогубцами.

— Мы всё, хозяин. Ну, мы пойдём? А то там это... — дружно выдали рабочие.

Где это там и что, собственно говоря, за это для Алевтины и Ивана так и осталось загадкой. А вот Крупельницкий, похоже, прекрасно понял, о чём идёт речь, и нетерпеливо ответил мужчинам:

— Да, да. Давайте уже. Идите. Расчет получите в бухгалтерии.

Как только за ними захлопнулась дверь, Аркадий Семёнович грузно рухнул на стул с правой стороны стола, так как слева уже расположилась притихшая Островская, а во главе находился задумчивый Ринберг, который нарочито расслаблено вертел в руках телефон. Снимать он их собрался что ли?

«После такого начала дня не мешало бы принять анестезию», — подумал Крупельницкий, но вслух озвучил совсем другое:

— Что начнём? Надеюсь, больше ничего не случится.

Иван отложил телефон в сторону и коротко кивнул:

— Давайте начнем с кофе. Он и так уже почти остыл.

Оба представителя «Академии риелти» поспешили воспользоваться щедрым предложением столичного босса. Пусть говорят, что перед смертью не надышишься, но небольшая передышка в данном случае никому не повредит, даже наоборот поможет привести мысли в порядок. Аркадий Семёнович основательно отпил из тонкой фарфоровой чашки, стоящей около него, вкус коньяка приятно ласкал сорванное горло. Алевтина по-детски держала чашку двумя руками и пристально всматривалась в напиток, словно мечтая найти на дне ответы на все давно измучившие её вопросы.

Сам же Ринберг с удовольствием вдохнул мягкий кофейный аромат и осторожно пригубил. С немалой долей удивления Иван был вынужден признать, что готовить кофе здесь умеют.

— А теперь, уважаемые руководители, я не без интереса послушаю подготовленный вами отчет.

После этих слов Крупельницкий чуть было не подавился. Ему даже пришлось покашлять для вида, чтобы едва заметно кивнуть Алевтине, передавая ей сомнительную честь — знакомить нового владельца со всеми результатами работы отдела продаж.

Что-что, а такая пальма первенства ей явно была не нужна. Девушка опустила взгляд. Сделав вид, будто не поняла намёка Аркадия Семёновича, она продолжила рассматривать причудливые кофейные узоры на дне своей чашки.

Аля давно знала Крупельницкого: тот ещё жук, что скажешь. Она предполагала, что тот вполне способен на что-то подобное, но вот такой откровенной подставы девушка всё же не ожидала. Похоже, что в шахматной партии с Ринбергом ей отведена роль пешки. Вот так просто, всего одним наклоном головы в момент, когда Островская совсем не готова была броситься грудью на амбразуру. Начальник же переложил на её хрупкие плечи всю ношу

ответственности. А что? Хорошо устроился.

Когда его скрытый маневр не удался, Аркадий Семёнович решил действовать напрямую и, обращаясь к столичному гостю, сказал:

— Иван Соломонович, предлагаю дать слово Алевтине Андреевне, как непосредственному руководителю отдела. Вы не возражаете?

Если Ринберг и был удивлен подобным развитием событий, то ничем себя не выдал. Он лишь скупо произнес, что-то очень отдалённо напоминающее на шутку:

— Я не возражаю. Если только данные в отчете, не меняются в зависимости от личности докладчика. Раз вам так удобно.

Алевтине показалось, что ещё пара фраз в том же ключе и Крупельницкого хватит удар. За годы работы навыки публичных выступлений уже стали неотъемлемой частью самой Островский. Вот так своеобразно проявлялась у неё профессиональная деформация.

Несмотря на обстоятельства, дежурная улыбка профессионального менеджера намертво была приклеена к её лицу. И хотя позади девушки не было самой Москвы, а перед Алей восседал всего лишь один из привилегированных жителей столицы, отступить ей было некуда.

— Тогда, с вашего позволения, я начну. Прежде всего, обращаю ваше внимание на подготовленные мною презентацию и отчет о результатах работы отдела за три последних года. Здесь приведены также поквартальная и помесечная разбивки итоговых показателей, включая текущий период. К сожалению, на данный момент они есть только в распечатанном виде, так как первоначально предполагалось, что совещание будет проходить в кабинете у Аркадия Семеновича, то в электронном виде я направила данные на его корпоративную почту. Если необходимо, я вернусь к себе и продублирую всю информацию в ваш адрес, Иван Соломонович? — начала свой доклад Алевтина, поочередно передавая материалы сначала Ринбергу, а затем Крупельницкому. При этом выглядела она очень уверенно и говорила, так складно, будто всю прошедшую ночь репетировала свою речь.

Аркадий Семенович уже давно не чувствовал себя хозяином положения, а потому ждал реакции от Ивана, который казался полностью погруженным в документы. Прежде чем ответить тот перелистнул ещё пару страниц с графиками и уже затем, не отрывая взгляда от отчетности, спокойно произнес:

— Нет, сейчас не стоит беспокоиться. Чтобы составить общее представление о работе отдела, ваших материалов вполне достаточно, а большее за столь короткий промежуток времени вряд ли возможно. Продолжайте, Алевтина Андреевна.

Девушка не могла не заметить, что Ринберг произносил её имя в какой-то особой, ему одному свойственной манере: то ли дело было в интонации, то ли его тембре голоса, то ли в едва различимом акценте человека, длительное время прожившего за границей. С его стороны это было своего рода ненарочитое эмоциональное поглаживание, хотя они оба продолжали делать вид, что ничего не происходит.

— Специфика рынка недвижимости предполагает некоторые колебания из-за сезонности покупательского спроса. В целом на протяжении последних лет в нашем городе эти тенденции сохраняются и довольно хорошо поддаются прогнозированию. С учетом уже имеющихся данных мы корректируем так называемую «боевую» численность сотрудников, то есть количество фактически работающих в периоде, — Островская решила начать с общих условий и положений функционирования отдела.

— И каким образом вы это делаете? — прервал её монолог Иван Соломонович. —

Надеюсь, компания обходится без нарушений законодательства. Ещё только проверки Трудовой инспекции нам не хватало!..

Нет, будучи топ менеджером, господин Ринберг прекрасно знал о законных способах регулирования данного показателя, но подсознательно у него уже сложились некоторые весьма устойчивые предубеждения относительно деятельности «Академии риелти» в целом и некоторых её сотрудников в частности, поэтому он не мог не задать этот щекотливый вопрос.

— Что вы никаких проверок Трудовой инспекции. У нас всё схвачено. В бюджете даже статья такая есть «На взятки»! А что вы хотели? Провинция. Хорошо, хоть медведи у нас по центру города в шапках-ушанках не бегают. Впрочем, сейчас лето: жарко. Может, зимой и побегут. Хотя нет, они же зимой спят, — с совершенно непроницаемым лицом невозмутимо выдала Островская, словно растолковывая прописные истины ребёнку.

Должно быть, она не заметила, и кофе с коньяком достался ей, иначе, почему у неё опять начались проблемы с субординацией, уж точно не из-за заинтересованного взгляда господина коммерческого директора холдинга «РиелтИнвестСтрой».

По мере того, как Аля произносила свою тираду, на Аркадия Семеновича Крупельницкого становилось больно смотреть, таким жалким он вдруг показался перед непроницаемым взглядом человека, которому сам же и уступил «Академию риелти». Похоже, что Алевтине своей речью удалось его окончательно добить, и он уже буквально был готов залезть под стол, опасаясь реакции Риберга, но тот, продемонстрировав незаурядное чувство юмора, не повелся на провокацию и только усмехнулся в ответ:

— Теперь я понимаю, что вы достойно носите свою фамилию... Благодарю вас за ценные сведения. Всё это очень познавательно, но с особенностями местной флоры и фауны я ещё успею познакомиться. Давайте вернемся к обсуждению рабочих вопросов, Алевтина Андреевна.

Аля была удивлена, что Иван Соломонович потрудился запомнить её фамилию, кроме того она уже поняла всю неуместность своего выпада и всеми силами хотела хоть как-то исправить ситуацию, если это ещё было возможно. Островская решила умерить свою язвительность и просто принести извинения, ведь даже самая сложная её клиентка- госпожа Боринштейн- любила цитировать народную мудрость о том, что повинную голову меч не сечёт.

— Да, конечно. Прошу меня простить. Подобные замечания с моей стороны были лишними. Численность в компании регулируется вполне законными способами, а именно графиком отпуском и заключением срочных трудовых договоров, — вернулась в рамки деловой беседы Алевтина. — Как вы знаете, рынок недвижимости делится на вторичный и первичный. В нашем регионе большим спросом пользуется «вторичка». Она дает практически восемьдесят процентов от общего уровня продаж. Застройщики федерального уровня, такие как холдинг «РиелтСтойИнвест», которые ориентированы на реализацию квартир на этапе строительства, до сих пор у нас представлены не были, хотя спрос на этот вид недвижимости довольно высок. Более детально цифры приведены на четвёртой странице отчета.

— Хорошо. Я посмотрю, но пока ваши слова в целом совпадают с данными наших аналитиков, — одобрительно кивнул Ринберг после того, как подтвердил её выводы, а затем продолжил задавать вопросы. — Меня интересует, как построена работа с персоналом в рамках отдела?

— Мы работаем по системе упрощённого скоринга, где выделяются четыре основных показателя эффективности сотрудников, которые также влияют на систему мотивации: количество закрытых сделок, сумма комиссионного вознаграждения, количество заключённых договоров и средний срок экспозиции объекта. Обратите, пожалуйста, внимание на страницу семь, — ответила девушка без малейшей заминки.

Пошелестев листами отчета, мужчины занялись изучением указанной страницы. Дождавшись, пока столичный гость даст отмашку, Алевтина продолжила:

— При приёме на работу каких-либо ограничений нет, проще говоря, наш условный слоган: «Отличная работа для всех: от пионера до пенсионера». При наличии желания и достаточном уровне усилий со стороны человека успешным может стать абсолютно любой. Мы достаточно давно опробовали и, не побоюсь этого слова, успешно практикуем проведение адаптации и подготовки сотрудников по индивидуальным авторским методикам.

— И кто же этот замечательный автор? — было видно, что Иван Соломонович скептически отнесся к её последним словам.

— Я, — спокойно, глядя прямо Ринбергу в глаза, призналась Аля. Ей стыдиться было нечего, девушка потратила на разработку, адаптацию и внедрение этих методик пять долгих лет.

— И что же у вас есть соответствующее образование для подготовки подобных программ? — недоверчиво уточнил коммерческий директор столичного холдинга. Честно говоря, он уже краем глаза успел посмотреть эти наработки компании, и был приятно удивлен их актуальностью, содержательностью и совсем не провинциальным качеством исполнения.

В момент, когда её задетая профессиональная гордость вопила благим матом, нечеловеческим усилием воли Але пришлось держать себя в руках, но если бы взгляд убивал, то холдинг «РиелтСтройИнвест» уже лишился бы своего коммерческого директора, а Алевтина Андреевна Островская свободы.

— Соответствующее образование? — с недоброй улыбкой переспросила девушка и тут же продолжила. — Нет. Что вы! Откуда? У меня есть кое-что получше, Иван Соломонович! У меня для этого есть соответствующий опыт.

В спокойных летних вечерах для Али всегда было что-то завораживающее. Перед выходными её всегда наполняло неподдающееся логическому объяснению ожидание чуда. Возможно, это душа пела в предвкушении заслуженного отдыха после бурной трудовой недели.

Завтра с утра пораньше, пока жара ещё не вступила в полную силу, они с Сенькой собрались в зоопарк. Давно хотели посмотреть на белого медведя в обновленном вольере, а сегодня просто решили провести время в домашней обстановке.

Пока её сынок смотрел мультфильмы на планшете, Алевтина, напевая себе под нос незатейливый мотив, порхала по кухне, сервируя стол для пятничного чаепития. Она уже успела расставить нехитрые угощения: свежеспеченную шарлотку, фаршированные блинчики, зефир и горячо любимые Сенькой шоколадные конфеты.

Кот привычно тёрся под ногами. Он смешно подергивал усами, а сам и то и дело бросал заинтересованные взгляды на горку блинчиков, любовно выложенных Алей на большой тарелке.

— Мяу! Мя-мяу! — Лешек решил, что нужно более явно проявить свой интерес, раз недогадливые хозяева не предлагают ему полакомиться угощением.

— Мама, Кис хочет кушать! Можно я дам ему конфетку? — спросил сердобольный Сенька, услышав жалобное мяуканье кота.

— Малыш, ты же знаешь, он не ест конфеты!

— Мам? Мама, а если мы одну на двоих возьмём, тогда можно? — сын по характеру был очень похож на неё и не мог сдаться так просто.

— О, это что-то новенькое. Как ты себе это представляешь? — искренне удивилась Аля.

— Ну, так: я конфетку съем, а из фантика игрушку для Лешека сделаю. Он очень обрадуется. Я знаю, — радостно сообщил мальчик.

Подобная наивная уверенность сына не могла не заставить Островскую улыбнуться. Сенька по-детски очень любил своего пушистого друга и готов был с ним всем поделиться, даже обожаемой шоколадной конфетой.

— Ладно, бери свою прелесть, маленький хитрец, — сдалась Алевтина, глядя на просительные взгляды Сеньки и кота.

Мальчик потянулся за желанной сладостью, как вдруг их домашнюю идиллию прервал громкий и настойчивый стук в дверь. Сенька отдернул руку, а кот встрепенулся и рванул в коридор.

— Мам, а кто это? — удивленно спросил мальчик. — Мы гостей ждём? Ты почему не говорила?

— Это, наверное, крёстная. Она собиралась прийти к нам в гости, — ответила Аля сыну и пошла открывать.

Несмотря на то, что их дом располагался в благополучном районе города и считался едва ли не элитным, освещение в подъезде вот уже несколько лет оставляло желать лучшего.

В глазок Алевтине удалось разглядеть разве что высокую стройную фигуру в струящемся балахоне с эффектным тюрбаном на голове. Слава Богу, этого было достаточно, чтобы узнать любимую подругу. Та, как никто другой, умела производить поистине неизгладимое впечатление на окружающих, а иногда их даже шокировать, например своими

экстравагантными нарядами.

Аля открыла дверь. Гостья широко улыбнулась и, не успев даже переступить порог их квартиры, громогласно заявила:

— Ну, что, подруга, какие у нас планы на сегодня? Может по винишку и в картишки?..

— Блин, Жанка, тише ты, иначе мою соседку удар хватит от твоих шуток! Чего она только теперь не надумает после этих слов, писатель фантаст рядом с ней и так нервно курит трубку, — шикнула на подружку Островская.

Действительно, тайный наблюдатель, непросвещенный относительно особенностей профессиональной деятельности Алиной подруги, коим и являлась злостная поборница морали и по совместительству старшая по подъезду тётка Октябрина Кузминична, услышав такое, мог вообразить себе, что в соседях квартируется обитель порока и цитадель разврата.

— Ой, я совсем про неё забыла, — Жанна неуклюже прикрыла рот рукой и, смешно округлив глаза, быстро переступила порог, потом громко добавила. — Каждый судит в меру своей испорченности!

— Да и вообще, мало ли что ей взбредет в голову? Возьмёт и натравит на меня органы опеки, — тихо, но со всей возможной строгостью, отчитывала дорогую подругу Алевтина, одновременно закрывая входную дверь.

— Прости, я же не хотела.

— Не хотела она... Ты совсем как твой крестник, Жан, — глядя на неё, уже с явной улыбкой сказала Аля.

— Совсем ты, мать, со своей работой от жизни отстала. Какая я тебе Жанна?! Я вот уже месяц как Ева Ясная- тренер по личностному росту, специалист по ведению женских практик! — гордо выдала та и присела в шутовском реверансе, громко звеня многочисленными металлическими браслетами на руках.

— О, Боже, что опять?! Это уже который раз? Третий? — удивилась Островская.

Аля очень любила свою добрую, но, откровенно говоря, немного взбалмошную, подружку. Казалось, что она уже ко всему привыкла, но некоторые особенности новоявленной Евы по-прежнему не могли не удивлять. Например, после болезненного развода, случившегося шесть лет назад, из участкового врача городской поликлиники Жанна Лекарева, в замужестве гордо носившая фамилию Матросова, переквалифицировалась в фитотерапевты, надо отдать ей должное довольно успешные. Её фирменные очищающие, восстанавливающие, укрепляющие, бодрящие травяные сборы и настойки, которые она смешно называла «винишком», пользовались большой популярностью не только среди местной элиты, но даже за пределами их города.

Примерно в то же самое время Жанна вбила себе в голову, что изменение имени принесёт в её жизнь новую волну позитива, так она стала зваться морской Мариной и на полгода уехала жить в Сочи. Потом девушка увлеклась практиками личностного роста и стала мудрой Софией, и вот теперь настала очередь развития женского начала, а значит, пришёл черёд Евы.

Ко всему прочему одним из увлечений новоявленной Евы стали гороскопы: время от времени она составляла по дате рождения натальные карты для всех желающих, окрестив их небрежным «картишки». За пять лет в немногочисленных изотерических кругах их города она даже стала своего рода местной знаменитостью.

Порой окружающим их общение казалось довольно странным. Так многие Алины коллеги из «Академии риелти» не понимали, что могло связывать между собой столь

непохожих людей, но обеих девушек мало волновали чужие оценки. Ведь если верить, что некоторые чувства могут возникнуть с первого взгляда, то в их случае это была теплая дружеская симпатия, которая дала свои ростки, когда подавленная и растерянная после безобразного расставания с мужем Жанна обратилась в агентство недвижимости, чтобы продать квартиру, совместно нажитую в браке, и попала прямо к Алевтине.

— Вот пришла сменить стены. Кто бы мог подумать, что это со мной случиться? Зря не верила я тетушке Хае, ведь она мне говорила, что как лодку назовешь, так и поплывёт. Какой, однако, пассаж. Поматросил и бросил меня не кто-нибудь, а именно Матросов!.. — с этих слов и началась история их дружбы с Алей.

Островская не очень любила вспоминать то время, но всегда с улыбкой думала про их знакомство. Да и вообще, если верить, что смех продлевает жизнь, то встреча с Жанной сулила ей практически гарантированное бессмертие.

Алевтина никогда не могла долго сердиться на свою единственно по-настоящему близкую подругу. Вот и сейчас она, тяжело вздохнув, просто обняла гостью и, словно объявляя перемирие, сказала:

— Ладно. Проходи уже. Нечего на пороге стоять.

И хотя теперь Жанна предпочитала зваться Евой, кое-что в её характере оставалось неизменным: она по-прежнему не любила заставлять кого-то ждать. Быстро скинув цветные сабо, девушка поспешила вслед за Алей на кухню и чуть было не споткнулась о кота, который, словно дежурный офицер таможенного контроля на государственной границе, вольготно расположился в проходе

— Так, так, так... И кто это у нас здесь такой мохнатый? — произнесла Жанна и наклонилась, чтобы почесать Лешека за ухом. — Кажется, я вижу своего любимого кота. А скажи-ка мне, Кис, где же спрятался мой любимый крестник?

В ответ на почесывания Лешек уселся у ног гостыи и с уморительно важным видом протянул:

— Мур-мя-мяу!

Кажется, он всерьёз пытался намекнуть на возможное местоположение своего двуногого товарища. Жаль только, люди ещё не научились понимать язык животных, а то из кота мог бы получиться неплохой осведомитель:

Сенька не заставил себя долго ждать, услышав разговор крёстной с четвероногим другом. До этого спрятавшийся в коридоре, он выскочил из-за угла, порывисто влетел в раскрытые объятия Жанны, от всей души поцеловал её в щеку и звонким голосом прокричал на всю квартиру:

— А вот и я, Крёс!

— Привет, малыш! Дай я тебя обниму покрепче. Кто это здесь такой большой стал? — добродушно спросила новоявленная Ева и, довольно засмеявшись, протянула мальчику цветной пакет. — Держи, это тебе.

Довольный малыш тут же сунул внутрь свой любопытный нос и выдал нечто нечленораздельное с точки зрения взрослого человека.

— Эщкере, — воскликнул он.

— Что-что? — искренне удивилась Жанна.

— Как так? Ты, да и не знаешь? Старость — совсем не радость, — подначила её Алевтина.

— Вот что такое ёжкин кот, я знаю, а с «эщкере» пока как-то не сложилось, —

невозмутимо пожала плечами гостья.

— Ничего. Какие твои годы!? — сжалившись, приободрила подругу Островская. — С детьми и не такое узнаешь.

— Мам, а можно мы с Лешekom в новом альбоме порисуем? — спросил Сенька, от нетерпения подпрыгивающий на месте, так ему хотелось поскорее распечатать свой подарок.

— Ладно, малыш. Только не давай ему лакать окрашенную воду, — предупредила Аля.

— Мам, знаю и буду ним хорошо следить, я ведь теперь за старшего. Правда-правда, — торжественно пообещал Сенька, затем проворно подхватил кота с пола и, зажав того подмышкой, умчался в зал.

Жанна же грациозно опустилась на свой любимый стул возле окна, а Алевтина стала неспешно разливать чай.

— Слушай, Алька, мне кажется, он растёт не по дням, а по часам! Я вот думаю, на кого он всё-таки похож? — сказала гостья и посмотрела на хозяйку внимательным взглядом, словно сравнивая маму с сыном.

— На самого себя. Думающая ты моя, лучше скажи, как мне тебя теперь называть? — Островская попыталась переключить внимание подруги со скользкой темы внешнего сходства Сеньки.

— Как хочешь, так и называй. Тебе всё можно, — великодушно разрешила та, царственно взмахнув рукой. — Не горшком и ладно.

— Раз ты так решила, буду звать Евой, чтобы ещё больше не смущать общественность. Представляешь, Октябрина Кузьминична как-то даже поинтересовалась у меня, от кого это ты у нас скрываешься.

— В смысле скрываюсь?.. — переспросила Ева.

— В прямом. По её мнению имя меняют только агенты вражеской разведки, злостные алиментщики или неплательщики кредитов, — подколола подругу Аля.

Недоуменное выражение лица Ясной сменилось на снисходительно-радостное.

— Как хорошо, что я не вхожу в этот заслуживающий пристального внимания перечень, — пробубнила гостья, уминая третий фаршированный блинчик.

— Эй, подруга, притормози! А как же чай?

— Аль, ну ты чего? Вкусно же. Ты забыла, кем я работаю? Чай я и дома попью. У меня даже сахар есть.

Для Евы сам факт наличия сахара в доме можно было причислить к личным хозяйственным победам. Питаться в заведениях общепита она не любила, но готовить Лекарева, хотя теперь уже Ясная, не любила ещё больше, поэтому проще было остановить коня на скаку, чем оторвать её от домашних блинчиков. Однако женское любопытство было всё же сильнее голода, и когда её взгляд привлекла тонкая тетрадка, сиротливо лежащая на самом краешке стола, дорогая гостья не удержалась и спросила:

— А это что такое?

Она протянула руку и пододвинула тетрадь к себе поближе, чтобы как следует рассмотреть.

— Это? — нахмурившись, раздосадовано ответила Островская. — Привет из прошлого...

— А если серьёзно, Аль?!

— Серьёзно. Я лет десять назад стихи писала, а вот Сенька нашёл. Так наивные

малолетние глупости, — уже более спокойно пояснила хозяйка.

— Здорово. А я не знала, что ты пишешь. Это же прекрасно! Ты знала, что так развивается творческий потенциал личности и проявляется женская энергия... — немного забывшись, переключилась в режим тренера Ева.

— А вот это уже госпожа Ясная в действии! — засмеялась Аля. — Ты же знаешь, я всё это не верю, так что не надо меня вербовать...

— Ладно, вербовать не буду! Но посмотреть-то можно? Ну, пожалуйста?! — стала просить Ясная, при этом она скорчила до того умильную рожицу, что Алевтина не удержалась и разрешила:

— Смотри, если хочешь.

Ева перевернула пару страниц с рисунками и остановилась на первом же стихотворении. Островская и так помнила каждую строчку, но подружка зачем-то решила читать вслух.

Люблю молоко с кофе, но только обязательно в постель.

Люблю жару летнюю и холод зимних недель.

Люблю солнце, а потому светлые стены.

Люблю, когда в доме много растений.

Люблю синеву бескрайнюю моря.

Люблю иногда поспорить.

Люблю заботиться о близких,

А ещё разговаривать люблю по-английски.

Люблю, когда самый милый счастлив.

Люблю с друзьями встречаться.

Люблю, как по венам бежит кровь.

Я люблю, как звучит само слово: "Любовь..."

Закончив, Ева взяла ещё блинчик, откусила довольно приличный кусок, тщательно прожевала, собралась с мыслями и вынесла свой вердикт:

— Ну, ты даешь, Алька! Да, ты романтичная натура?! И как долго Алевтина Андреевна Островская будет продолжать мимикрировать под офисный планктон?!

— Ага, романтичная...была лет сто назад. Это всё давно неправда.

— Зря ты так. Совсем тебя заела эта работа. Как, кстати, там ваш столичный гость? — вроде бы соскользнула подруга с неудобной для Али темы, но нечаянно попала на ещё более неудобную.

— Улетел обратно к себе в столицу, — ровно ответила хозяйка, не позволяя себе никаких лишних эмоций в сторону Ринберга.

— Совсем? Или, как Карлсон, он обещал вернуться? — попыталась пошутить Ева.

— Скорее, как Терминатор. Только боюсь, что его «i'll be back» кое-кто точно не переживёт...

Ринберг, вдавив педаль газа в пол почти до упора, гнал по ночной трассе, напряженно вглядываясь вперёд. Остервенело слетая с небес, крупные капли дождя вдалбливались в лобовое стекло. Бабушка Сима сказала бы, что в такую дрянную погоду хороший хозяин и собаку из дома не выгонит, не то, что сам выйдет. Но собаки у её повзрослевшего внука уже давно не было, а в сегодняшнем настроении непогода едва ли могла его остановить, хотя, судя по тому, что происходило за окном, отчаянно пыталась.

Видимость почти нулевая: непроглядная тьма и ливень — убойное сочетание для любого, даже самого опытного водителя. Большую часть пути свет фар выхватывал пространство всего на пару метров впереди авто. Кое-где всё же встречались освещенные участки дороги, но тусклый свет сиротливых фонарей почти не помогал, да и пролетал их Иван за считанные секунды. Машина шла ровно: запредельная скорость, которую он весьма опрометчиво решил себе позволить, практически не ощущалась.

— Всё-таки немцы хорошо знают своё дело!

Тишина ему уже порядком надоела, мужчина включил акустическую систему, и, наполняя салон звуками, по FM волнам понеслась молодёжная мелодия с незамысловатыми словами: что-то про театр из аристократов, игру не по правилам и любимца чьих-то дьяволов... Он особо не вслушивался. Максимум, на что Ринберг был сейчас способен — это фон воспринимать мелодию и ловить обрывки фраз. Нельзя сказать, что песня была полностью в его вкусе, но в настроение попадала отлично. Не Шопена же ему слушать, в самом деле, в момент, когда хочется разнести всё к чёртовой матери.

Левой рукой легко придерживая руль, Иван сначала ослабил, а потом и вовсе резко сорвал и отбросил прочь свой стильный галстук. Он сейчас ощущался, как удавка на шее. Чёрт с ним. Галстуком больше, галстуком меньше.

За последние десять лет ему впервые мучительно хотелось закурить, задохнуться на секунду и почувствовать, как отравляющий дым сигарет заполняет каждую частичку легких до отказа, а потом вместе с ядовитым воздухом разом выдохнуть накопившиеся раздражение и гнев. Если бы только всё было так просто!..

Но Ринберг не был бы Ринбергом, если бы так легко нарушил слово, пусть и данное самому себе много лет назад.

И хотя ещё до его рождения известный британский рок-исполнитель вывел работающую и активно используемую большинством безответственных людей формулу для быстрого снижения эмоционального напряжения — «секс, наркотики и рок-н-ролл», для Ивана большая часть её компонентов была недоступна или неприемлема.

В традиционном сексе между мужчиной и женщиной его давно сложно было чем-то удивить, а сторонником нетрадиционных форм общения в этой сфере жизни он никогда не был. И хотя девушки, к услугам которых время от времени Ринберг прибегал после развода, очень старались подстроиться под его предпочтения и подловить мужчину на чём-то новом, чтобы задержаться в жизни Ивана больше чем на вечер, настоящего расслабления это минутное удовольствие ему не приносило. Всё же дураком он не был и умел отличать зерна от плевел.

Употребление любых веществ, используемых людьми для затуманивания сознания, Ринберг считал: по меньшей мере неразумным, а по большей недопустимым.

Ему оставался только «рок-н-ролл», который мужчина довольно успешно трансформировал в движение и получение адреналина — занимался активными видами спорта: скалолазанием, экстремальным дайвингом, даже как-то попробовал банджи-джампинг... Сегодня, за неимением лучшего, пришлось довольствоваться скоростной ездой на любимом авто, но напряжение его так и не отпустило...

В обычных обстоятельствах Иван не особо любил рефлексировать, но за неделю, прошедшую с момента покупки перспективного участка под проект в чернозёмном регионе и специфичного агентства недвижимости «Академия риелти» к нему в придачу, вокруг Ринберга стало происходить слишком много непонятного.

Все как будто с цепи сорвались и решили довести мужчину до белого каления. Возобновившееся навязчивое внимание Илоны к его личной жизни было странным и смешным одновременно: бывшая супруга даже не постеснялась заявиться к его матери с просьбой о помощи в восстановлении их безвременно почивших семейных отношений. И если преувеличенное стремление Аркадия Семёновича Крупельницкого втереться к нему в доверие и стать правой рукой в новом проекте вызывало лёгкую настороженность, то не увенчавшаяся успехом попытка нарушения систем информационной безопасности в холдинге заставляла серьёзно задуматься, не говоря уже о демпинговых ценах на рынке стройматериалов — одном из направлений деятельности компании. Казалось бы, все эти вещи никак не связаны между собой, но Иван интуитивно ощущал, что это может быть только вершина айсберга.

После возвращения из поездки Ринбергу так и не удалось толком отдохнуть, сразу навалились дела, накопившиеся за время его отсутствия, в таком количестве, что вот уже пять дней как мужчина спал по три-четыре часа в сутки. Накопившаяся усталость давала о себе знать, он буквально на секунду отвлёкся и прикрыл глаза.

Всего мгновение, и машину занесло на скользкой дороге...

Кондиционера в квартире не было, а приоткрытое окно слабо спасало от жары.

Лешек лежал на широком подоконнике между цветами и не без интереса наблюдал за своей хозяйкой. Часа в три ночи её размеренное прежде дыхание стало тревожным и прерывистым. Не просыпаясь, Алевтина заметалась по постели, а потом внезапно очнулась. Раз, и сон будто рукой сняло. Ещё несколько секунд девушка неподвижно лежала, вглядывалась в темноту и прислушивалась к своим ощущениям: неясная тревога змеей пригрелась на груди и, как анаконда, сдавила сердце удушающим кольцом.

Аля села на постели, откинула одеяло и отправилась проверить Сеньку. Ведь о чем в первую очередь думает женщина, после того как становится матерью? Правильно, о благополучии собственного ребёнка.

Свет Островская включать не стала, в собственной квартире она и так прекрасно ориентировалась. Кажется, это уже становилось традицией: полуночничала Аля не одна. Практически бесшумно спрыгнув с окна, верный кот решил к ней присоединиться и догнал Алевтину у двери Сенькиной спальни.

Стараясь не шуметь, они тихо проскользнули внутрь маленькой комнаты. С вечера ночные шторы не были задернуты, и лунный свет хорошо освещал постель мальчика. Подмяв под себя голубое одеяло с машинками, Сенька мирно спал.

Лешек, недолго думая, забрался на постель и, свернувшись в клубок, улёгся в ногах у малыша, как сторожевой пёс. Аля подошла к спящему сыну и, убрав со лба непослушную прядь, с нежностью погладила его по голове. Вот он — смысл её жизни!

Ещё несколько минут Островская, ни на миг не отрываясь, смотрела на своего любимого сыночка. Она смогла бы простоять так и несколько часов, но с её мальчиком всё было в полном порядке. Нужно просто перестать надумывать и взять себя в руки.

Немного успокоившись, Алевтина покинула комнату, прикрыв за собой дверь, но не до конца, чтобы Лешек, если что, смог беспрепятственно выйти, а не будить Сеньку своими воплями, когда встретит на пути непреодолимое для кота препятствие. Временами их Кис мог быть очень громким.

— Лешек, не смей шуметь! — строго сказала она коту, ещё раз оглянувшись у двери. Тот быстро приподнял голову, не мигая посмотрел на хозяйку и возмущенно фыркнул.

Так девушка осталась один на один со своими тревожными ощущениями: ничем не подкреплёнными, но и не проходящими.

Звонить в такое время и беспокоить людей, ей было как-то неудобно, да и повода вроде как не было. Вопреки их давней традиции сегодня, то есть, если быть педантичной, уже фактически вчера, Жанна, она же Ева, Аля всё никак не могла привыкнуть к её новому имени, предпочла не оставаться у них ночевать. Подруга, сославшись на какие-то свои неотложные дела, вызвала такси и в половине двенадцатого укатила домой.

Островская вернулась в свою комнату и с ногами забралась на подоконник, благо ширина позволяла, как в детстве подышала на стекло и указательным пальцем нарисовала сердечко, сквозь которое стала всматриваться в мирно спящий город.

Размышлений о смысле человеческого существования Аля не любила, всё её иллюзии были давно и основательно разрушены, или, по крайней мере, она на это искренне надеялась. Но, всё равно, время от времени жизнь не переставала её удивлять. Странная всё-

таки штука... Прекрасная, неповторимая и... столь же хрупкая, как хрустальное стекло, и мимолётная, как век зажженной свечи. Но, чтобы не происходило, всегда теплятся в человеке, пусть даже в самой глубине души, надежда, вера и любовь. Неважно в столице или провинции, никогда они не утратят своей ценности.

Словно подтверждая мысли Алевтины, десятки, сотни маленьких маячков светились в непроглядной ночной тьме. Это их город... родной. Она никогда особо не задумывалась над тем, что действительно значат для неё эти слова.

Сегодня же, разглядывая тихие, порой едва освещённые улочки, Аля повсюду встречала воспоминания: здесь они играли с Сенькой в снежки, катались с ледяной горки; там в парке любили гулять тёплыми летними вечерами; под крышей соседнего дома прятались, застигнутые врасплох весенним дождём... Таких моментов было бесчисленное множество, и сейчас они яркими картинками оживали в её памяти. Островской действительно было над чем серьёзно поразмыслить.

Их город- это не просто кирпичные и деревянные постройки, дороги и зелёные насаждения. Он соткан из живых эмоций, переживаний, судеб тех, кто его населяет, и пусть городок невелик, провинциален, живут в нём прекрасные, достойные уважения люди, его стоит любить, ведь именно здесь она по-настоящему смогла обрести себя.

Но, с тех пор, как на горизонте объявился «великий и ужасный» Иван Соломонович Ринберг, почти каждую ночь девушку преследовали тревожные сны, большую часть их которых Аля не помнила. Закрыв глаза, она могла воспроизвести лишь хаотичные обрывки: то она убегала от кого-то на руках с маленьким Сенькой, то летела вниз с обрыва, то стучалась в закрытые двери...

Но на этом всё, с неё хватит. Сны снами, но свою реальную жизнь она никому не позволить портить.

— Нет, второй раз я не побегу... чего бы мне это не стоило. Это мой город!.. И никакой Ринберг мне не страшен.

Никому доподлинно неизвестно, как долго продлится его жизнь, где и как закончится этот путь... но говорят, что перед неминуемой гибелью буквально за секунду вся жизнь человека проносится перед глазами.

Ринберг не придавал этому особого значения, считая подобные рассказы байками излишне впечатлительных или попросту суеверных людей. Сегодня же он на собственной шкуре испытал, какого это.

Думал ли Иван когда-либо, что для него всё может закончиться вот так бездарно?.. В один миг вдруг оказалось, что вся эта суета вокруг бессмысленна, а амбициозные стремления давно уже ведут в никуда.

На скользкой ночной дороге от собственной глупости его не смогли бы спасти и все деньги мира, хотя он дорого бы отдал, чтобы понять ради чего всё это.

Когда Ринберг, поддавшись негативным эмоциям, сам сел за руль, гнев и раздражение были в нём настолько сильны, что он практически физически ощущал удушье и не смог бы выдержать никаких ограничений: даже ремень безопасности был отброшен с пренебрежением. Недопустимая ошибка, которая теперь могла стать фатальной и стоить ему жизни.

В миг, когда машину повело на скользкой дороге, мир вокруг изменился. Иван словно наблюдал за собой со стороны. Будто в кинозале на экране шли кадры в замедленной съемке: вот он быстро выкручивает руль в сторону заноса, пытаясь выровнять ход движения и не слететь с трассы, и лишь по инерции продолжает удерживать педаль газа. Музыка внезапно прерывается. В наступившей тишине салона отчётливо слышны только визг покрышек и злобный перестук дождевых капель.

Как фигурист, выполняющий элемент сложного вращения, пытаясь не вылететь на обочину, автомобиль Ринберга кружился с невероятной скоростью. Но защитных ограждений вдоль дороги не было и, как водитель не старался, задние колёса всё же слетели с асфальта и быстро утянули за собой всю машину, которая через несколько метров движения вписалась в одинокую молодую берёзу, росшую чуть поодаль от проезжей части.

Какая удача, что русские так и не удосужились научиться качественно делать дороги — непролазная грязь на размокшей от дождя обочине значительно замедлила движение автомобиля, тем самым смягчив силу удара.

Какое счастье, что он не ошибся в том, что немцы всё-таки хорошо знают своё дело: через секунду после столкновения сработали подушки безопасности. Однако по закону подлости не пристёгнутый ремень не мог не сыграть своей роли — от удара Ивана чуть отбросило в левую сторону, и он ударился головой о боковое стекло. Прошло всего мгновение, и мужчина отключился.

Со лба, проложив себе дорожку по лицу, стекала кровь, оставляя алые пятна на его белоснежной рубашке.

Хотя этой ночью Ринберг абсолютно точно был в машине один, он мог бы с уверенностью поклясться, что перед тем как внезапно очнуться, слышал чей-то настойчивый шёпот прямо над ухом:

— Вставай! Проснись!

Слабость быстро разлилась по всему телу: голова нестерпимо кружилась, перед глазами

стояла пелена размытых образов, которые виделись ему посреди стены проливного дождя. Металлический привкус собственной крови во рту мешал связно мыслить. Иван с большим трудом открыл дверь и буквально вывалился наружу.

При всём желании в первые минуты после аварии самостоятельно встать он не смог бы, поэтому Ринберг просто осел на мокрую траву, тяжело привалившись к задней двери авто. Иван закрыл глаза и с наслаждением подставил лицо под непрекращающийся ливень, попытался умыться ледяными каплями, стирая кровавые разводы, а потом рассмеялся и, как умалишенный, всё никак не мог остановиться.

Гнева не было.

Ничего больше не было...

Ринберг внезапно осознал, что он только что выиграл в смертельной лотерее бесценный приз — свою собственную жизнь.

— А ты везучий мерзавец, Иван!..

Третий час мама и сын Островские с удовольствием бродили по территории городского зоопарка.

Свежий воздух, тенистые аллеи, возможность увидеть редких животных и птиц, отлично обустроенная детская площадка и собственный магазин мороженого — все перечисленные обстоятельства делали это место одним из самых привлекательных для семейного отдыха в выходной день.

До рождения Арсения Алевтина была здесь едва ли пару раз, теперь же их смело можно было назвать завсегдатаями: начиная с двух Сенькиных лет, летом они приходили сюда почти каждую неделю и каждый раз, как в первый, находили для себя что-то новое и удивительно интересное.

Утомлённые долгой прогулкой, Островские решили передохнуть. Они остановились возле небольшого искусственного пруда, расположенного в самом центре парка. Пока Сенька с интересом разглядывал грациозную пару белых лебедей, недавно выбравшихся на берег и теперь старательно очищающих перья, Аля присела рядом на деревянную скамейку, удачно скрытую от летнего солнца сенью старых клёнов. Она быстро сбросила надоевшие балетки и с облегчением опустила босые ступни на землю, с наслаждением зарываясь пальцами ног в зелёную траву.

— Хорошо. Господи, как же хорошо, — выдохнула она.

— Мама, мама, угадай, кого я там увидел? — спросил у неё подбежавший малыш.

— Я даже и не знаю... Утку? — неуверенно ответила девушка, включаясь в их любимую игру «Угадайку».

— Да нет, мам, утку и так видно!.. — протянул мальчик, разочарованный недогадливостью Али.

— Золотую рыбку?.. — сделала вторую попытку мама.

— Нет!.. Мам?! Попробуй ещё, — на секунду остановившись, с надеждой посмотрел на неё Сенька. От нетерпения он не мог спокойно стоять на месте и теперь обегал третий круг вокруг скамейки, на которой сидела мама.

— Выдру?.. — озвучила ещё одно предположение Алевтина.

— А вот и нет... — сказал сынок со смесью разочарования от того, что мама всё никак не может отгадать, и переполнявшего его восторга от ожидания собственной победы.

— Ладно, я сдаюсь! Даже и не знаю, кого же ты там рассмотрел.

Сенька забавно растянул губы в довольной улыбке, обнял Алю и с уморительным видом настоящего заговорщика громко зашептал ей на ухо:

— Мам, а ты знала, что в пруду живет настоящая Тортилла почти как в «Приключениях Буратино»?

Старая водная черепаха, которую работники зоопарка и, правда, любовно нарекли Тортилой, вот уже несколько лет мирно соседствовала с семейством белых лебедей. Сенька же разглядел её только сегодня и уже успел насквозь пропитаться искренним восторгом от увиденного. Черепаха выныривала к самой поверхности воды, вытягивала шею, подслеповато щурясь, озиравась по сторонам и снова уходила на глубину.

— Да, почти всё как в «Приключениях Буратино»: живет она в пруду, только песни петь не умеет, и чепчика кружевного у нее тоже нет, — улыбнулась Островская, припоминая

образ черепахи из старого советского фильма.

Сенька с раннего детства любил наблюдать за животными. При каждом удобном случае он тянул маму в цирк или зоопарк, а немного повзрослев, по большому секрету однажды сказал ей о своей мечте стать ветеринаром.

Среди недели им редко удавалось куда-то выбраться вместе — работа отнимала слишком много времени. Иногда по вечерам даже приходилось брать сына с собой в офис. Пока она разгребала очередной косяк своих подопечных, ребёнок рисовал в соседней переговорной или смотрел мультфильмы на планшете.

В один из таких дней их маленькая семья и обзавелась неожиданным пополнением.

В половине седьмого вечера ей позвонила зарёванная стажерка Полина Тезикова:

— Алевтина Андреевна, приезжайте, пожалуйста! Я вас умоляю. Сейчас нас Семаевым убивать будут!.. Тут такое...

Где-то на заднем фоне слышались разъяренные женские вопли и робкие извинения Семаева.

Спокойный вечер пошёл насмарку, а ведь Аля только что забрала Сеньку из детского сада.

— Как же они меня достали! Я сама их сейчас убью!

Неразлучная парочка Семаев-Тезикова вот уже четыре месяца совместно продавала квартиры. Результаты, надо отметить, были отличные, но периодически ребята, то ли в силу своей молодости, то ли в силу странного стечения обстоятельств влипали в разного рода интересные истории. Однажды эти двое сутки просидели в подвале дома, когда решили проверить коммуникации, а хозяин подумал, что они уже ушли. После этого случая оба купили портативную зарядку для телефона. Ещё один раз, заглянув в электрический щиток продаваемой квартиры, Семаев и Тезикова полностью обесточили весь подъезд десятиэтажного дома.

Что могло случиться на этот раз, Островская даже и не рискнула предположить.

— Хорошо, скоро буду, — ответила Алевтина и потянула Сеньку в сторону машины. — Пойдём, малыш. У мамы появились срочные дела.

Нужно было спешить. Благо ехать недалеко. Минут через пятнадцать они уже были на месте.

Оставив Арсения под присмотром девочек из приемной, Островская двинулась в сторону переговорных. По громким звукам она определила, что ей нужно повернуть в четвёртую.

В комнате витал запах корвалола, кофе и почему-то сигарет, хотя курить в помещении было строжайше запрещено. В центре стола стояла пластиковая переноска, в которой кто-то копошился и душераздирающе мяукал. Ещё только зверинца им не хватало.

Бывшего прокурора Елизавету Леопольдовну она узнала сразу. Вместительную трёшку Котовской специалистки агентства недвижимости продавали довольно долго. И вот, наконец, когда все усилия увенчались успехом, через месяц после проведения сделки она вновь находилась в офисе «Академии риелти».

Грузная дама, раскрасневшаяся то ли от жары, то ли от ярости, важно сидела во главе стола, демонстративно обмахиваясь белым кружевным веером.

Слева от неё, примостившись на самый краешек стула, продолжая извиняться, расположилась бледная Тезикова, а Семаев нервно мерил помещение широкими шагами.

— Добрый вечер, Елизавета Леопольдовна! Рада вас видеть, хотя признаться очень

неожиданно, — первой начала разговор Алевтина. — Что привело вас к нам в офис?

— Кому-то добрый, а кому-то и не очень!.. — взвизгнула Котовская. — Вот полюбуйте на этих своих супчиков-голубчиков, Алевтина Андреевна. Нет, я молчать не собираюсь и скажу Крупельницкому всё, что я о них думаю...

С одной стороны, Алю было довольно трудно задавить авторитетом, а с другой, с Елизаветой Леопольдовной на уже имела дело, поэтому девушка решила переключить внимание клиентки на себя.

— Я прекрасно понимаю ваше желание проинформировать начальство, но Аркадий Семенович, сейчас в отъезде, а я, как их непосредственный руководитель, уже здесь. Давайте разберемся, что же произошло. Насколько я помню, ребята не так давно уже продали вашу квартиру, и на тот момент вы были вполне довольны их работой, даже лично написали каждому благодарственное письмо.

Елизавета Леопольдовна, найдя в Але благодарного слушателя, пухленькой ручкой достала из кармана белоснежный платок и, смахнув с глаз несуществующие слёзы, начала свой горестный рассказ:

— Ну, раз непосредственный руководитель, тогда хорошо, слушайте. Да, написала, и я уже тысячу раз пожалела об этом. Как вы знаете, я уезжала, и квартиру по доверенности продавала моя сестра, но вот сейчас вернулась и получила просто умопомрачительный сюрприз, — на последней фразе женщина уже почти сорвалась на крик и обвинительно ткнула пальцем в переноску.

После этих слов Пашка наконец остановился и замер, как соляной столб, виновато уставившись на стол, а Полина выглядела так, как будто хотела стать невидимкой и испариться. Алевтина, всё ещё ничего не понимая, выругалась про себя, а вслух поощрила Котовскую:

— Так в чём же дело?

— А дело в том, что моя кошечка, моя дорогая девочка Агнесса, победительница пяти международных выставок с безупречной родословной, вдруг нежданно-негаданно принесла мне вот это чудовище, — хозяйка кошки снова пренебрежительно указала на переноску, откуда в очередной раз раздалось жалобное:

— Мяу! Мя-мяу!

— Кошечка это хорошо... — задумчиво поддержала беседу Островская. Девушка могла ожидать чего угодно, но уж никак не обсуждения кошачьей интимной жизни и плодовитости. — Только я не совсем понимаю, причём здесь наши сотрудники? Ребята продают квартиры.

— Как это причём ребята?! — мгновенно взвилась Котовская. — Кошечка-девочка была в квартире одна, её только сестра кормила, да ещё вот эти приходили, покупателям показывали. Признавайтесь, нелюди, что с кошкой сотворили?

«Нелюди» посмотрели друг на друга, после чего Тезикова беззвучно всхлипнула, а Семаев обреченно начал рассказывать свою версию событий.

— Ну, да. Показывали мы квартиру. В тот день как раз кошка нас вышла встречать, а потом, когда мы покупателей проводили, обнаружили, что входная дверь приоткрыта, а этой вашей Агнешки нигде нет... Бросились в подъезд, соседка сказала, что видела серую кошку на улице. Ну, мы во двор, там эта серая сидит у подъезда, умывается. Я за ней, кошка на дерево рванула, еле снял. Мы её в квартиру принесли и закрыли. Всё как надо...

— И?.. — Островская уже начинала терять терпение.

— И пришел я туда через два дня...а они там сидят двое: и оба серые, похожие один в один. Только я дверь открыл, как кот, это я уже теперь понял, за дверь выскочил, а вторая осталась. И вот.

— О Боже! Изверги мою деточку отдали на растерзание какому-то беспродному животному... — теперь уже всхлипнула хозяйка кошки.

— Почему беспродному? Он точно как ваша был, приложишь — не отличишь! — искренне удивился Пашка, от ведения кошачьих родословных он был человеком очень далёким.

Алевтина Андреевна взглядом приказала Семаеву замолчать и не рыть себе яму глубже, чем она уже есть.

— Елизавета Леопольдовна, надеюсь, вы будете не против, что ребята сейчас нас оставят. Пока мы с вами обсудим, как можно выйти из сложившейся ситуации, они пойдут и напишут объяснительные, на основании которых я и применю к ним надлежащие меры, — безапелляционно произнесла Островская. — Да и переноску прихватите.

Алевтина подождала, когда молодые люди выйдут за дверь и продолжила:

— Ситуация, конечно невероятная. Как руководитель, я приношу вам свои извинения за действия моих подчинённых. Чем я могу вам помочь?

— Не нужны мне никакие извинения, мне кошку надо теперь лечить, а ещё избавиться от этого гадкого отродья! Представляете, она его целый месяц прятала, — почему-то искренняя забота кошки о собственном потомстве совсем не впечатлила Елизавету Леопольдовну Котовскую.

Руководствуясь принципом, что желание клиента — это закон, Аля предложила бывшей клиентке, как ей казалось, неплохой вариант:

— Елизавета Леопольдовна, мы готовы оплатить кошачьи алименты и взять заботу о котёнке на себя, что же касается вашего первого пожелания — завтра же ваша Агнесса будет записана на приём к лучшему ветеринару города, а ребята компенсируют все сопутствующие расходы, связанные с обследованием и лечением.

— Хорошо, если так, — с сомнением, но всё же согласилась женщина.

Когда спустя ещё несколько минут Котовская всё же изволила удалиться, в переговорную сразу ввалились трое Полина, Пашка с котёнком в переноске и Сенька.

— Мама, смотри, какой он классный! Давай его возьмем? Ну, пожалуйста, — искренне попросил малыш.

— Мы, это, Алевтина Андреевна, написали вот-объяснительные, — пробубнил Пашка, протягивая ей два исписанных листка формата А4.

Островская наконец-то дала себе волю и расхохоталась почти до слёз.

— Видели бы вы свои лица, кошачьи сводники. Идите вы, ребята, со своими объяснительными сами знаете куда. Полина, завтра позвонишь ветеринару Старостину и запишешь кошку на прием, потом оплатите расходы за ветклинику. Будет вам наука. А этот плод запретной кошачьей страсти, так и быть, мы забираем с собой.

Аля так увлеклась воспоминаниями, что почти не заметила, как они добрались до большого вольера со львом. Царь зверей вольготно расположился на солнечной поляне, лениво наблюдая за метаниями зебры в соседнем загоне, потом вдруг вскочил и понесся к разделяющему их забору, но бесстрашная добыча и не думала убежать.

Сенька с большим интересом наблюдал за происходящим, а потом решил спросить:

— Мам, а лев — тоже кот, как наш Лешек? Только большой и не домашний?

— Да, малыш, львы из семейства кошачьих. Они с обычным котом, как дальние родственники у людей, — как могла, объяснила Алевтина сыну.

— Мама, а почему зебра не боится? Вот глупая. Он же её съест! Я по телевизору видел, — продолжал задавать вопросы мальчик. — Правда-правда.

— Не волнуйся, не съест. Здесь между ними очень высокий забор, — успокоила малыша Островская. — Да. Может, пойдём на белого медведя посмотрим? Ты ведь хотел. Забыл уже?

— Хочу-хочу, — оживился мальчик, и, взявшись за руки, они отправились дальше.

В целом это был отличный день, и только одно обстоятельство огорчило Алевтину. Всё было хорошо, пока вокруг вольера с белым медведем не собралось много семей, в которых мама и папа вышли с детьми на прогулку. Но когда она поймала грустный Сенькин взгляд, он улыбнулся ей через силу, в следующую секунду мальчик уже ссутулил плечи и опустил глаза в пол.

За час Илона успела сменить несколько модных комплектов от ведущих мировых кутюрье, но нужный образ так и не сложился ни на деле, ни в голове.

— Это всё не то... — красавица недовольно сморщила носик и с неизбывной тоской оглядела свой огромный гардероб.

Затем она задумчиво провела рукой по волосам, дотронулась до ярко покрашенных губ, призывно улыбнулась, бросила кокетливый взгляд из-под опущенных ресниц и...вновь осталась недовольна увиденным.

— Всё-таки не стоило настолько высветлять волосы... Губы тоже получились чуть великоваты. Надо, пожалуй, переделать. Или нет?

Госпожа Бражникова придирчиво рассматривала собственное отражение в огромном зеркале гардеробной. В своём блоге она когда-то рассказывала подписчикам, что с любовью выписала его из Италии. На деле же зеркало это, как и многие другие, появилось на свет на заводе в Тульской области, откуда собственно и была родом Илона Васильевна.

Когда двенадцать лет назад, почти сразу после окончания театрального училища, она только приехала в столицу, светская тусовка не слишком жаловала начинающую актрису из провинции. Своё место под солнцем тогда приходилось буквально выгрызать зубами, ровно до тех пор, пока Бражникова не вытянула свой счастливый билет в виде скучающего бизнесмена Вани Ринберга. Нет, он, конечно, не продюсер и не режиссёр, но именно тогда-то все почему-то разглядели её талант. И если раньше Илона была для них всего лишь алмазом, то деньги Ивана помогли ей превратиться в настоящий бриллиант. Ну, или, по крайней мере, она так считала.

Сейчас же одновременно со статусом супруги Ринберга Бражникова лишилась и своего привилегированного положения в обществе. Она с удивлением вынуждена была признать, что вновь вернулась на исходные позиции: предложения об участии в телевизионных проектах почти не поступали, её авторскую программу, пусть та была и не на центральном канале, но в которую она вложила столько времени и сил, подвинули в сетке вещания, безжалостно сместив Илону из прайм-тайма.

Она не безропотная овца, и молча мириться с таким положением вещей не собиралась! Нужно было срочно что-то предпринять, поэтому, недолго думая, Бражникова и согласилась помочь своему недавнему знакомому в одном весьма деликатном деле, которое касалось её бывшего супруга.

Она достойна гораздо большего, а не тех жалких грошей, которые муженек пренебрежительно бросил ей со своего барского плеча. В конце концов, Илона потратила на него лучшие годы своей молодости, а он так с ней поступил, попользовался и выбросил, как ненужную вещь, не желая делиться нажитым имуществом.

Про то, что после развода Ринберг оставил ей эту трёхкомнатную квартиру в центре Москвы и выделил ежемесячное денежное содержание сроком на пять лет, Бражникова как-то быстро позабыла. Слишком много забот свалилось разом на её бедную голову.

Илона так и не поняла, что же стало причиной их развода. Она вела себя как всегда: продолжала четко следовать инструкциям модной московской свахи мадам Аделаиды, которой отдала почти все свои сбережения, чтобы та нашла ей выгодную партию. До недавнего времени Илона Васильевна Бражникова была очень довольна результатом, всё-

таки Ринберг- это вам не восьмидесятилетний режиссер, которого мадам подобрала для её подружки Динки.

А теперь эта стерва Динка смеялась над ней, говоря, что лучше её потрепанная синица в руках, чем улетевший вить другое гнездо журавль Бражниковой, а ещё добавляла, что она всегда знала, что Иван Соломонович — царевич, а не дурак, как считала Илона.

А ведь ещё совсем недавно всё было хорошо. Актрису полностью устраивала их семейная жизнь: она красива, он богат. Чем не идеальная пара?! Для супругов виделись они нечасто: Ринберг был просто помешан на своем деле, постоянно работал над новыми проектами и мотался по командировкам, впрочем, пока он спонсировал начинания жены, её это мало волновало.

Бражникова была на девяносто девять процентов уверена, что Иван всегда был ей верен. Ну, во-первых, такой женщине, как она невозможно изменить, а во-вторых, этот чистоплюй никогда не стал бы, даже при удобной возможности, у него свои старомодные понятия о семье, чести и всё-такое... И кто из них двоих при этом ещё больший провинциал?!

Смешно, но как-то Ринберг даже заговорил с ней о детях, и это в момент, когда её карьера пошла в гору. С ума сошёл не иначе. Не хватало ещё, чтобы Илона портила беременностью свою почти совершенную фигуру, когда запросто можно нанять суррогатную мать. Она ему прямо так и сказала. Не понятно только от чего он сначала замкнулся, а потом и вовсе стал беситься?

В самом дальнем углу гардеробной будущая великая актриса, а ныне подающая надежды звезда, после изматывающих поисков нашла идеальное платье для своего сегодняшнего образа — красное, её радость омрачило только то, что оно было из прошлогодней коллекции, но ничего, для полумрака клубных помещений вполне сгодится. А если всё пойдет по плану, то недолго ей в нём оставаться, а там глядишь, и волосы будет на что перекрасить, и губки подправить.

От этих радужных мыслей госпожа Бражникова изрядно воспряла духом, подмигнула своему отражению и поспешила проверить сообщение в мессенджере, оповещение о котором сработало минуту назад:

«Жду в девять на нашем месте».

Вечер сулил ей много приятного.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался.

За ночь, обрушив на землю недельную норму осадков, гроза успокоилась и ушла греметь куда-то на восток.

Глядя на первые, едва пробивающиеся сквозь темноту ночного неба, лучи утренней зари, Иван Соломонович Ринберг цинично усмехнулся собственным далеко не весёлым мыслям. Он давно знал: чаще всего ключ к решению любой проблемы кроется в цене, которую нужно оплатить. Деньги, конечно, решали не всё, но многое, и это значительно облегчало жизнь их владельцам. Вот и ему с последствиями аварии разбираться долго не пришлось: всего пара звонком, и нужные люди быстро нашлись.

Как всегда невозмутимый Гена забрал его с дороги всего через пару часов после происшествия, к этому времени Ивану уже была оказана медицинская помощь, а его помятый автомобиль забрал эвакуатор- всё это посреди ночи и в непогоду.

— Иван Соломонович, куда вас отвезти? — спросил Геннадий, когда Ринберг забрался на переднее пассажирское сиденье внедорожника. Это было довольно странно. Не хило всё же его тряхануло. Парень работал на Ивана не первый год, и обычно босс предпочитал даже в пути работать, просматривая бумаги или электронную почту, расположившись в уединении заднего сиденья.

— На квартиру давай, — без особых раздумий ответил Иван Соломонович и, прикрыв глаза, откинул голову на подголовник сиденья. Ему хотелось только одного- проспать в тишине как минимум сутки, но даже сейчас он понимал, что ему это вряд ли удастся, хотя впереди выходные.

— Может всё-таки в нормальную больничку вас отвезти? А то это не дело — когда вот так на дороге кое-как подлатали наспех... — засомневался водитель.

— Нормально подлатали. Мне в конкурсах красоты не участвовать. Это так царапина, через пару дней заживет, — устало произнес Ринберг. Он был откровенно удивлён подобной заботой со стороны Геннадия.

— Как скажите, — не стал дальше настаивать Гена, как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. — На квартиру, так на квартиру.

Не желая продолжать разговор, Ринберг только молча кивнул в ответ.

Отключив телефон, Иван рассчитывал отдохнуть пару часов, но неожиданно даже для самого себя проспал почти до полудня. Видимо события последних дней всё же не прошли для него бесследно. После пробуждения его ждали двадцать пять неотвеченных вызовов и примерно столько же сообщений, точную цифру Ринберг считать не стал: некогда, да и незачем.

— Да уж, просто первый парень на деревне...

Иван написал родителям, что благополучно добрался, благо разумно умолчав про аварию. Не стоит их лишней раз волновать: у отца давление, у мамы слабое сердце, тем более всё более или менее обошлось, а за время его командировки ссадина на лице должна стать почти незаметной.

Затем мужчина немного подумал и набрал номер своего помощника Марка, тот ответил после второго гудка:

— Слушаю, Иван Соломонович.

— Добрый день, Марк. Сегодня вечером на твой адрес привезут мою машину, сдашь её на экспертизу Владимир Михайловичу под личную ответственность. Он в курсе.

— Данилевскому?.. — неуверенно уточнил помощник, ибо упоминать всуе великого и ужасного руководителя службы безопасности ему не хотелось.

— Да, — спокойно подтвердил Ринберг, не выдавая и толики своего настоящего беспокойства.

— Иван Соломонович, что-то случилось?!. - после недолгих раздумий всё же решил уточнить Марк.

— Ничего, о чём тебе стоило бы волноваться. Просто сделай то, что я сказал, — Иван не любил лишних вопросов со стороны подчинённых. — И ещё до среды меня не для кого нет. Все вопросы через тебя. А вообще держи меня в курсе.

— Хорошо.

В процессе разговора с Марком Ринберг вышел на лоджию. Не зря одним из преимуществ видовых квартир считался отличный обзор, вот и сейчас перед ним весь город был, как на ладони. Хотя он уже не раз любовался этим видом, только сейчас Иван обратил внимание на большую парковую зону в нескольких кварталах от дома. Кажется, это где-то там расположен городской зоопарк, на финансирование или реконструкцию которого намекал глава города взамен на благосклонность местных властей в сторону его строительного проекта.

— Может, стоит посмотреть? Выходной всё-таки.

В понимании Ринберга, взрослый мужчина, в одиночку прогуливающийся по зоопарку, для окружающих должен был выглядеть довольно непривычно. Такое место подходило для семейного отдыха, влюбленных парочек или любителей природы и животных. Для того чтобы быть причисленным к первым двум категориям Ивану не хватало компании, а к третьим он мог отнести себя с большим трудом.

Однако, все его опасения были напрасны. Спустя всего десять минут пребывания на территории парка мужчина с удивлением обнаружил, что легко смог затеряться среди скопления нерадивых папаш, которые с трудом преодолевали повинность выходного дня под названием семейный отдых и периодически, отбившись от своих ячеек общества, понуро брели в отдалении, так что на общем фоне он выделялся мало.

Ринберг не успел ещё толком осмотреться, но иногда первое впечатление самое верное. Уже сейчас ему было видно, что городской глава не соврал: место пользовалось популярностью, а если добавить сюда океанариум, наверняка посетителей стало бы гораздо больше.

Он всерьёз задумался бы над перспективами данного начинания, но заметил недалеко от пруда картину намного интереснее, чем виды городского зоопарка.

Чуть в стороне на лавочке под раскидистыми клёнами, закинув ногу на ногу, в оранжевом, как новогодний апельсин, платье сидела босая девушка. С того места, где Иван остановился, её лицо сложно было разглядеть. Мужчина готов был поспорить, что видит перед собой именно Алевтину Андреевну Островскую, или от удара головой во время аварии у него просто начались галлюцинации.

— Интересно, что она здесь делает?

Почему-то представить, что Островская, как и многие другие, пришла сюда вместе с семьёй: мужем и детьми — Ринберг не захотел. И если мысль о детях была в его представлении, если не приятной, то хотя бы терпимой, то вероятное наличие предполагаемого мужа Алевтина стало для мужчины откровенно нежеланным открытием. Жаль только вспомнить, было ли у неё на руке обручальное кольцо, Иван не смог. Зря во время их последней встречи он старался не слишком откровенно на неё пялиться, вместо этого стоило бы присмотреться к девушке повнимательнее, тогда не пришлось бы сейчас гадать.

Как матерый хищник, выслеживающий добычу, мужчина затаился в кустах, пристально наблюдая, как к Островской подбежал маленький мальчик. Сколько ему? Пять лет? Шесть? Парадоксально, но имея троих племянников, Иван совершенно не разбирался в детях, хотя не имел ничего против. Как-то даже предложил бывшей жене завести парочку своих, но нарвался на женскую истерику и жуткий скандал. Некоторое время спустя он пришел к выводу, что именно это и стало началом бесславного конца их семейной жизни.

Ринберг выбрал хорошее место для незаметного наблюдения, но долго оставаться в одиночестве ему не пришлось. Опасливо озираясь по сторонам, с другой стороны куста расположился изрядно заплывший мужичок неопределенного возраста с банкой пива в руке. Пыхтя и отряхиваясь, как дворовый пёс, он зачем-то радостно отсалютовал Ивану и хриплым голосом пояснил:

— Безалкогольное, а то моя-то бдит.

Ринберг кивнул и почти вернулся к своему занятию, когда нежеланный сосед, указывая на Алевтину Островскую и её ребёнка зачем-то спросил:

— Твои?..

— Мои, — без раздумий подтвердил Иван, сам удивившись своим словам.

— Повезло тебе — пацан родился, а у меня четверо и все девки... — поделился болью собеседник.

— Да, повезло, — согласился Ринберг, не объяснять же случайному человеку, что к его огромному сожалению у него вообще никого нет: ни пацана, ни девок, хоть бы даже и четырёх.

— Ты это давай догоняй их, а то тут сам чёрт голову сломит кого-то искать, — участливо подсказал мужичок.

Иван снова кивнул и поспешил вслед за мамой и сыном Островскими, в том, что это именно сын Алевтины, он уже не сомневался.

Ринберг спокойно шёл за ними всего на несколько шагов позади, даже не особо скрываясь. Из предметов маскировки на мужчине были разве что солнцезащитные очки, которые он нацепил ещё в квартире, чтобы хотя бы частично прикрыть ушиб, да так и не снял. Всё больше напоминая себе маньяка, Иван продолжил наблюдать за Алей и мальчиком уже у вольера со львом. Мужчина то и дело напряженно всматривался в окружение, ожидая, что вот-вот появится законный муж и любящий отец, а не самозванец вроде него.

Буквально на автопилоте Ринберг, мало обращая внимание на животных, от вольера к вольеру переходил за Островскими, стараясь не выпускать тех из виду.

Мальш постоянно что-то спрашивал у мамы, вот сейчас мальчик увлеченно наблюдал за купанием белого медведя и продолжал говорить.

После недолгих раздумий Иван всё же решил к ним подойти. Потеснив молодых людей слева, он приблизился к Алевтине со спины и аккуратно прикоснулся к руке девушки, стремясь обратить на себя её внимание:

— Алевтина Андреевна, добрый день!

После его слов девушка замерла и задержала дыхание, но уже через секунду, так и не повернувшись от вольера с медведем, Островская буквально выдохнула в ответ его имя:

— Иван Соломонович?..

Ринберг обратил внимание, что для такого малыша у сына Алевтины был слишком серьёзный взгляд. Пока взрослые приветствовали друг друга, он успел встать между мамой и незнакомым мужчиной, с подозрением уставившись на Ивана.

— Здравствуйте, я Арсений Островский? А вы кто? — привлек к себе внимание любопытный мальчик.

— Я? А я, молодой человек, Иван Ринберг. Приятно познакомиться, — представился мужчина, протягивая малышу руку для взрослого приветствия. Арсений протянул свою в ответ. Маленькая ладошка в руке Ринберга стала казаться совсем крошечной, Иван легко пожал её, но отпускать малыша ему почему-то не хотелось.

— Это мой сын, — слова Алевтины вывели мужчину из лёгкого оцепенения, вызванного столь неожиданным знакомством, хотя, честно говоря, он не привык к детям. Откуда ему знать, может, так и должно быть!?

— Я так и понял... — ответил Ринберг, одновременно с этим пытаюсь рассмотреть, есть ли обручальное кольцо на безымянном пальце Островской, но как назло, она спрятала правую руку в карман платья. И снова капризная Фортуна изменила ему.

— А вы с кем гуляете? — заинтересовано спросил Сенька, заглядывая ему за спину.

— Один... — с трудом выдавил Иван, привычное самообладание покинуло его в ту же секунду, когда он впервые увидел маму и сына Островских вместе, и, похоже, что возвращаться в скором времени на место оно не собиралось. Но следующая фраза мальчика для его выдержки стала просто контрольным выстрелом в голову, такого поворота никто из взрослых точно не ожидал:

— Одному гулять скучно. Хотите с нами?.. Я здесь всё знаю. Правда-правда.

Когда в понедельник утром двери лифта распахнулись, Алевтина, словно на стену, натолкнулась на колючий взгляд, наполненный плохо скрываеваемой неприязнью.

Аркадий Семёнович дежурил на том же месте, что и в прошлый раз. Кажется, это уже становилось традицией. Алевтина искренне не понимала, с чего это вдруг она удостоилась такого пристального внимания со стороны Крупельницкого.

— Доброе утро, Аркадий Семёнович, — поприветствовала его Островская.

Какого-либо ответа на её реплику не последовало.

Мужчина преградил ей дорогу и уставился на Алю, будто сегодня увидел её впервые. Его оценивающий взгляд прошёлся по женской фигуре с ног до головы, после чего Крупельницкий презрительно хмыкнул и, отвернувшись, бросил короткий приказ:

— Иди за мной.

Его тяжёлая поступь громким эхо отзывалась в голове у Алевтины.

Она прекрасно понимала: глупо спорить с человеком в таком состоянии — себе дороже, а уж тем более с непосредственным руководителем, поэтому с надеждой разобраться в происходящем девушка молча отправилась за Аркадием Семёновичем в его кабинет.

Ещё в пятницу вечером Крупельницкий был полностью доволен жизнью и с лёгкостью, которой могла бы позавидовать самая изящная бабочка, порхал по офису от кабинета к кабинету. Что же случилось с ним в выходные?!

Островской казалось, что, чем дальше они шли, тем больше росло его недовольство. Перед кабинетом мужчина отвесил ей шутовской поклон, и, довольно неудачно попытавшись изобразить дворецкого, с откровенной издёвкой распахнул дверь.

— Соблаговолите войти, светлейшая Алевтина Андреевна, — елевым голосом протянул Але пока ещё руководитель «Академии риелти».

Подобный тон не сулил ей ничего хорошего. Предстоящий разговор обещал стать долгим и малоприятным.

Аркадий Семёнович своими метаниями напоминал раненное дикое животное. Сначала он обошёл весь кабинет по периметру, потом наконец занял своё кресло, в упор уставившись на Алевтину. Девушка не знала точно, что ещё может прийти мужчине в голову, поэтому так и осталась стоять у двери, крепко сжимая в руках мобильный телефон. Але показалось, что она физически ощутила желание шефа пометить территорию. Во всех его действиях прослеживалось что-то личное. Прямо скажем, что царь зверей из Крупельницкого получился бы так себе, а вот гиппопотам мог бы выйти вполне ничего. Впрочем, сам о себе он никогда бы так не подумал.

— Молодец, Островская! Далеко пойдешь!.. Вот от кого, от кого, а от тебя я точно подобного не ожидал... — начал мужчина нарочито спокойным тоном.

— Аркадий Семёнович, я не понимаю в чём дело? — так же спокойно ответила ему Алевтина, хотя внутри её уже начинало трясти мелкой дрожью от происходящего вокруг безумия. Мало кто знает, чего ей стоила подобная выдержка, но в стрессовой ситуации, она почти всегда уходила в глухую оборону безэмоциональности. Волю переполняющим её чувствам можно будет дать потом, а здесь не время и не место.

— Нет, вы только на неё посмотрите. Не понимает она... Не прикидывайся овцой. С мной этот номер больше не пройдёт! Ты- волчица в овечьей шкуре, — как нельзя остановить

лавину в горах, так невозможно оказалось даже попытаться прервать полившийся из Крупельницкого непрекращающийся поток неясных обвинений вперемешку с отборным русским матом, который он совсем не по-джентельменски обрушил на стоящую перед ним девушку.

Але стало трудно дышать. Её как будто обухом по голове огрели. На несколько секунд ощущение, что всё повторяется снова, захлестнуло Островскую. Когда-то давно это уже было в её жизни: похожий кабинет, другой разъярённый руководитель, страшные несправедливые обвинения... Она справилась тогда, сможет справиться и сейчас. Нужно только выяснить, что заставило взрослого и, как Аля считала, адекватного человека устроить эту безобразную сцену. Она как ни старалась уловить суть происходящего, та и не смогла.

— Да, Островская, недооценил я тебя. Столько лет умело строила из себя недотрогу!.. Что дождалась трамвая? Хотя какой трамвай, ты на Порше замахнулась, — по капле продолжал сцезивать яд Аркадий Семёнович.

Для Алевтины его фразы всё больше походили на бред сумасшедшего: в их городе трамваев никогда не было, а провести аналогию с известной в народе фразой от шока девушка просто не смогла. На автомобиль же из немецкого Штутгарта, если бы даже захотела, Островская смогла бы заработать в лучшем случае лет через пять:

— Что? Какого трамвая?.. — несколько растерянно переспросила она.

— Немецкого! — рявкнул Крупельницкий и уже спокойнее продолжил сквозь зубы, вот-вот готовый снова сорваться на крик. — Ах, да. Ты же не такая!?. Думаешь, урвала принца? У него таких баб и без прицепа достаточно. Хотя на раз, может, и ты сгодишься.

С каждой минутой Алевтина всё меньше узнавала человека, который сидел перед ней в кресле руководителя. И хотя запаха алкоголя от Аркадия Семёновича она не ощущала, девушка подумала, что тот, должно быть, просто пьян. Пока никакого иного объяснения Островская не нашла.

— У кого? Каких таких? — тихо спросила Аля, всё ещё пытаясь достучаться до здравого смысла собеседника.

— Ты мне дуру-то из себя не строй. Ускачет скоро твой принц, а мы останемся где были. Я же к тебе всей душой: на работу тебя взял с младенцем, на больничные отпускал... А ты мне что в ответ!?

От услышанного у Островской буквально округлились глаза, до того абсурдными ей показались подобные претензии со стороны руководителя. На работу Алю взяли после стажировки на общих основаниях, и поначалу её график работы и оплата труда от остальных сотрудников ничем не отличались, а что до больничных... Слава Богу, её Сенька был довольно крепким ребёнком и болел крайне редко, но даже тогда она консультировала коллег по телефону и исправно вела всю документацию отдела из дома.

Ситуация всё меньше походила на урегулирование вопросов между работником и работодателем, Аркадий Семёнович переходил на личности и вообще вёл себя странно, словно был ревнивым отвергнутым поклонником.

Впервые Алевтина посмотрела на Крупельницкого другими глазами. До этого момента она никогда не воспринимала его как мужчину. Причины для этого у девушки было несколько: во-первых, он был женат, во-вторых был её руководителем, а служебные романы Аля не могла назвать удачным вариантом, а в-третьих, Аркадий Семёнович был не только старше её самой, но и её покойных родителей, и это ещё не считая его небезупречной репутации в отношении женщин. Только сейчас до неё дошло: оказывается всё то, что она

принимала за родительскую заботу и дружеское отношение, было продиктовано мужским интересом.

«О, ужас! Как же после такого здесь дальше работать?!.»

Крупельницкий вдохнул полной грудью и уже приготовился исторгнуть новый поток обвинений, когда в дверь постучали.

Иван не знал, как точно описать те чувства, которые переполняли его все выходные, а затем плавно перетекли на первое утро рабочей недели. Просто сказать, что сегодня он с большим удовольствием спешил в офис, было бы слишком прозаично. Последние несколько метров от парковки, где его высадил Геннадий, Ринберг не просто шёл или бежал, он уже практически летел, настойчиво подгоняемый приятным предвкушением новой встречи.

Обычно, чтобы размяться и разогнать кровь, мужчине достаточно было утренней пробежки, но сейчас ему по-прежнему хотелось двигаться, жизненная энергия буквально переполняла Ринберга. Дождаться лифта Иван не стал, быстро повернув в сторону лестницы. Ещё чуть-чуть и это станет привычкой.

Хотя он старался не афишировать свой визит в город, разведка у местного главы администрации работала даже слишком хорошо. К десяти утра Ринберг был приглашен на открытое заседание Комитета по архитектуре и строительству: по официально озвученной версии в качестве эксперта, а вот чего хотели ушлые провинциальные чинуши на самом деле, ему ещё только предстояло выяснить. В этом деликатном вопросе надежный помощник, знающий местную кухню, мужчине бы точно не повредил, так как Иван считал, что при любом раскладе тылы всегда должны быть прикрыты.

Конечно, с Марком, оставшимся в Москве мало кто мог бы сравниться, но особо богатого выбора у Ринберга здесь и так не было, тем более красивая женщина среди мужчин — отличный отвлекающий маневр, да и с профессиональной точки зрения Островская произвела на него гораздо лучшее впечатление, чем её так называемый руководитель Крупельницкий. Пожалуй, стоит серьёзно подумать об изменениях в рядах начальствующего состава агентства недвижимости: безусловно, успешное управление отделом и топ-менеджмент-разные вещи, но в масштабах «Академии риелти» вполне сопоставимые.

В делах Иван привык руководствоваться, прежде всего, трезвым расчетом, но бывший владелец агентства недвижимости вызывал у него какое-то интуитивное отторжение. Сегодня они договорились встретиться в семь тридцать, чтобы обсудить перспективы и сроки возможной модернизации работы компании, но с самого начала разговор не клеился: помятый Аркадий Семёнович то ли не мог, то ли не хотел полноценно отвечать на поставленные вопросы.

Изрядно устав от однообразных фраз в духе: «требуется запросить отчет, проконсультироваться с экспертом, провести мониторинг рынка» — Ринберг решил, прекратив бессмысленное общение, не мучить себя и собеседника. Выяснить всё необходимое можно и путём самостоятельного изучения документов: и пусть так будет дольше, но уж точно эффективнее.

— Аркадий Семёнович, не смею дольше задерживать, наверняка у вас много дел, — сказал Иван, стремясь поскорее избавиться от Крупельницкого.

— Да, да, — обрадовался тот, вышел из-за стола и поспешно направился к двери.

— Если вас не затруднит, попросите вашего секретаря пригласить ко мне Алевтину Андреевну, — добавил Ринберг уже практически в спину собеседнику.

Аркадий Семёнович остановился и медленно обернулся: множественная гамма эмоций отразилась на его лице, за секунду скатившись от недоверия к неприятию.

— Островскую?! Зачем!?! — резко вскинулся Крупельницкий, видимо забывшись, что

разговаривает не с подчинённым. Впервые за весь получасовой разговор в его взгляде проскользнула живая заинтересованность в происходящем.

— Необходимо её участие в решении одного деликатного вопроса, — и, хотя Ринберг был не обязан перед ним отчитываться, он решил понаблюдать за странной реакцией Аркадия Семёновича.

«Это так проявляется профессиональная ревность? Или между ними что-то есть?» — Ивану даже в мыслях не хотелось допускать самую возможность второго варианта.

Пока Ринберг размышлял над странностями в поведении собеседника, Крупельницкий скабрезно усмехнулся и ответил:

— Алевтина Андреевна — конечно, профессионал, но специализация у неё довольно узкая. Для деликатных дел у нас есть другие... сотрудники и не только они.

— Вы это о чём? — холодно поинтересовался Иван, отчитывать человека, который почти годился ему в отцы, не хотелось, но уж слишком двусмысленный тон был у бывшего владельца «Академии риелти». — Мне нужен ассистент для поездки в администрацию, а мой помощник остался в Москве. Вы многих знаете, кто подойдёт на эту роль?

— Хорошо. Я вас понял. Могу идти? — уже более спокойным тоном поинтересовался Аркадий Семёнович, но Ринбергу показалось, что себе под нос тот всё же добавил. — Администрация, как же...

— Не зря говорят, что рыба гниёт с головы. Нужно поторопить аудиторов с отчётом, — подумал Иван и занялся изучением текущей документации.

Рабочий день начался двадцать минут назад, а Алевтина Андреевна всё ещё не переступила порог его кабинета. В голову Ринбергу закралось нехорошее подозрение: либо Островская безбожно опаздывала, что впрочем было на неё не слишком похоже, либо кто-то позволил себе проигнорировать его просьбу. По внутренней связи он набрал Крупельницкого, и, когда тот не ответил, перевёл вызов на приемную.

— Аллооу, — наконец-то пропели в трубку грудным голосом после десятого гудка, когда он уже и не надеялся дожждаться ответа.

— Доброе утро, Ольга! Это Ринберг, — представился Иван больше для порядка, чем из вежливости. — Вы пригласили ко мне Островскую?

— Ооо...Я? Островскую? Зачем?.. — засыпала его вопросами Ольга.

— Ясно. Найдите мне её. Срочно! — произнес он медленно и четко, ибо надежда на сообразительность псевдоблондинки в нём уже давно угасла. — Ваш руководитель у себя?

— А мне не надо искать Островскую, я и так знаю, где она сейчас, — радостно сообщила ему девица. — У них с Аркадием Семёновичем производственная летучка.

Оставив последнюю фразу без ответа, Ринберг положил трубку и устался на телефон.

— Летучка у них значит... Ещё одна подобная выходка и кто-то быстро вылетит вон со своего тёпленького местечка.

Иван не привык, чтобы его распоряжения игнорировали, и уж точно привыкать не собирался. Однако прямо сейчас обезглавить «Академию риелти» из-за своей ущемлённой гордости, он тоже не мог. Однако Крупельницкий с идиотской настойчивостью упорно продолжал своими руками рыть себе глубокую яму.

— Ничего личного, это просто бизнес, — усмехнулся Ринберг, вспомнив известную фразу из «Крестного отца». Хотя, пожалуй, что-то личное в его отношении к бывшему владельцу агентства недвижимости всё же было. Он никому не позволит действовать у себя

за спиной, тем более мелкой сошке вроде Аркадия Семёновича. Не на того нарвался, он ему не друг, не сват и не брат.

Иван быстро добрался до кабинета Крупельницкого. Это не составило большого труда. Как ни странно в приёмной никого не оказалось. То ли шумоизоляция помещения была недостаточно хорошей, то ли разговор проходил на повышенных тонах, но из-за закрытой двери кабинета доносилась возмущенная мужская тирада. К сожалению, разобрать слова было довольно сложно, но всё то, что Иван смог услышать, мало походило на производственную планерку и подозрительно напоминало выяснение личных отношений.

Он быстро постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл.

По инерции Ринберг чуть не сбил с ног Алевтину Андреевну. Она стояла слишком близко к двери, будто хотела убежать отсюда как можно быстрее: ещё шаг, и девушка оказалась бы на пороге. Ивану хватило одного взгляда на её бледное как полотно лицо, чтобы понять: обычно собранная Островская растеряна и даже, возможно, испугана. Вместо невозмутимого бесполого профессионала, во время рабочей встречи равнодушно взирающего на мужчину, как ему показалось, даже немного свысока, сейчас Ринберг увидел перед собой, прежде всего, маленькую и незащищённую девочку, которую захотелось надёжно спрятать у себя за спиной и оградить от всех неприятностей.

Набывчившийся Аркадий Семёнович, вольготно развалившийся в кресле, до появления Ивана наоборот чувствовал себя прекрасно. Сейчас же он сразу заметно поник.

— Можно поинтересоваться, что здесь у вас происходит? — спросил Ринберг, глядя прямо на Крупельницкого. — Насколько я знаю, Алевтина Андреевна отвечает всего лишь за отдел продаж, а не за работу ядерного реактора, который вот-вот рванет. Что за срочная производственная необходимость позволила вам игнорировать мою просьбу?

— Да, да, конечно, за отдел продаж. Я как раз ввожу Алевтину Андреевну в курс вашего дела... — быстро нашёлся Аркадий Семёнович.

У Ивана сложилось впечатление, что ещё пара минут подобного инструктажа ввели бы Островскую в обморок, а не в курс дела.

— Я в состоянии самостоятельно предоставить сотруднику всю необходимую информацию. Впредь попрошу не забывать об этом, выполнять только то, что от вас требуется и не переиначивать на свой лад мои распоряжения, — в этот момент от его голоса веяло настоящим арктическим холодом.

Самоубийцей Крупельницкий не был, поэтому благоразумно решил отступить.

— Я только хотел сделать, как лучше...

— Как лучше, здесь определяю я, — резко прервал Ринберг ненужные оправдания и более мягко добавил, уже обращаясь к девушке. — Алевтина Андреевна, пойдёмте! Нехорошо заставлять людей ждать, тем более представителей городской администрации.

Сейчас главное позаботиться об Островской, а с Аркадием Семёновичем он ещё успеет разобраться. Иван осторожно взял Алю за плечи и развернул, подталкивая её к выходу.

— Что?.. — очнулась Алевтина, уже перешагивая через порог.

Лишь оказавшись на улице, Алевтина немного пришла в себя, настолько сильным был шок от общения с Аркадием Семёновичем.

До этого момента она послушной марионеткой молчаливо следовала за Ринбергом. Хорошо, что он занимался своими делами: шёл чуть впереди и ни о чём её не спрашивал, иначе бы она провалилась по землю от стыда. Мужчина успевал отдавать кому-то распоряжения по телефону и, не отвлекаясь, скупыми жестами направлять Алю к выходу.

Островская была ему безмерно благодарна за тактичность! Кто знает, куда мог привести этот дикий разговор с Крупельницким? Оставалось только догадываться, что из сказанного в кабинете мог услышать Иван Соломонович.

Да и что отвечать, если Ринберг всё же спросит, девушка не знала... У Али не было даже мало-мальски внятного объяснения недоразумению, произошедшему между ней и её, теперь уже можно в этом не сомневаться, бывшим руководителем.

В одну секунду Алевтина будто оказалась в кошмарном сне и всё никак не могла проснуться. Сейчас она совершенно не представляла, что будет делать дальше. Пока ясно было только одно: не смотря на все её прежние заслуги, Аркадий Семёнович на пару со своей разбушевавшейся большой фантазией не даст ей спокойной жизни.

Разве Аля могла противопоставить ему что-то разнозначное? Девушка, безусловно, хорошо разбиралась в многочисленных аспектах риелторского дела, но при всём своём профессионализме бывала порой резка в суждениях и излишне прямолинейна, что уже успела весьма недвусмысленно продемонстрировать новому владельцу агентства недвижимости, а теперь ещё и старый на неё ополчился. Уж кто-кто, а Крупельницкий всегда был учтив и любезен с людьми, имеющими по сравнению с ним более выгодное положение в жизни, хорошо умел подать себя в лучшем виде и под нужным соусом. Не зря же он, даже продав фирму, по-прежнему оставался её руководителем, пусть и номинально.

Островской всё казалось очевидным: даже если предположить саму вероятность выбора между ней и Аркадием Семёновичем, результат будет весьма предсказуем. Хорошо, что Аля накопила некоторую сумму, чтобы они с Сенькой могли жить какое-то то время, пока она будет искать новую работу. В крайнем случае, Жанна никогда не откажет подруге в помощи, так же как и Алевтина ей.

Тревожные мысли настолько поглотили девушку, что она не заметила, как они с Ринбергом дошли до уже знакомого тёмного внедорожника, припаркованного около центрального входа в здание.

Водитель собрался было выскочить им навстречу, вероятно чтобы открыть дверь для своих пассажиров, но Иван Соломонович одним жестом приказал тому оставаться на месте. Мужчина сам помог Островской забраться в автомобиль, после чего обошёл машину и устроился на заднем сиденье с другой стороны.

Она резко повернулась и нечаянно поймала на себе изучающий взгляд Ринберга. Чтобы не смотреть ему в глаза, Аля уставилась на экран телефона, предпочитая сделать вид, что увлечена просмотром электронной почты.

— Алевтина... Алевтина Андреевна... — осторожно позвал её Иван, обращая на себя внимание.

— Да, — выдохнула она. Пусть с трудом, но ей всё же удалось ответить спокойно.

— Кратко введу вас в курс нашего дела. К десяти нам нужно быть в администрации города на заседании Комитета по архитектуре и строительству. С вашей стороны ничего особо сложного не требуется. Мне нужны дополнительные глаза и уши до, после и во время этого мероприятия. Так как личный помощник со мной не приехал, сегодня вы побудете в этом качестве, если вас не затруднит.

После того как мужчина внёс некоторую ясность в происходящее и озвучил её роль в предстоящем визите, Островская окончательно собралась с мыслями и спросила:

— Что я должна делать?

Ринберг не стал торопиться с ответом, он посмотрел на часы, подумал несколько секунд, словно что-то подсчитывая, а затем сказал:

— У нас ещё есть чуть больше часа. Предлагаю продолжить обсуждение за чашкой хорошего кофе. Честно говоря, я сегодня не успел позавтракать. Выбор места оставляю за вами.

— А что если у нас несколько разнятся представления о подходящих местах? — выразила девушка свои весьма обоснованные сомнения на этот счёт.

Иван не привык сдаваться. Одной своей следующей фразой он отмёл все возможные возражения со стороны Алевтины:

— От мороженого в парке я не умер, так что готов снова рискнуть, доверив вам выбрать ресторан.

— Можно в «Европейский», он недалеко от администрации. За еду я поручиться не могу, но кофе там вполне приличный, — предложила Аля, видимо решив дальше не перечить голодному мужчине. Недаром же говорят, что война войной, а обед, в их случае завтрак, должен быть по расписанию

— Вот и отлично. Гена, ты слышал? Едем сначала в «Европейский», — сказал довольный Ринберг.

Практически весь остаток пути до ресторана пассажиры осторожно молчали. Алевтина смотрела на дорогу, Иван не переставал отвечать на звонки и выглядел полностью сосредоточенным на разговоре, но время от времени девушка ловила на себе его задумчивые взгляды.

Их совместный поздний завтрак прошёл на удивление мирно. Аля даже поймала себя на мысли, что не отказалась бы и дальше работать под началом такого руководителя, если бы не одно но...

С точки зрения Островской, когда они прибыли на место, приветствие со стороны представителей администрации вышло даже слишком радушным. Ринберг же был показательно спокоен и сдержан. Алевтина неотступной тенью двигалась за ним, и, пока он был рядом, относительно её присутствия и статуса никто даже не посмел заикнуться.

Но, когда позвонили из детского сада, чтобы поговорить, Але пришлось даже слишком далеко отойти от надёжной спины руководителя, как ни крути, но личные проблемы на людях Островская обсуждать не хотела.

Сам разговор с воспитателем не занял у девушки много времени, да и найти Ивана Соломоновича не составило особого труда: тот ждал её напротив входа в зал заседаний.

Алевтина так спешила к Ринбергу, что не заметила другого мужчину средних лет и довольно приятной наружности, устремившегося к ней от окна.

Чтобы точно остановить девушку, он даже не постеснялся поймать её за руку.

— Ой!..

— Тина!? Это и правда, ты?

В детском саду с минуты на минуту должен был начаться тихий час. Малыши, смеясь, безудержно щебетали, словно маленькие разноцветные птички. Весело переговариваясь между собой, дети дружно переодевались в пижамы, готовясь укладываться спать.

Среди всего этого шума и кутерьмы только один мальчик по-прежнему оставался стоять в углу, куда его сразу после обеда определила воспитательница Оксана Александровна Потехина.

Вообще-то Сенька очень любил ходить в детский сад: в группе у него было много друзей, с которыми они всегда интересно играли, но сегодня новая воспитательница не понравилась ему с первого взгляда, злая какая-то, чуть что, сразу кричит, когда другие взрослые не видят.

Вот Ольга Петровна хорошая: почти никогда не наказывает, рассказывает интересные сказочные истории про добро и зло, а ещё дискотеки устраивает, но она в отпуск ушла. Мама сказала, что летом все взрослые хотят отдохнуть, вот и Ольга Петровна поехала на море, а их пока объединили с другой группой, и ему теперь приходилось к новым воспитателям привыкать.

Сенька сердито посмотрел на Оксану Александровну снизу вверх, когда та подошла к нему поближе, чтобы в очередной раз повторить вопрос, который до этого задавала уже несколько раз.

— Ну, что, Арсений Островский, даю тебе последний шанс. Извиниться не надумал? — обратилась женщина к малышу.

Мальчик упрямо сжал губы и отрицательно замотал головой из стороны в сторону.

В ответ на это Потехина пожала плечами и, всем своим видом демонстрируя раздражение, укоризненно покачала головой.

— Тогда, как знаешь. Будешь стоять, пока не одумаешься. Ну и характер!.. И в кого только такой настырный уродился?! — продолжала разглагольствовать Оксана Александровна так, чтобы Арсений её прекрасно слышал.

Сеньке стало очень обидно от таких слов и окружающей его несправедливости. Малыш искренне верил, что настоящие мужчины не плачут, но как не крепился, не смог сдержать свои слёзы. Размазывая солёную влагу по щекам, мальчик тихонько шмыгал носом и просил про себя, чтобы поскорее наступил вечер, и мамочка уже пришла и забрала его отсюда, даже если она будет его очень сильно ругать.

Ради правды Арсений готов был вытерпеть хоть десять подобных наказаний, ведь он знал, что поступил правильно — девочек обижать нельзя. Ну и что, что его любимая мама уже большая, она ведь тоже девочка. Вообще Сенька много кого любил: например, своего серого мохнатого кота Лешека и крёстную тетю Жанну, которая часто приносила подарки и всегда его смешила, а ещё зачем-то просила называть её разными именами, но больше всех на свете мальчик, конечно же, любил свою маму.

Сколько он себя помнил, мамочка всегда была рядом, так они и жили вдвоём. Если бы кто-то спросил Сеньку про любовь к маме, он бы, не задумываясь, ответил, что любовь его выше неба и длиннее линии горизонта.

И что бы кто ни говорил, Арсений Островский твёрдо знал, что его мамочка самая лучшая, самая добрая, самая красивая.

Сегодня на утренней прогулке после завтрака Женька Иванов из новой группы подло толкнул его в спину, а когда Сенька упал, стал над ним смеяться:

— Слабак. Я так и знал! У него же папы нет. Наверное, сбежал от злой и страшной мамы.

Арсению ничего не оставалось делать: он поднялся с земли и двинул подлому обзывале по уху, чтобы тот скорее замолчал. После этого мальчишки сцепились, как молодые щенки, и, упав на землю, стали перекатываться по площадке, попеременно награждая друг друга тумаками.

В тот момент, когда Сенька с трудом, но подмял обидчика под себя, с противоположной стороны их уличной территории прибежала запыхавшаяся Оксана Александровна. Воспитательнице пришлось срочно оторваться от разговора по телефону и разнять ребят, но к этому времени они уже успели изрядно помять одежду и сбить коленки в кровь.

У женщины не было никакого желания с особой тщательностью разбираться в случившемся. Оксане Александровне достаточно было бросить всего один взгляд на мальчишек, чтобы определить для себя, что вроде бы всё и так ясно, поэтому Арсения и наказали за то, что он первый начал драку.

Стоя в углу, малыш точно знал, что любимая мамочка будет его ругать:

— И пусть, лишь бы только пришла поскорее.

За короткий срок этот город преподнёс Ринбергу столько сюрпризов, что с лихвой хватило бы на год вперёд, и, похоже, что это был совсем не предел. Иван Соломонович, сполна насладившийся прелестями проявления чужой некомпетентности, назойливости, а порой и просто неудачного стечения обстоятельств, думал, что готов ко всему. Знал бы он, как сильно ошибался.

Сегодняшняя поездка в администрацию рассматривалась им, как необходимое зло. Сулила она не только пряники, но могла повлечь за собой некоторые незапланированные финансовые вливания в местный бюджет для дальнейшего продвижения проектов его компании.

Иван давно предположил наличие двойного дна в действиях местной администрации и вполне резонно ожидал подвоха с этой стороны. Удивительно своевременное приглашение и радушный приём явно были неспроста.

Шанс убедиться в своей правоте представился ему довольно скоро. Интуиция его не подвела. Начиная с момента, когда они с Островской переступили порог здания администрации, местные чиновники с переменным успехом кружили вокруг него, будто стая оголодавших стервятников около сочного куса парного мяса.

Поначалу Алевтина Андреевна вполне удачно справлялась с отведенной ей ролью. Девушка разбавляла своим присутствием сугубо мужскую компанию и, непринужденно участвуя в общей беседе, отлично перетягивала часть внимания на себя.

Островская отошла, чтобы ответить на срочный телефонный звонок по личному вопросу. В это время к Ивану подошёл второй заместитель главы вместе с человеком, которого здесь никак не должно было быть. Общая сфера деятельности, если и обязывала их знать друг друга в лицо, то отнюдь не делала друзьями, слишком разными людьми они являлись.

Ещё совсем недавно Юрий Аристархович Шабарин мнил себя непримиримым соперником Ринберга, но после обвинений в промышленном шпионаже и громкого скандала, случившегося несколько лет назад во время участия обеих компаний в тендере на строительство элитного гостиничного комплекса, рабочие интересы мужчин почти никогда не пересекались. И вот сейчас они вновь оказались в одно время и в одном месте, что, в общем-то, не могло не настораживать и не сулило ничего хорошего.

Иван особо не следил за жизнью Шабарина, тот был ему не интересен ни как профессионал, ни как человек. Юрий Аристархович был лет на пять младше Ринберга и от того, наверное, наглее. Вечный прожигатель жизни, который на удивление удачно женился на дочери своего старшего партнера- вот, пожалуй, и всё, что помнил о нём лично Иван. Для людей их круга в этом не было ничего удивительного: деньги стремились к деньгам.

Мужчины довольно сдержанно поприветствовали друг друга и предпочли быстро разойтись по сторонам, как боксёры по разным углам ринга.

Когда обмен любезностями был завершен, до начала заседания комитета оставалось ещё несколько минут, Ринберг вместо того чтобы войти в зал и расположиться на почетном месте решил дождаться Островскую снаружи.

Пока очередной заместитель главы, имени которого он с первого раза не запомнил, пытался развлечь его светской беседой, краем глаза мужчина заметил довольно странную

картину.

Этот город снова преподнёс ему сюрприз.

Иван готов был предположить всё что угодно, кроме действия, которое разворачивалось у него на глазах.

Алевтина Андреевна Островская вернулась в зону ожидания. Она окинула взглядом присутствующих и довольно быстро нашла среди них Ринберга. Когда девушка уже направилась в его сторону, вслед за ней от окна бросился не кто иной, как Юрий Аристархович Шабарин. Для того чтобы остановить девушку, он схватил её за руку, развернул к себе и начал что-то торопливо говорить. Расслышать, о чём идёт речь, Ивану не удалось, расстояние до парочки было довольно значительным. Девушка стояла к нему спиной. Ринберг готов был дорого отдать за то, чтобы увидеть выражение её лица.

Алевтина пыталась, не привлекая к себе лишнего внимания, выдернуть свою руку из цепкой хватки Шабарина, но пока у неё это плохо получалось: Юрий Аристархович впился в неё, как клещ.

Проснувшийся в Иване инстинкт защитника побуждал незамедлительно вмешаться в ситуацию, а никогда и не дремавший инстинкт собственника требовал раз и навсегда устранить предполагаемого конкурента.

Извинившись перед собеседником, Ринберг сорвался с места и быстро преодолел расстояние до цели. Он встал за спиной у Островской и довольно резко обратился к Шабарину:

— А я смотрю, Юрий Аристархович, хватка-то у вас ого-го и не только деловая. В нашем деле нужно крепко держаться за ценные кадры, но лучше всё же за свои и не совсем буквально. В данном случае мне посчастливилось вас опередить, так что девушка уже занята.

Шабарин неприязненно уставился на него исподлобья, и, если бы взгляд мог убивать, то Иван Соломонович должен был бы тот час же на этом самом месте свалиться замертво.

— А вам, Ринберг, всё неймётся. У нас с девушкой приватный разговор, не для чужих ушей, — разом оставив прежнюю показную любезность, почти прошипел в ответ Юрий Аристархович.

— Вынужден вас разочаровать, господин Шабарин, но все приватные разговоры мои сотрудники ведут исключительно в свободное от работы время. А сейчас прошу нас извинить. Дела, — сказал Иван с улыбкой, слишком напоминающей дружелюбный волчий оскал, но, если наблюдать со стороны, для непосвященного зрителя, должно быть, их беседа выглядела вполне себе прилично.

Пока мужчины перебрасывались хлесткими фразами, словно дуэлянты, которые обменивались перчатками, Алевтина переводила настороженный взгляд с одного на другого и чувствовала себя так, будто оказалась между молотом и наковальней. В такой ситуации лучшее, что девушка могла сделать — промолчать.

Ринберг разделял мнение, что краткость — сестра таланта. Разговор завершился, едва начавшись, и уже через несколько секунд они быстрым шагом удалялись прочь от разъяренного Юрия Аристарховича.

Аля предпочла не оглядываться, она и так спиной чувствовала, что взгляд Шабарина неотрывно следует за ними. Да, иногда люди возвращаются в твою жизнь, когда ты их совсем не ждешь. Дело случая, который сегодня, уж точно, нельзя назвать счастливым.

Наконец все заняли свои места в зале заседаний, и, когда сбежать для Островской стало совершенно невозможно, Иван Соломонович немного отклонился в её сторону,

демонстративно ткнул ручкой в абсолютно белый лист бумаги, словно привлекая внимание к чему-то чрезвычайно важному, и едва слышно заметил:

— Какие интересные у вас знакомства, Алевтина Андреевна...

Аля обреченно вздохнула, ожидая продолжения. У девушки сложилось устойчивое впечатление, что её вновь назначили без вины виноватой. Как же она от этого устала, а ведь Островская почти поверила, что Ринберг может быть вполне нормальным человеком. Вон как бросился её защищать, хотя делать это был совсем не обязан. Из любой, даже самой сложной, ситуации Алевтина уже давно привыкла выпутываться сама, рассчитывать на чью-то помощь ей обычно не приходилось.

— У меня здесь полгорода знакомых. Вряд ли эти знакомства меня к чему-либо обязывают, а значат они и того меньше, — устало произнесла Островская.

Не похоже, что такой ответ устроил Ивана Соломоновича, и вкрадчивый шёпот вновь достиг её уха:

— Боюсь, сам факт того, что вы поддерживаете отношения с такими людьми, которые, по сути, являются нашими прямыми конкурентами, вынуждает меня обратить на вас более пристальное внимание. Во всех отношениях.

— Господи, и вы туда же?! — до предела устав от беспочвенных подозрений, не сдержалась Аля. — Едва ли случайная встреча впервые за долгое время может считаться поддержанием отношений. Мне прекрасно известны все принципы корпоративной этики, и я им чётко следовала до сегодняшнего дня, что и собираюсь делать впредь.

— Надеюсь, что это действительно так. Не хотелось бы потерять специалиста вашего уровня. Предлагаю сосредоточиться на повестке дня, остальное при необходимости обсудим позднее, — уже более спокойно подвёл итог их небольшому тет-а-тету Иван.

Сегодня на заседании Комитета по архитектуре и строительству среди прочих должен был рассматриваться и интересующий Ринберга вопрос проектирования и финансирования инженерных коммуникаций тепло и водоснабжения для новых районов города.

Через некоторое время у Ивана появились первые предположения о сфере интересов Юрия Шабарина в этом городе.

Два с половиной часа, пока шло заседание, для Алевтины пролетели незаметно. От неё не требовалось ничего сверхъестественного, но Островская всё равно волновалась: во-первых, в роли помощника руководителя девушка последний раз выступала лет десять назад, когда ещё училась в университете и подрабатывала секретарем-референтом в небольшой фирме, а во-вторых, сидящий рядом господин Ринберг изрядно перетягивал на себя её внимание.

О, нет, Иван Соломонович специально ничего для этого не делал, но наблюдать за ним Але было эстетически интересно: мужчина демонстрировал такой совершенный контроль над своими эмоциями и невозмутимость, что, увидев это, даже бывалые игроки в покер грызли бы локти от зависти. Вот у кого стоило бы поучиться.

Пока из-под опущенных ресниц девушка украдкой разглядывала Ринберга, расположившийся с противоположной стороны зала Шабарин, словно намертво приклеенный, не сводил с неё пристального взгляда.

Алевтина старательно игнорировала назойливое внимание мужчины, но её безразличие его только раздражало и подстёгивало нездоровый интерес — Юрий Аристархович и не думал останавливаться. Кто знает, сколько ещё могло бы продолжаться это форменное безобразие, если бы Иван Соломонович не сдвинул массивное кресло, чтобы за своей спиной скрыть девушку от большинства присутствующих. После чего он расслабленно откинулся на спинку, и, приподняв бровь, выразительно посмотрел на Юрия.

— Какой у вас настойчивый поклонник, Алевтина Андреевна. Ещё немного и он рискует заработать косоглазие, — повернувшись в её сторону, тихо заметил Ринберг.

— Знаете, как бывает, Иван Соломонович... — грустно улыбнулась в ответ Островская. — Кажется, Раневская говорила, что поклонников миллион, а в аптеку сходить некому. Вот так и у меня.

Мужчина предпочёл промолчать, но всё же уголок его рта едва заметно дрогнул в ответной усмешке, возможно, он сказал бы что-то ещё, но в этот момент заседание плавно подошло к обсуждению наиболее интересного для них вопроса.

Как женщина Алевтина была бесконечно далека от проектирования и размещения коммуникаций, но как специалист, имеющий отношение к рынку недвижимости, она в полной мере поняла интерес Ринберга к данной теме.

Участие в программе финансирования значительно удешевляло стоимость проекта и в разы увеличивало прибыль компании, так как позволяло снизить затраты на проведение коммуникаций в район строительства их нового жилищного комплекса.

Островская старалась четко следовать указаниям Ивана Соломоновича, а потому наблюдала и записывала не только основные тезисы по ходу обсуждения, но и тех, кто поддерживал или оспаривал мнения докладчиков.

Сам Ринберг, время от времени делая пометки в своём планшете, занял выжидательную позицию: он предпочёл не принимать активного участия в дебатах местных представителей и по возможности отмалчивался, кроме случаев, когда обращались к нему напрямую.

— Иван Соломонович, какой вариант вы бы посоветовали? — спросил его глава, а следом продолжил. — Вот Юрий Аристархович уже озвучил нам основные спорные моменты проекта...

Ответ Ивана не заставил себя долго ждать: он был безупречно вежлив и настолько же прохладен.

— К сожалению, у сотрудников нашей компании, ответственных за разработку подобного рода проектов, ещё не было возможности полноценно ознакомиться с данными, а потому мотивированное суждение профильных специалистов холдинга может быть получено только после их представления. Тогда уже можно начинать предметный разговор. В данном случае мои личные симпатии и предпочтения роли не играют.

Всего несколькими фразами Ринберг надолго отбил у окружающих желание обращаться к нему с подобного рода вопросами.

К слову в ходе заседания Шабарин также молчал. В самом начале он был представлен присутствующим громко, но туманно, в качестве руководителя подрядной организации, специализирующейся в сфере проведения инженерно-строительных работ. После слов Ивана Соломоновича его покорило так сильно, что на приятном лице мгновенно появилась неприязненная гримаса.

Чтобы не обсуждалось сегодня, во всей ситуации для Алевтины было очевидно одно: каждая из сторон хотела средств вложить как можно меньше, а выгоду получить в разы больше. И, как это не было бы удивительно, к чести Ринберга он один из немногих практиковал взвешенный и рациональный подход, чем невольно вызывал у неё чувство глубокого уважения.

Наконец объявили о завершении заседания комитета, и Аля вздохнула с облегчением. Она хотела успеть в детский сад до начала тихого часа. Придётся разобраться, что случилось, ведь спонтанная агрессия и, как следствие, драка совершенно не были свойственны её мальчику.

Но, как бы ей не хотелось поскорее добраться до Сеньки, предстояло ещё объяснить руководству причину своего отсутствия на рабочем месте. На пути к сыну осталось уладить лишь один вопрос- у кого же отпрашиваться.

После утреннего инцидента для разговора с Крупельницким у Али не хватило бы ни сил, ни желания, не говоря уж о том, чтобы просить его о чём-либо. Обратиться со своей личной просьбой к Ринбергу было немногим легче, но ради Сеньки она готова переступить через себя.

Улучив подходящий момент, когда в непосредственной близости от них никого не наблюдалось, Островская к нему и обратилась:

— Иван Соломонович, может это не совсем уместно, но мне нужно отлучиться на некоторое время.

После её слов мужчина заметно напрягся, посмотрел на девушку сверху вниз и с вполне определенной долей подозрения тихо спросил, но так, чтобы точно было слышно только ей одной:

— У вас что-то случилось, Алевтина Андреевна?

— Да! То есть, нет... Это личное. В общем, я точно не знаю. Меня вызывают в детский сад, якобы сын устроил драку. Воспитатель просила не задерживаться и подъехать как можно быстрее, — собравшись с духом, выпалила она одним махом.

Подобного ответа её руководитель явно не ожидал, крайняя степень удивления отразилась на его лице.

— Ваш Арсений?! Конечно, идите, — сказал Ринберг и, когда Аля уже собралась было уходить, добавил. — Хотя подождите. Подвезём вас по пути в офис.

— Спасибо. Здесь совсем не далеко. Я могу добраться сама, — искренне поблагодарила Островская.

— Так будет значительно быстрее. Пойдемте, самостоятельная вы наша, нечего время терять. Я сказал- подвезём, значит подвезём, и не спорьте.

— А как же ваш обед с главой? — в силу своего характера Аля не могла уступить сразу.

— Переживут. И пусть будут благодарны, что легко отделались. Мне есть над чем крепко подумать после сегодняшнего заседания, поэтому я пока обойдусь как-нибудь без казённых харчей: сэкономлю дорогому хозяину бюджет, — ответил Иван Соломонович.

В его голосе Алевтине послышалась лёгкая нотка пренебрежения, но, посчитав тему закрытой, Ринберг вполне искренне улыбнулся и, кажется, даже стал от этого немного моложе.

Юрий Аристархович всей душой ненавидел провинциальные городишки, а вместе с ними и всех этих людишек, что ютились в однотипных бетонных коробках. Его фирма, не особо заморачиваясь, строила такие пачками по типовым проектам, а людишки после покупки радовались так, будто выиграла джекпот в лотерее. Смешные и жалкие. К слову, провинциальными он давно считал все города России, кроме Москвы и Питера, ведь в них не было столичного размаха и широты возможностей.

Казалось, это чувство было впитано Шабариным вместе с молоком матери. Да, его драгоценная маман была родом из вот такого же захолустного городка, как этот, что совсем не помешало ей, удачно выйдя замуж, всегда держаться в обществе с высокомерием и надменностью, которым могли бы позавидовать представители лучших аристократических фамилий Лондона и Парижа. О своём истинном происхождении вспоминать она не любила, что не мешало ей время от времени к обоюдной выгоде поддерживать отношения с некоторыми бедными родственниками.

В детстве, чтобы маленький Юра не путался у неё под ногами, мадам Шабарина довольно часто отправляла его к себе на родину погостить у дальних родственников Масловых, и это «погостить» иногда растягивалось на недели.

Отец был вечно занят и до определенного возраста мало интересовался собственным отпрыском, то ли дело сейчас, хотя по-настоящему близки они так и не стали.

Но всё это дела давно минувших дней, а в настоящий момент мужчину больше волновало совсем другое. Его последнее дело грозило обернуться провалом.

Вряд ли видный столичный бизнесмен, совладелец далеко не маленькой фирмы в сфере строительства Юрий Аристархович Шабарин мог себе представить, что когда-нибудь, как отъявленный школьный хулиган, станет курить в форточку в кабинете второго заместителя главы этого провинциального городишки. Благо ещё тот приходился ему то ли троюродным племянником, то ли четвеюродным братом по матери, если честно факт точности их биологического родства мало волновал Шабарина, гораздо более перспективным было их пересечение по деловым вопросам. Они уже работали вместе, но в этот раз совсем некстати на горизонте замаячил Ваня Ринберг собственной персоной со своим «РиелтИнвестСтроем». Такие конкуренты ему не нужны ни в бизнесе, ни в личной жизни.

Несколько минут назад он был вынужден наблюдать в это самое окно, как довольный Ринберг ведёт Тину под руку до машины и сам лично галантно открывает для неё дверь.

— Везучий мерзавец! — нервно усмехнулся Юрий Аристархович и выдохнул в окно очередное колечко дыма. — Надо же. Ещё и Тинка-Алевтинка как-то оказалась около него. Прямо ирония судьбы.

Но надолго остаться в одиночестве и осмыслить происходящее ему не удалось, в кабинет шумно ввалился его полноправный хозяин Сергей Николаевич Маслов. Он остановился у двери, принюхался и разогнал у себя перед лицом сигаретный дым.

— Юра, ты что, совсем сдурил? Ещё мне только пожарной тревоги не хватало. Мне такие развлечения не нужны, — возмущенно прошипел Шабарину родственник.

— Не кипятись ты. Я уже всё, — примирительно ответил Юрий Аристархович, потушил сигарету и закрыл окно.

— Я вот никак не пойму, что с тобой сегодня происходит? А? — продолжил Маслов,

плавно перемещаясь ближе к бару. — Ты зачем девку Ринберга за руки хватал? А потом ещё пиялился на неё всё заседание комитета.

В ответ на слова Сергея Шабарин быстро изобразил пренебрежительную гримасу на своём, в общем-то, приятном лице.

— С чего ты решил, что такая женщина может быть пассией Ринберга?

— А что нет? Это он просто так, для красоты, её с собой притащил и чуть в морду тебе не дал, когда ты её за белые рученьки сцапал, — сказал Маслов и гаденько засмеялся. — Ну, какая такая? Знаем мы таких, чуть мужика с баблом увидели и всё растаяли: любовь, морковь и помидоры. Но ты-то чего к ней полез? Сдалась она тебе. Что в городе баб мало? И покрасивее есть, и помоложе. Хочешь, мы тебе у Тохи любую из клуба выпишем? Можно даже, как в былые времена в ВИА Гре, блондинку, брюнетку и рыжую. А?

Юрий Аристархович отрицательно покачал головой.

— Поговорить хотел.

— Ну, ты даешь. Поговорить он хотел. А почему именно с ней? — удивился собеседник.

— Да, знаю я её. Давно не видел, пообщаться хотел, — нехотя признался Шабарин своему родственнику.

— Вот это номер... — удивился Сергей Николаевич, затем замолчал, пододвинул к себе бутылку коньяка, символически разлил по бокалам и протянул московскому гостю.

— Плесни ещё, — угрюмо сказал тот.

— Юр, хорош! Какой ещё? Куда? Обед же только, — ответил Маслов, отодвигая бутылку подальше, а через секунду на него будто нашло озарение, и он добавил. — Так насколько хорошо ты знаком с этой Алевтиной Андреевной?..

Детский сад, построенный ещё в советские времена, располагался рядом с домом Алевтины в обычном спальном районе, где из всех достопримечательностей можно было выделить разве что элитную по меркам их города кирпичную высотку в двадцать пять этажей, построенную здесь, наверное, по случайности.

Молчаливый здоровяк Геннадий аккуратно домчал до места назначения за считанные минуты, умудрившись при этом удивительно благополучно миновать обеденные пробки в центре.

Аля решила дальше не злоупотреблять благосклонностью руководителя, и, пока водитель ловко лавировал в потоке машин, не зная, чем ещё себя занять, тихо сидела на месте и то и дело поглядывала по сторонам, но ничего нового она там не увидела: мимо проносились дома, витрины магазинов...

Островской было неудобно задерживать занятого человека и напрасно тратить его бесценное время. У Ринберга и без её проблем дел предостаточно. Как только внедорожник притормозил перед входом на территорию образовательного учреждения, не дожидаясь, пока машина полноценно припаркуется, Алевтина быстро открыла дверь и выбралась наружу, чтобы избежать вполне вероятных проявлений мужской галантности. Сегодня он и так небывало вырос в её глазах: невероятно, но спустя столько лет что-то человеческое всё ещё оставалось в этой акуле бизнеса.

— Ещё раз спасибо, Иван Соломонович. Дальше я сама. Обещаю отработать время своего отсутствия в максимально короткие сроки, — сказала Аля и, мягко захлопнув дверь, поспешила уйти.

По лицу Ринберга было заметно: он крайне недоволен таким проявлением девичьей самостоятельности, но шанса поспорить у мужчины не было: стуча каблучками по асфальту, Островская уносилась прочь так стремительно, будто за ней гнались все демоны ада.

— Что за женщина?! — не переставал удивляться Иван.

— Красивая, — мечтательно заметил Гена с водительского сиденья. — Жаль только, что такая серьёзная.

— Геннадий! — довольно резко прервал его размышления Ринберг, не позволив фантазии парня разыграться в полную силу.

— А что, Иван Соломонович? Это я так вообще заметил. Красивая же баба — натуральная! — беззлобно ответил парень, глядя на шефа в зеркало заднего вида. — Куда едем? В офис?

Но Ринберг молчал, задумчиво глядя вглубь территории детского сада на скрытое за зеленеющими деревьями здание.

— Иван Соломонович, так я не понял, куда дальше? — напомнил о себе Гена

Иван снова ничего не ответил, но перевел взгляд на часы и отрицательно покачал головой.

До начала тихого часа оставалось минут десять, не больше. Чтобы успеть, Алевтина почти бежала к центральному входу по узким дорожкам мимо опустевших детских площадок. Каждый шаг приближал её к заветной цели. Три последние ступеньки крыльца Островская преодолела за секунду.

Наспех поздоровавшись с вахтёром, она, петляя по коридорам и лестницам, направилась в группу к Сеньке, которая была расположена на втором этаже. Ещё поднимаясь по ступеням, Островская слышала женский голос: преувеличенно важным, почти менторским тоном воспитатель отчитывал кого-то.

Алевтина осторожно приоткрыла дверь и заглянула в группу. Картина, представшая перед глазами девушки, заставила её сердце болезненно сжаться. Размазывая текущие по щекам слёзы, в дальнем углу комнаты стоял и тихо всхлипывал её сынок, её любимый малыш.

Стоило мальчику увидеть Алю, как он мгновенно сорвался с места и с криком бросился ей на встречу.

— Мама, мамочка, ты пришла. Прости меня, мамочка, — сбивчиво повторял Сенька.

Алевтина, нимало не заботясь о своём наряде, опустилась перед Арсением на колени и крепко-крепко обняла сына.

— Ну, что ты, малыш? Не плачь! Я пришла, всё хорошо, — Аля старалась успокоить Сеньку, хотя вставший в горле ком порядком мешал говорить спокойно.

Малыш уткнулся ей в плечо и зарыдал ещё горше.

— Островский, где ты, неслух? Кто разрешил тебе выйти из угла? Я тебя спрашиваю. Что за ребёнок такой? — вдруг громыхнуло откуда-то со стороны, и из спальной комнаты показалась крайне недовольная воспитательница, но стоило ей увидеть Алю, как она резко замолчала.

Алевтина, не сводя сердитого взгляда с женщины, всё ещё носящей гордое звание воспитателя, погладила Арсения по голове и тихо сказала ему на ухо:

— Сеня, иди, подожди меня в раздевалке. Пока переодевайся. Я скоро приду, и мы пойдём домой.

Островская медленно встала с пола и выпрямилась во весь рост. Девушка проводила сына взглядом, подождала, пока мальчик закроет дверь, и уже тогда полностью переключила своё внимание на воспитателя.

Алевтина не считала себя конфликтным человеком, но оставить без внимания подобный беспредел в отношении сына и позволить дальше уродовать психику ребёнку она просто не могла.

— Нет, это я, Оксана Александровна, хочу спросить, кто научил вас, так обращаться с детьми? Что за прогрессивные методики воспитания вы здесь с таким рвением демонстрируете?

Оксана Александровна была дамой хоть и молодой: в прошлом месяце ей исполнилось двадцать семь, — но уже довольно дородной. Стоя напротив разъярённой Островской, она молча поджимала губы. С каждым словом Алевтины её лицо и шея всё больше покрывались некрасивыми красными пятнами.

— Помнится, ещё несколько минут назад вы были в разы разговорчивее, чем сейчас. Или вы оттачиваете своё красноречие исключительно на беззащитных воспитанниках?

— Алевтина Андреевна, уверяю вас, вы неправильно поняли всю ситуацию. Давайте поговорим, — сказала воспитатель в надежде заговорить Алю.

— Безусловно, мы с вами обстоятельно поговорим, но только в присутствии руководителя этого образцово-показательного образовательного учреждения, — отрезала Островская, безжалостно отменяя все неуклюжие попытки объясниться со стороны Оксаны Александровны.

— Зачем же сразу привлекать руководителя? — окончательно подрастеряла свой боевой настрой сотрудница детского сада, видимо, перспектива жалобы изрядно остудила её пыл. — Я уверена, мы можем сами решить все вопросы.

— Зато я в этом совсем не уверена. Жду пять минут у кабинета заведующего, потом захожу одна, — Алевтина развернулась и вышла из группы, не дожидаясь ответа.

При всём её видимом спокойствии каждый шаг давался Але с большим трудом. Ярость клокотала внутри и вот-вот грозила вырваться наружу. Нет, она никогда не была фанатичной матерью, слепо верящей в непогрешимость собственного чада, но Островская патологически не выносила несправедливости, не говоря уже о жестокости, по отношению к детям. Кроме того, девушка была абсолютно уверена, что то, что она услышала сегодня в адрес Сеньки вполне можно рассматривать как проявление прямой агрессии, и, скорее всего, это был далеко не единственный случай, и оскорбления щедро сыпались, в том числе и в адрес других детей.

Сенька наотрез отказался оставаться в группе. Немного успокоившись, пока мама разговаривала с воспитателем, он так и сидел на лавочке в раздевалке, сжимая в руках свою одежду. Але пришлось взять его с собой и посадить на стул прямо перед кабинетом заведующего детским садом. Не лучший вариант, но всё же.

— Малыш, нужно вести себя очень тихо, ты же знаешь, что остальные дети спят. Сейчас мама выяснит ещё один вопрос вот в этом кабинете, и мы пойдём. Хорошо? — мягко сказала Алевтина сыну и посмотрела на часы, пять минут, данные Оксане Александровне, почти истекли. И хотя расстояние от группы было ничтожно малым, чтобы не уложиться в отведенное Островской время, дородная воспитательница появляться совсем не спешила.

— Да, мам, я всё понял, — едва слышно отозвался Сенька, напряженно стиснув её ладонь двумя руками.

Когда Алевтина уже решила, что беседовать с заведующим ей придется одной, на лестнице показалась Оксана Александровна. Она нехотя семенила в их сторону.

При её приближении мальчик опустил глаза и постарался спрятаться за маму, что ещё больше вывело Алю из себя. Психологические проблемы её ребёнку были абсолютно не нужны.

Несмотря на обеденное время, руководитель детского сада очень кстати оказался на

месте. Галина Викторовна Деточкина, бессменно возглавлявшая учреждение вот уже второй десяток лет, мирно пила чай и наслаждалась тишиной, когда в дверь постучали. Прерывать трапезу она категорически не любила, но положение обязывало ответить.

— Да-да, войдите! — громко пригласила она нежданных посетителей.

— Добрый день, Галина Викторовна, — поздоровалась Алевтина. — Извините, что отвлекаю. Можно занять несколько минут вашего времени?

— Алевтина Андреевна!? Проходите. Что привело вас ко мне? — с удивлением поинтересовалась Деточкина. Девушку она узнала сразу. Островская пару лет назад, когда они решили разъехаться с сыном, помогла Галине Викторовне выгодно разменять квартиру так, что ещё и средства на ремонт остались.

Следом за Алевтиной, осторожно переступая через порог, в кабинет вошла Потехина, затравленно поглядывая на родительницу. Это было странно, по расчетам Деточкиной Арсений Островский ходил в группу к другому воспитателю. Хотя летом за всеми уследить невозможно.

— К сожалению, без вашей помощи, Галина Викторовна, нам не обойтись...

Тем временем Иван Соломонович Ринберг быстрым шагом шёл по огороженной территории детского сада, с интересом оглядываясь по сторонам. Всё вокруг было маленькое: лавочки, столики, лесенки, грибочки, игрушки, забытые в песочнице. Он словно перенесся в прошлое, на много лет назад: когда-то давно родители водили маленького Ваню почти в такой же детский сад.

Умом мужчина понимал, что для Алевтины его порыв может выглядеть не совсем уместно, ведь получалось, что он вмешивался не в своё дело и, с изяществом слона в посудной лавке, бесцеремонно пытался влезть в чужую семью. А то, что мать и сын Островские именно семья, совместная прогулка в зоопарке не оставила у Ивана ни малейших сомнений.

В то же время какое-то иррациональное чувство сопричастности к происходящему настойчиво гнало Ринберга вперед.

При входе его остановила бдительная тётушка вахтёр, буквально грудью преградив ему путь:

— А я вас здесь раньше не видела. Мужчина, вы к кому пришли? В какую группу?

Иван даже немного опешил от её напора.

— А где я могу найти Арсения Островского?

— Ааа, так бы сразу и сказал. Ещё один проснулся, скоро в школу идти, а он первый раз в детский сад за ребёнком явился, папаша, — с неприкрытым удовольствием отчитала она мужчину, прежде чем ответить ему по существу вопроса. — Проходите по коридору до лестницы и наверх.

Иван предпочел промолчать, он кивком поблагодарил пожилую женщину и двинулся в указанном направлении.

Сеньку мужчина увидел сразу, тот понуро сидел под дверью какого-то кабинета, смотрел на пол и болтал ногами. Алевтины нигде не было видно.

Ринберг подошёл к мальчику, сел рядом и просто сказал первое, что пришло ему в голову:

— Привет!

— Здравствуйте, Иван! А что вы здесь делаете? — удивился мальш, и было видно, что

обрадовался.

— А ты? — не сразу сориентировался мужчина и потому ответил вопросом на вопрос.

Арсений тяжело вздохнул, обреченно покосился на дверь, затем придвинулся к Ринбергу поближе и доверительно прошептал:

— Я маму жду. Она там...

— И я жду твою маму.

— Давайте ждать вместе.

Алевтина будто оказалась в эпицентре бушующего урагана: с каждой сказанной фразой неприязнь между ней и воспитателем нарастала с небывалой скоростью и вот-вот грозила перейти в умопомрачительный скандал. Даже Галина Викторовна, повидавшая на своём веку немало различных конфликтных ситуаций, была откровенно удивлена тем, как вела себя её подчинённая.

— Оксана Александровна, помолчите. Вы и так уже сказали и сделали достаточно, — осадила Деточкина зарвавшегося воспитателя.

Но та видимо решила идти ва-банк: всем известно, что лучшая защита — это нападение.

— Да ваш золотой мальчик ни за что, ни про что со звериной жестокостью избивал другого ребёнка. Столько в нём злобы и агрессии! Таких на учёт в ПДН ставить надо, а не просто в угол, жаль, только возраст не позволяет. Мало ли какая у него наследственность?! Сначала родят непонятно от кого, а потом все им виноваты: воспитатели, детский сад... — казалось, что останавливаться Потехина ещё долго не собирается, но ледяная маска спокойствия, застывшая на лице Островской, всё же заставила Оксану Александровну замолчать.

В кабинете повисла напряженная тишина.

Много лет проработав в продажах, Аля не раз сталкивалась с откровенным хамством, но подобное было слишком, даже для её закалённого характера.

— Понимаю, вы как и большинство, считаете воспитанность слабостью, но опускаться до вашего уровня я всё же не стану... — ровным тоном, в котором, тем не менее, явно были слышны металлические нотки, произнесла девушка.

Алевтина хотела продолжить, но договорить ей не удалось. За спиной у неё распахнулась тяжелая дверь, и в кабинет вошёл тот, кого она меньше всего ожидала увидеть.

Ринберг вел себя так, будто посещение кабинета заведующего детским садом для него столь же естественное занятие, как умываться или чистить зубы по утрам. Мужчина прошёл немного вперёд и занял свободный стул справа от Островской, теперь они напоминали дружную семейную пару.

— Добрый день! Надеюсь, я вам не помешал. Хотелось бы присоединиться к этой занимательной дискуссии, — сказал Иван Соломонович изумлённо уставившимся на него представителям детского сада. Таких импозантных мужчин прежде они не встречали.

Оксана Александровна даже довольно мило улыбнулась, став вдруг неожиданно приветливой. Галина Викторовна, хоть и позволила себе несколько секунд неприкрыто рассматривать Ринберга, отнеслась к его появлению более настороженно, но быстро взяла себя в руки и на правах хозяйки спросила:

— А вы, простите, кто?

— Я?! — недобро улыбнулся мужчина. — Я по версии вашего работника счастливый обладатель той самой дурной наследственности.

— Иван, я могу сама...,- совсем тихо обратилась к нему Алевтина и робко дотронулась до его руки под столом.

Ринберг отрицательно качнул головой и, стараясь ободрить девушку, мягко сжал её ладонь в своей.

— Не знал, что теперь в детских садах работают генетики, которые с профессиональной

точки зрения могут судить о чужой наследственности.

— Я только... — хотела оправдаться Потехина, но Иван довольно тактично её перебил.

— Мы уже слышали от вас достаточно. Обсудить чужую личную жизнь вы сможете у себя дома на кухне: вдоль и поперёк. А пока вы только не справляетесь со своими должностными обязанностями и больше ничего. Или это так в Министерстве образования рекомендуют с родителями воспитанников разговаривать?

При упоминании министерства Галина Викторовна Деточкина встrepенулась, как пугливая птица, и чуть было не смахнула со стола сиротливо стоящий на краю остывающий чай. Ещё только официальной жалобы им не хватало! Выгнать её, конечно, не за что, но при выяснении того, что случилось, Деточкиной могли изрядно потрепать нервы, а своё спокойствие она привыкла тщательно оберегать, но безмозглая Потехина разошлась не на шутку и вместо извинений уже наговорила родителям мальчика много лишнего, совсем язык у человека без костей.

К слову, неизвестный мужчина, по-хозяйски расположившийся в её кабинете, пусть и был предельно вежлив, абсолютно не понравился Галине Викторовне. Она интуитивно чувствовала: в пищевой цепи этот хищник стоял гораздо выше, чем она сама, разом проглотит их всех с потрохами и не заметит. Как руководителю ей нужно было срочно решить вопрос с Островскими, чтобы спровадить его со своей территории и желательно никогда больше не видеть.

— Понимаю, ситуация совсем не простая, но давайте оставим эмоции и поговорим спокойно, — миролюбиво предложила Деточкина. — Хотя мы находимся на территории детского сада, но люди-то мы все с вами взрослые.

Ринберг сначала посмотрел на Алевтину, а уже после её молчаливого одобрения кивнул, подтверждая их согласие вести конструктивный диалог.

Нахмурившаяся словно грозовая туча Оксана Александровна хотела было что-то сказать, но Галина Викторовна не зря столько лет была руководителем, она волком посмотрела на воспитателя исподлобья, одним только взглядом обещая женщине скорую расправу. Таких врагов как этот новоявленный папаша Деточкина уж точно заводить не собиралась. В том, что перед ней сидит именно отец Арсения Островского она ни на секунду не усомнилась. А, иначе, зачем ему вообще было вмешиваться? Какой всё-таки непростой тип.

— Я вам абсолютно спокойно говорю, что со стороны детского сада, заведующим которого вы являетесь, происходит вопиющее нарушение договорных отношений с Алевтиной Андреевной Островской. Сотрудник оказывает услуги ненадлежащего качества. Мало того, что воспитатель не пресек конфликт между детьми, так ещё не смог или не захотел разобраться в происшествии, своим несоизмеримым наказанием создав для ребенка психологически некомфортную среду, — методично излагал свои доводы Иван.

— Давайте-давайте, валите теперь всё на меня. Интересно, как же вы драку оправдать сумеете? — вставила свои пять копеек Потехина, возмущенно обмахиваясь тетрадным листком.

Обстановка в кабинете снова накалялась.

— Я не оправдываю подобный способ выяснения отношений, но следует учитывать, что любой ребёнок болезненно реагирует на негативные высказывания о своих родителях. Уверен, при надлежащем педагогическом воздействии на детей потасовки можно было избежать, если бы они как минимум находились под соответствующим наблюдением педагога, а как максимум были заняты должным образом, а не оставались

предоставленными сами себе. Надеюсь, мы поняли друг друга, а иначе... Не советую вам ещё раз привлекать к себе моё внимание, — закончил свою речь Ринберг и многозначительно посмотрел на Галину Викторовну, не удостоив воспитателя даже мимолётным взглядом.

— Не смею больше задерживать вас и Алевтину Андреевну. Я посмотрю, что можно сделать. Возможно, завтра мы переведём Арсения в другую группу. Со своей стороны я приму самые строгие меры, — немного заискивающе пообещала руководитель детского сада.

Ей оставалось ещё два года до пенсии, испытывать судьбу и проверять серьёзность предупреждения Ивана заслуженная труженица педагогического фронта не стала.

Летние сумерки неумолимо вступали в свои права, легко опускаясь на землю. Во дворе зажглись первые вечерние фонари. Веселящаяся же детвора и не думала расходиться по домам. Шумные стайки ребят перетекали с места на место. Они несчитанное количество раз перемещались от детского городка к горкам и обратно. Бдительные мамочки и заботливые бабушки предпочитали располагаться на лавочках вдоль подъездов, но волей-неволей тоже сбивались в компании по интересам.

Жизнь вокруг Али неспешно шла своим чередом.

Сегодняшний день принёс ей чересчур много неоднозначных событий, от которых голова буквально шла кругом. Для неё стало жизненно необходимо — проветриться на свежем воздухе. На прогулке Алевтине всегда удавалось хорошенько подумать и привести в порядок мысли, которые, вот также как сейчас, порой навязчиво роились у неё в голове: Ринберг, Крупельницкий, а теперь ещё и Шабарин практически загнали её в угол. Пока ни одной по-настоящему стоящей идеи, как выпутаться из сложившейся ситуации, у неё не было.

Пока Сенька играл со своими дворовыми друзьями, его мама разговаривала с крёстной по телефону, сидя на больших зелёных качелях, по внешнему виду очень напоминающих садовые. Их совсем недавно установили во дворе многоподъездного дома в самом дальнем углу детской площадки, надёжно скрытом деревьями от посторонних глаз. Островская любила это место: далеко от подъезда, но зато обзор отсюда, наоборот, был отличный. Стараясь надолго не терять сына из вида, она продолжала неспешно раскачиваться назад-вперёд, попеременно сгибая и разгибая ноги и едва касаясь кроссовками земли, при этом успевая отвечать на нескончаемый поток вопросов со стороны Евы, которая всё никак не хотела оставить её в покое.

— А что было дальше?

— А что дальше?! Да не было никакого дальше. До конца рабочего дня отпустил, до дома нас довез и уехал по своим делам, — уже совсем нехотя ответила Аля, ведь допрос с пристрастием становился уж очень подробным и, положа руку на сердце, начинал её немного утомлять.

— Вот это я понимаю — мужчина! И что, просто вот так взял и уехал? — не унималась любопытная подруга.

— Да, я же тебе говорю, что просто взял и уехал, — обсуждать Ринберга, пусть даже с лучшей подругой ей не особенно хотелось — слишком противоречивые чувства он у неё вызывал в последнее время. Раньше всё было куда проще и понятнее.

— Слушай, Аль, я вот что подумала... — Ева начала издали тоном опытной заговорщицы.

— После этих слов мне уже нужно начинать бояться или ещё подождать? — попыталась отшутиться Алевтина, но собеседница совсем не была настроена поддерживать её порыв.

— А вот мне совсем не смешно. Я серьёзно с тобой разговариваю. Может, это твой шанс наконец-то нормально устроить личную жизнь?

— С кем это интересно? — от столь неожиданного предложения Островская сдавленно и даже немного истерично рассмеялась. — Хотя, может, ты знаешь место, где за трёх ненормальных поклонников одного нормального дают? Тогда я только за.

— Ой, да брось ты, Алька, глупости говорить. Ладно, я ещё могу понять: один старый, другой женатый... А Соломонович-то твой чем плох?! Ты сама говорила, что он даже Сеньке понравился. Нет, ты малышка, конечно, любишь, всё для него делаешь, но хороший мужской пример ему тоже не повредит, — Ясная продолжала размышлять вслух. — Ты подумай, пока этот золотой рыбка сам плывет к тебе в руки. Может это судьба!

Аля понимала, что все слова Евы продиктованы, прежде всего, заботой о близком человеке, но они ей совершенно не нравились.

— Жан, вот ты вроде большая девочка, а всё ещё продолжаешь верить в сказки, — устало сказала девушка, забывшись, она по привычке назвала подругу старым именем. — Я же — не Золушка, а Ринберг — не принц. Очнись, эта птица не моего полёта, чтобы всерьёз на что-то рассчитывать, а однодневными интрижками я не интересуюсь, тем более, что сейчас между нами вообще ничего нет.

— Да-да, я тебе, конечно, верю... — пропела в трубку Ева. — Ты это ещё кому-нибудь расскажи. Наверное, потому что ничего между вами нет, он сначала от тебя Шабарина отогнал, а потом резвым козлом ещё и в детский сад поскакал. Глаза-то разуй, подруга, и не вздумай упустить такой экземпляр!

— А ты у нас прямо эксперт по экземплярам, — усмехнулась Аля и снова оттолкнулась от земли. Сенька помахал ей рукой от горки, а она кивнула ему в ответ, продолжая выслушивать Ясную.

— Мы, Слава Богу, не в каменном веке живём. Интернет на что? Конкретно этот экземпляр я рассмотреть успела, и если в жизни он хоть на половину так же хорош, как на фото... Просто последуй моему бесценному совету и не тормози. У вас, кстати, очень хороший процент совместимости по...

— Ой, вот только не начинай, — жалобно взмолилась Островская.

— Алевтина?.. — окликнули её, внезапно прерывая разговор, одновременно с этим чья-то рука легла к девушке на плечо.

От неожиданности телефон выпал у неё из рук.

— Аля-Аля, ты здесь?.. — звала её Ева, но Але уже было не до неё.

Он заметил её ещё издали, хотя место Алевтина выбрала довольно укромное. Девушка по-детски раскачивалась на качелях и разговаривала по телефону. Время от времени она смешно теребила кончики волос, заплетённых в длинную косу, но смотрелась очень гармонично. Одета в бирюзовую толстовку и голубые джинсы она показалась мужчине совсем юной и домашней, сейчас в ней не было практически ничего общего с той уверенной в себе деловой леди, которую он впервые встретил в офисе.

Иван в темной спортивной форме заядлого любителя бега легко преодолел расстояние от ворот до того места, где сидела Островская. На подступах к качелям асфальтированная дорожка неожиданно вильнула и закончилась, а расположение кустов и деревьев вокруг было таким хаотичным, что подойти к девушке он смог уже только со спины. Увлеченная разговором, она не услышала его шагов, чтобы обратить на себя внимание, пришлось осторожно коснуться её плеча и позвать по имени:

— Алевтина...

Островская испуганно вздрогнула и выронила телефон, затем медленно повернулась.

В первую секунду она его не узнала: над ней нависал высокий мужской силуэт, тень от деревьев падала ему на лицо, а одежда совсем не вязалась с уже сложившимся у неё, представлением об этом человеке, обычно строго застёгнутом на все пуговицы.

— Извините, так получилось. Не хотел вас пугать, — сказал Ринберг и быстро нагнулся, чтобы поднять упавший телефон, за которым в то же самое время, но с другой стороны потянулась Алевтина, так что они почти столкнулись лбами и настороженно замерли друг напротив друга, словно саперы около необезвреженной бомбы, готовой вот-вот взорваться.

— Ещё раз извините, — Иван первым пришёл в себя и протянул Але злополучный мобильный. — Если с ним не всё в порядке, то я готов понести наказание и возместить ущерб.

— Ничего. Наверное, сегодня просто не мой день, — устало улыбнулась Островская и повертела в руках телефон. При первичном осмотре видимых повреждений мужчина не обнаружил, но кто знает, что там внутри. — К счастью, нет никакого ущерба. Это практически не убиваемая модель: его и Сенька на улице ронял, и кот со стола стаскивал...

— Тогда нам повезло, я рад. Алевтина, могу я присесть? — спросил Ринберг, непонятно только осознанно или нет, но он вот уже второй раз вполне естественно переходил от официального обращения по имени отчеству к менее официальному только по имени.

Девушка немного помедлила, а затем сдвинулась на качелях вправо, освобождая Ивану место рядом с собой, больше поблизости расположиться для беседы хотя бы с минимальным комфортом всё равно было негде.

Мужчина опустил рядом и, пока Аля писала кому-то сообщение, стал внимательно разглядывать двор, словно не решаясь начать какой-то важный разговор.

— Алевтина, могу я вас так называть?

Аля пожалала плечами и впервые открыто улыбнулась Ринбергу, из-за чего вокруг её глаз собрались смешные лучики мимических морщинок.

— Называйте. В сложившихся обстоятельствах это сущий пустяк, учитывая, что сегодня вы публично признали себя отцом моего сына. Думаю, вне работы можно позволить себе некоторую фамильярность и перейти на «ты», — беззлобно пошутила девушка.

— Да уж, интересно получилось, — напряжение отпустило Ивана, и он расслабленно улыбнулся в ответ. — Лет сто назад после такого заявления я был бы просто обязан жениться на матери моего сына.

— Ещё осталось добавить часть про «и сделать её честной женщиной», — слегка поддела его Алевтина. — Вам повезло: в наше время такая жертва со стороны мужчин совсем не обязательна.

— Никогда не считал семью — жертвой.

— Такие взгляды — это скорее исключение, чем правило. Обычно люди ищут свободы и лёгкости, а семья, как ни крути — это пусть и приятная, но всё-таки работа, включающая в себя много разнообразных обязанностей: иногда приятных, а иногда и нет, — спокойно продолжила девушка.

— Что ж, я в этом направлении пока не очень преуспел, поэтому объективно судить не могу, — ответил Ринберг и погрузился в какие-то свои воспоминания.

Неожиданно для обоих их разговор свернул на скользкую дорожку, и нужно было как-то вырывать подальше от щекотливой темы.

— Спасибо за Сеньку. Для него это важно. Со мной он подробности обсуждать отказался, только сказал, что настоящий мужчина должен отстаивать честь женщины, но пообещал больше без причины не драться, — искренне поблагодарила Островская мужчину.

— Да, Арсений рассказал мне, что на самом деле случилось. Я не смог остаться в стороне. Пусть я и не очень хорошо разбираюсь в детях, но вижу, он отличный парень, таким действительно можно гордиться, — сказал Иван с некоторой толикой зависти, глядя на Сеньку, чуть поодаль играющего с ребятами на детской площадке.

— Да, я и горжусь! — кивнула девушка, соглашаясь.

— Алевтина, хочу задать тебе один вопрос и прошу, чтобы всё сказанное осталось между нами, — со всей серьёзностью начал Ринберг, — Честно говоря, я ещё окончательно не определился с дальнейшей судьбой «Академии риелти». Много будет зависеть от результатов повторного аудита, но уже сейчас понятно, что под новый проект в агентстве придётся многое менять. Мне нужны надёжные люди. Готова ли ты остаться и взять на себя дополнительные обязанности или в случае смены руководства предпочтешь в силу личных симпатий покинуть компанию?

Последняя фраза Ивана убедила Алю в том, что Ринберг всё же слышал большую часть двусмысленной истерики Крупельницкого и, судя по всему, сделал в корне неверные выводы относительно её положения в компании. Странно только, что после такого, мужчина вообще решил вести с ней эти душевные беседы.

Алевтина почувствовала себя так, как будто её с головы до ног вывалили в грязь. Ей стало мерзко и противно, как во время того самого разговора с Аркадием Семёновичем. Девушка обхватила себя руками, словно хотела согреться. Оттолкнувшись носками белых кроссовок от земли, она собралась с мыслями и выдохнула.

— Иван, я могу предположить, откуда возникли такие мысли. И хотя я абсолютно не обязана перед тобой отчитываться, правда заключается в том, что между мной и нынешним руководством «Академии риелти» всегда были, есть и будут сугубо деловые отношения. У меня сын, которого нужно обеспечивать, ради этого я готова вкалывать, как проклятая, но желательно, чтобы при этом задачи были конкретными, а цели достижимыми. И, да, работу и личную жизнь я не смешиваю, — после каждого слова Островская словно отгораживалась от него непроницаемой стеной и обростала непробиваемой броней.

Ринберг ощутил себя полным дерьмом. Только сейчас он понял, насколько оскорбительным был его вопрос, но сама мысль о том, что такая женщина, как Алевтина Андреевна Островская, может быть любовницей престарелого ловеласа Крупельницкого выводила его из себя и уже который день не давала мужчине покоя, вот Остапа и понесло совсем не в ту степь.

Ринберг хотел извиниться за свою бестактность, но Сенька заметил, что мама сидит на качелях не одна и радостно подбежал к ним, заставив тем самым прекратить разговор на взрослые темы, которые совсем не предназначались для детских ушей.

— Иван, ура! А что вы здесь делаете? — спросил мальчик.

— Да вот на качелях покачаться пришёл, — улыбнулся мужчина, глядя на Сеньку.

— На качелях?! Вот это да! — очень сильно удивился малыш.

— Арсений, я пошутил. Я здесь живу недалеко. Вышел на пробежку и случайно увидел вас с мамой.

— Круто. А где? — полюбопытствовал Сенька.

— Вон в том доме напротив, — пояснил Ринберг и указал на видневшуюся неподалёку единственную в городе высотку.

— Понятно.

— Я тебе кое-что принёс, — сказал мужчина, невольно опровергая свои ранее сказанные слова о случайной встрече.

Он протянул мальчику небольшую квадратную коробку в упаковочной бумаге.

— Это, правда, мне?

Иван кивнул в ответ и поднялся с качелей.

— Мне пора бежать, я и так уже достаточно нарушил спортивный режим. Ещё увидимся.

— Спасибо, — прокричал Сенька в спину удаляющемуся мужчине и стал нетерпеливо сдирать упаковку с подарка прямо здесь, во дворе.

— Ура!!! — заголосил мальчик на всю площадку, прыгая вокруг Алевтины. — Я о них так мечтал.

— Что там, малыш? — Островская тоже решила рассмотреть подарок поближе.

Довольный Сенька протянул маме коробку, на которой красовался известный логотип с надкусанным яблоком, а внутри лежали новенькие умные часы.

— Вот же... — заикнулась было Островская, но вовремя остановилась глядя на сына, виновника же многих её бед на горизонте уже не было видно.

Вечерняя пробежка длиной почти в десять километров весьма успешно прочистила Ринбергу мозги. Каждый шаг, отдалявший его от дома, где жили Островские, давался мужчине с большим трудом. Смутное чувство незавершенности неумолимо пробиралось куда-то в область давно очерстевшего сердца.

Сама близость к Алевтине оказывала на Ивана странное, почти магическое, воздействие: вся его хвалёная рациональность совершенно отказывала рядом с ней, и его несло по волнам неподдающихся контролю эмоций, а порой, как в случае с Крупельницким или Шабариным, и вовсе начинало безжалостно штормить.

Было в ней что-то неуловимо знакомое. Это не могло его не волновать.

— Соберись! Нашёл время, чтобы раскиснуть, — приказал себе мужчина.

Хотя Островская отрицала самую вероятность их знакомства, у Ринберга не получалось отделаться от мысли, буквально засевшей на подкорке сознания — они уже встречались раньше именно с этой девушкой. Где и когда мужчина, как ни старался, вспомнить так и не смог. Чертовщина какая-то!

Там, на качелях, ему показалось, что его интерес к Алевтине можно даже назвать взаимным, но сейчас Иван понимал, что своими необдуманными словами сам разрушил хрупкую симпатию, появившуюся было со стороны Островской. Ну, какой же он всё-таки идиот!? Взрослый человек, а повел себя как подросток в пубертатный период.

Но даже в этой непростой для Ринберга ситуации тоже были свои плюсы: пусть не совсем гладко, но они расставили некоторые точки над «i». После их разговора желание Ивана приструнить Крупельницкого только окрепло.

— Развел чёрт-те что на рабочем месте! Не агентство недвижимости, а бордель какой-то: то вензеля у них, то рюши, то кордебалет. До отъезда точно нужно перераспределить функционал.

После пробежки он решил ещё немного подышать свежим ночным воздухом, а заодно и вспомнить комплекс упражнений, который его тренер настойчиво рекомендовал совсем недавно. Сегодня Ринбергу не хотелось оставаться одному в пустой, пусть и обустроенной квартире.

Мало кто решился бы беспокоить его в такое время, но стоило только ему открыть входную дверь в квартиру, как телефон зазвонил.

— Иван Соломонович, отдыхаешь? Не разбудил? — раздался в трубке громкий голос Данилевского.

— Да ты шутишь, Владимир Михайлович? — отозвался Ринберг. — Какой отдых?! Десять — детское время. Я ещё пару часов хотел поработать, как раз успею просмотреть вопросы от Марка и набросать замечания.

— Он у тебя молодец. Шустрый малый крепко держит оборону. Теперь я понимаю, почему ему проиграли все эти длинноногие прелестницы, претендовавшие на место твоего личного помощника. Даром что у нас некоторые удивлялись, — от души похвалил парня Данилевский.

— Пусть некоторые удивляются, а также разглядывают чужие прелести в других местах, а офис предназначен для работы. Ей-богу, как бабы базарные, — довольно резко ответил Иван.

— Ладно тебе, не кипятись. Вот ты вроде серьёзный мужик, Соломонович... Скажи мне, как другу, как ты дошел до такой жизни? — спросил его руководитель службы безопасности холдинга, которого вряд ли можно было заподозрить в излишней склонности с юмору.

— Это что за вопрос такой? — искренне удивился Ринберг. — Если тебе удалось что-то выяснить, то так прямо и скажи. Мне сейчас не до намёков. Результаты экспертизы готовы? И что там?

— Да, готовы, и выводы оказались довольно неожиданными... — собеседник совсем не торопился раскрывать все свои карты, словно проверяя реакцию Ивана.

— Тех. неисправность была?

— Нет, по предварительным данным с твоим авто полный порядок, но, чтобы исключить ошибку, я приказал перепроверить, — Владимир Михайлович выдавал информацию дозированно по частям, как фармацевт лекарство строго по рецепту.

— А что тогда?

— Когда ты успел подсесть на колёса? — раздраженно бросил в трубку Данилевский.

— Ты что там совсем с катушек слетел, — взревел в ответ Ринберг. — Какие к чертям собачьим колёса?

— Я не знаю, какой придурок смешал тебе этот коктейль, но в образцах крови обнаружены следы двух препаратов разнонаправленного действия: возбуждающего и седативного характера. От такого можно и кони двинуть. Больше пока сказать не могу, — взяв себя в руки, отрапортовал главный безопасник, всё же подозревать в чем-то близких друзей даже ему было не очень приятно.

— Чтобы ты знал, я не употребляю вообще никакой дряни, — безапелляционно заявил Иван.

— А я в этом и не сомневался. Но вокруг тебя, Соломонович, творится какая-то дичь. Мои парни работают, но пока ничего существенного выяснить не удалось. Зря ты отказался от охраны. Ещё не поздно передумать, только скажи, и я быстро пришлю спецов, — озвучил Данилевский свою точку зрения.

— Вот и выясни, почему это происходит. Спецов мне твоих не надо, мне Геннадия за глаза достаточно. Дай, побыть нормальным человеком, — уже более спокойно сказал Ринберг и, немного подумав, добавил. — Ещё одно: выясни, что за дела у Юры Шабарина в этом регионе.

Умные часы оказались настолько умными, что Алевтине с Сенькой потребовался почти целый час, чтобы полноценно разобраться со всеми встроенными в них функциями.

С одной стороны, Островская твёрдо считала- это слишком дорогой подарок, чтобы принять его со спокойной душой и не чувствовать себя обязанной, но, с другой, её малыш настолько обрадовался, что отобрать у сына часы девушка просто не смогла. Однако оставаться в должниках у Ринберга, даже если мужчина действовал из лучших побуждений, она тоже не собиралась. Аля решила как можно скорее вернуть ему деньги, пусть она и не рассчитывала на такие траты.

Сенька настолько увлёкся полученным гаджетом, что даже уже в комнате, лёжа в кровати, всё никак не мог расстаться с подарком и продолжал демонстрировать его совсем не заинтересованному в технике коту, сфотографировав того как минимум раз сто.

— Мам, а я теперь сам могу тебе звонить? Когда захочу?

— Да, малыш, в любое время, — подтвердила Алевтина.

— Круто. Мам, а, правда, Иван хороший? — радостно спросил сын, снова примеряя часы.

Вот так сходу она не смогла бы подобрать правильные слова, чтобы помягче объяснить ребёнку о своё настороженное отношение к Ринбергу. Он вроде как ничего плохого им не сделал, даже наоборот. А потому, немного подумав, девушка вопреки личным предпочтениям, всё же решила ответить положительно, чтобы не разочаровывать своего мальчика, который смотрел на нее с огромной надеждой в глазах.

— Да, наверное, хороший, — терзающее Алю сомнение настырно проскочило в ответе.

По общему настрою она не совсем уловила, к чему клонит её умный ребенок, но следующая Сенькина фраза полностью пролила свет на настоящее желание мальчика.

— Мам, а можно мы его в гости позовём? Я ему Лешека нашего покажу. Ну, пожалуйста!?

Островская тяжело вздохнула, всё-таки этот разговор ей не очень нравился: слишком глубокие раны на сердце он бередил.

— Сынок, Иван — всё- таки взрослый и занятой человек. Директор — очень ответственная должность, у него всегда мало времени, чтобы ходить в гости. И вообще он скоро уедет из нашего города.

Малыш недовольно нахмурился, переваривая сказанное, а потом всё же решился уточнить:

— Насовсем уедет? Как мой папа?

Люди часто думают, что общий ребенок может связать двоих навсегда. Алевтина была в корне с этим не согласна, ведь, увы, даже если мужчина и женщина вместе дали кому-то новую жизнь, чувство любви и привязанности не появляется по мановению волшебной палочки. Безусловно, на её мнению сказывался не слишком удачный прежний опыт. Со временем Островская пересмотрела своё отношение к случившемуся и стала выстраивать их жизнь с Сенькой так, как если сын был только её, скажем рождённый от неизвестного донора после процедуры ЭКО. Но как бы Алевтина себя не обманывала, с первого дня она точно знала, кто отец её ребёнка.

— Нет, Сень. Ты же знаешь, что твой папа здесь не жил.

— Мам, а он хороший? — продолжил спрашивать сынок, не замечая изменившегося настроения своей мамы.

Подобные вопросы Арсений, хоть и не часто, но задавал ей и прежде. Рано или поздно это должно было случиться. Обычно сразу после таких разговоров у Али возникало тоскливое чувство горечи и ощущение какой-то материнской несостоятельности. Может она любит сына недостаточно сильно? Когда эта тема возникала в их давно ставшей размеренной жизни, девушка винила себя в том, что не смогла дать своему ребенку полной семьи, где есть любящие мама и папа.

Честно говоря, все годы после рождения Сеньки, Алевтина особо не пыталась устроить своё женское счастье, вместо налаживания личной жизни она предпочитала проводить все свободное время с сыном.

Время от времени у неё возникала мысль, что нужно было проявить больше настойчивости и рассказать про беременность биологическому отцу Арсения, но всё как-то глупо получилось: сначала он уехал из страны на несколько месяцев, потом роды и малыш — ей было не до этого, а спустя время она узнала, что мужчина женился. Лезть в чужую семью Алевтина не стала. Всё сложилось так, как сложилось.

Стоит ли теперь жалеть?! Сейчас, спустя уже долгое время, кардинально менять всю жизнь Сеньки, а заодно и свою, приглашая в неё третьего, пусть и родного по крови её сыну, человека, Островской было просто страшно. Моралью она не была к этому готова.

— Да, хороший.

— Мам, вот ты у меня самая лучшая, и папа хороший. А почему вы тогда не живёте вместе? — не специально, но малыш снова наступил на большую мозоль Алевтины.

— Сень, иногда так бывает... — осторожно начала Аля, поправляя одеяло в ногах у мальчика. — Взрослые, даже если они чьи-то мамы и папы, совсем не обязательно всегда живут вместе.

— Как у Ани из нашей группы и Гришки из третьего подъезда? — вспомнил малыш про своих друзей.

— Да, как у них, — с радостью поддержала его догадку мама.

— Мам, я думал, взрослые — умные люди. Как же можно не ужиться? Вот мы с тобой живём вместе, и Лешек с нами живёт. Все же хорошо, — громко рассуждал вслух Арсений.

Алевтина пересела поближе к изголовью кровати и ласково погладила сына по голове.

— Каждый человек любит что-то своё. Малыш, ты тоже не со всеми дружишь. Вот, например, пришел ты в новую группу: кто-то машинки любит, а кто-то футбол. Захотите вы вместе играть? Наверное, нет.

— Из-за этого? — удивился Сенька и перевернулся на другой бок, чтобы быть лицом к маме.

— Когда таких мелочей накапливается слишком много, люди начинают друг друга не понимать, как будто разговаривают на разных языках. Представь, что ты меня по-русски о чём-то спрашиваешь, а я тебе по-английски отвечаю, — Островская не была уверена, что ей хватит мудрости и сил, чтобы доступно объяснить всё ребёнку и не ранить его чувства.

— Но также ничего не понятно будет, — возмутился сын.

— Да, вот люди друг друга и не понимают, — подтвердила Алевтина.

Арсений замолчал, внимательно глядя в мамино лицо, а потом чуть слышно задал ей самый каверзный вопрос вечера.

— Мам, ты говоришь, что папа хороший. А почему он меня не любит?

В эту секунду бедное Алино сердце, переполняемое материнской любовью и горчащим чувством вины, было готово остановиться.

— Ты с чего так решил, малыш?

— Он даже не приезжает никогда: ни на мой День рождения, ни на Новый год, — неохотно поделился своей большой печалью маленький мальчик.

— Сень, когда ты родился, твой отец уже надолго уехал, и я не успела ему про тебя рассказать, а потом мы с тобой переехали. Он был далеко и не знает, что у него есть такой замечательный малыш, — каждое произнесенное слово разрывало Алевтину на части.

— Мам, а сейчас ты можешь ему позвонить или написать? — справедливый вопрос прозвучал из уст ребёнка.

К счастью, Арсений, утомленный долгим трудным днём уснул сразу после своей просьбы, и маме не пришлось ничего отвечать.

Вот уже полчаса бывшая госпожа Ринберг сидела в гордом одиночестве в самом высоком ресторане и клубе мира — «BIRDS». От нечего делать она медленно помешивала недавно заказанный коктейль и разглядывала цены в меню. Время от времени на её красиво сделанное лицо набегала тень беспокойства.

Во всех своих сегодняшних бедах Илона винила своего бывшего мужа, вот не жилось ему спокойно. Именно Ринберг своей плебейской жадностью довел ее до состояния, когда она, как последняя нищенка, вынуждена считать копейки и экономить на себе. Всем известно, что такие ограничения крайне вредны для женского здоровья вообще и её тонкой психики в частности. Сам псих ненормальный, и её довести решил, а ведь доктор Штуберг предупреждал. После их провального визита он дал своё профессиональное заключение: такой тип личности, как у её муженька, почти не поддается психологической коррекции.

Бражниковой надоело ждать, но Динка была в своём репертуаре и опять безбожно опаздывала, в чем в чем, а в этом ей точно не было равных. Илона давно знала об этой досадной особенности подруги, а потому в ресторан она пришла на полчаса позже оговоренного времени, и, всё равно, эту копушу приходилось ждать. Ожидание порядком выводило из себя, ведь, как истинная женщина, Илона Васильевна Бражникова предпочитала, чтобы ждали именно её, но особо выбирать было не из чего, ведь Динка осталась едва ли не единственной, кто продолжал с ней общаться даже после развода с Ринбергом.

— Ну, ничего все эти снобы ещё пожалеют, что воротили от меня нос. Скоро у меня всё будет как прежде, а может быть, даже ещё лучше, — прошептала актриса, с тоской разглядывая в своём аккаунте фото, сделанные во времена её семейной жизни.

Она так увлеклась, что едва не пропустила появление подруги. Та стремительно вошла в зал, и, увидев Илону, помахала рукой, привлекая к себе внимание.

— Приветик, моя дорогая. При твоих обстоятельствах отлично выглядишь! — сказала довольная жизнью, сыто улыбающаяся Динка, усаживаясь напротив.

— Приветик. Ты что опять проспала? — не разделила её энтузиазма Бражникова.

— Ну что ты, как можно, мы же с тобой договаривались! Я своего Максюсика уговаривала подарить на годовщину свадьбы мне главную роль в его фильме "Новая история Кармен". Ты представляешь, этот старый хрыч сначала ни в какую не соглашался, — пожаловалась молодая жена восьмидесятилетнего метра отечественного кинематографа Максима Эдуардовича Радзиевского.

— Вот козёл, — поддержала подругу Илона. — А ты что?

— Естественно добилась своего. Ну, я же не первый год замужем, и хорошо знаю, как надо просить, чтобы Максюсик мне не отказал, — самодовольно ухмыльнулась Динка и потянулась к меню. — Я тут в Милан на шоппинг хочу смотаться? Ты как со мной?

При недавнем полном крахе собственного брака умнице и красавице Илоне Васильевне Бражниковой совершенно не хотелось слушать о чужих победах на фронтах семейной жизни, но жена известного режиссера в подругах могла ей очень пригодиться.

— Никак. У меня дела.

— Ты шутишь! Какие могут быть дела, когда можно хапнуть положительных эмоций и на себе почувствовать всю любовь мира моды, — как змей искуситель, продолжала

соблазнять приятными возможностями Радзиевская, но Илона лишь отрицательно покачала головой.

— Неее, не могу. Говорю же — дела!

— Неужели твой царевич одумался и прискакал. Ты же говорила, что не примешь, пока он не будет ползти к тебе на пузе по раскалённым углям? — озвучила свою версию Динка. — Хотя в отличие от моего муженька твой Ваню просто красавчик, и никакого пуза у него нет и в помине.

В ответ Бражникова скривилась так, будто съела целый лимон без сахара.

— Нет, он меня избегает. А вообще достала меня вся их семейка- заносчивые выродки. Домашнюю клушу из меня хотели сделать, но ничего у них не вышло. Внука им подавай. Наследника. Тётка Софа ещё ничего, сначала даже обещала помочь, а вот папаша Соломон меня всегда едва терпел. Наверное, весь день свою Нагилу Хавву танцевал, когда сыночек меня выставил с голым задом. Всё будет, только и им придётся раскошелиться.

— Тише. Что-то ты разошлась? — сказала подруга, осторожно оглядываясь по сторонам, хорошо, что в этот час в ресторане было немногочисленно, и ближайшие к ним столики свободны.

— Плевать, пусть слышат, — всё так же громко продолжила Илона, но затем, немного подумала и понизила тон. — Мне нечего стесняться, я за свою семью борюсь. Вот решила дать Ринбергу шанс всё исправить, зря что ли лучшие годы на него потратила? Свекровь уговорила, приехала на ужин в семейном кругу, потом поднялась к нему в спальню, ждала, как дура, а этот кобель не явился. Прямо среди ночи куда-то ускакал, так его припекло. Пока со мной жил, святошу из себя строил. Я из-за него Шабу чуть не послала, а ты знаешь, он мужик не жадный.

— Это ты про того самого Шабу говоришь, про которого я думаю?

Для Островской это была трудная ночь. Сенькины вопросы всколыхнули воспоминания о другой жизни. Семь лет назад Алевтина так старалась забыть всё и всех, что ей это почти удалось. С появлением же Ринберга в их городе словно сама судьба решила сыграть против неё. Обстоятельства складывались таким образом, что дальше уже было невозможно изображать из себя страуса и прятать голову в песок, как ни крути, а тушку всё равно было видно. Сегодня тревожные мысли о прошлом почти до утра не давали Але уснуть, а ту пару часов, которые девушке чудом, но всё же удалось поспать, её снова мучили кошмары.

Говорят, что утро вечера мудренее, но по закону подлости именно сегодня народная мудрость не сработала, и вместо четкого плана действий в отношении отца Сеньки от недосыпа Алевтина обзавелась головной болью. Тот случай, когда эмоциональное состояние человека не самым лучшим образом влияло на физическое самочувствие.

С закрытыми глазами, прижав ладони к вискам, Островская переместилась на кухню, где у них хранилась аптечка. Девушка открыла окно, впуская в комнату свежий утренний воздух. Чтобы притупить боль, она выпила таблетку, на что ушли почти все оставшиеся силы: Аля обречённо опустила на пол и привалилась спиной к стене, так она и продолжала сидеть, не шелохнувшись, до тех пор, пока лекарство не подействовало.

Островская перестала бы быть Островской, если бы так легко сдалась под гнётом неблагоприятных обстоятельств. Она решила выдохнуть, лишней раз не накручивать себя и решать проблемы по мере их поступления, ведь нельзя проглотить слона за раз, нужно разделить его на части и тогда, всё возможно. Именно этим девушка и собиралась заняться.

Немного придя в себя, Алевтина первым делом позвонила подруге, с которой вчера так и не успела договорить из-за подкравшегося к ней Ринберга.

Монотонные гудки в трубке неприятно отдавали тупой болью в виски, но, наконец, Ясная взяла трубку, а Аля испытала настоящее облегчение.

— Доброе утро! Не спишь?

— Теперь не сплю, — раздалось в трубке недовольное ворчание Евы. — Ну, Алька. Тебе чего неймётся-то в такую рань? Ты вообще знаешь, сколько сейчас времени?

— Знаю-знаю. Шесть. Солнце встало и нам велело, — подбодрила Островская всё ещё сонную подругу.

— Нет, ты точно издеваешься!?! — уже довольно бодро возмутилась девушка на другом конце трубки. — Я, кажется, поняла: Алька проснулась, а Алькина совесть нет.

Совсем не злобное бурчание Ясной не могло не вызвать улыбку, но Аля решила дольше не испытывать на прочность терпение Евы.

— Я вообще-то по делу звоню, но ты так смешно возмущаешься, что удержаться было невозможно, — сказала Аля.

— Ладно, бессердечная женщина, говори, что там у тебя за дело такое неотложное, хоть ты и жестоко вырываешь меня из объятий любимого Морфея, — смилостивилась госпожа Ясная. — Что-то случилось или хочешь мне про своего столичного поклонника рассказать?

— Ничего особенно критичного, но нужна твоя помощь, — ответила Алевтина, почесывая за ухом кота, который по привычке расположился среди цветов на подоконнике, свесив грустную морду к батарее. — Можешь сегодня пораньше забрать Сеньку из детского сада? Не хочу после вчерашнего последним там оставлять до поздна. В идеале ещё нужно

заскочить к нам домой за котом и привезти их ко мне в офис часам к пяти, но если тебе неудобно, тогда просто забери Сеньку к себе. У моих новичков сделка сегодня важная в пятнадцать тридцать, я боюсь, что сама не успею, а отпрашиваться второй день подряд как-то не очень, сама понимаешь.

— Без проблем, всё равно сегодня для моей работы не самый благоприятный день, так что ты можешь смело на меня рассчитывать, — даже не задумываясь, Ева сразу согласилась помочь.

— Огромное тебе человеческое спасибо. Ты меня очень выручишь, — обрадовалась Островская, теперь ей хотя бы не придется лишний раз переживать за Сеньку. — Оставлю запасные ключи от квартиры в рюкзаке у Арсения во внутреннем кармане.

— Да не за что, — сказала Ясная, и Аля догадалась, что та улыбается. — С тебя фирменные блинчики, и мы в расчете.

— Договорились, — засмеялась Алевтина. — Давай как обычно в пятницу.

— Хорошо. Слушай, Алька, я вчера так и не поняла, что за история у тебя со всеми этими товарищами бизнесменами, которые вокруг тебя вьются?

Привыкшая почти всегда полагаться только на себя Островская подумала, что возможно в данной ситуации объективный взгляд со стороны ей не повредит.

— Пожалуй, мне действительно понадобится твой совет. Только давай не по телефону. Могу сказать, что у этих отношений статус всё слишком сложно.

— Я поняла, ты хочешь, чтобы твоя лучшая и, заметь, единственная подруга до вечера извелась от любопытства, — пожурела её Ева.

— Нет, это действительно долгая история, и началась она не вчера.

— Ладно, не вопрос, буду тренировать силу воли. Тогда до вечера.

— До вечера. Прости, что разбудила, — искренне сказала Аля и, услышав довольный смешок в ответ, положила трубку.

До начала рабочего дня оставалось ещё полтора часа, пора будить Сеньку и собираться.

— Малыш, подъём, пора вставать.

Слава Богу, пессимистичные прогнозы Островской не оправдались: день для неё складывался на удивление удачно.

Детский сад встретил их с Сенькой приятным ароматом выпечки и не менее приятной новостью, что Оксана Александровна Потехина не только написала заявление на увольнение, но и уже получила расчёт. Малыш остался в своей группе и радостный побежал демонстрировать ребятам свои новые умные часы, позабыв про все свои вчерашние горести.

В «Академии риелти» сегодня всё тоже шло просто замечательно: клиенты не скандалили, подчинённые практически не беспокоили, и самое главное — начальство во всех его проявлениях отсутствовало: ни Крупельницкого, ни Ринберга на месте не оказалось.

Аркадий Семёнович сказался больным. Алевтина подумала, что тот просто решил пересидеть бурю после вчерашнего неприятного разговора с Иваном Соломоновичем и под благовидным предлогом не явился. Чтобы там не было на самом деле, девушка порадовалась его отсутствию.

Ринберг же и вовсе не считал нужным оповещать кого бы то ни было о своих передвижениях и планах. Никто не знал, где он, но его кабинет тоже весь день пустовал.

Всю эту полезную и не очень информацию Аля получила от никогда не замолкающей Лялечки, у которой в отсутствии руководства появилось слишком много свободного времени

для общения.

День прошёл почти незаметно. Сделка новичков, принеся агентству хорошую комиссию, завершилась несколько минут назад. Всё-таки хорошо, что она попросила подругу помочь, сама Алевтина точно бы не успела. Совсем скоро Ева должна была привезти Арсения и кота. Они звонили минут двадцать назад, когда выходили из дома.

Островская ещё раз посмотрела на часы, когда в кабинет влетела растрепанная и заплаканная Ясная:

— Алечка, миленькая, я, правда, не знаю, как такое могло случиться, но Сенька пропал...

Алевтина побледнела. На лице её стали заметны выступившие капли холодного пота. Когда она попыталась вздохнуть, вместо облегчения к горлу подступила тошнота.

Слова Евы прозвучали слишком неожиданно, как гром среди ясного неба. Страх за Сеньку горьким ядом проник в сознание Островской, и в ответ она не смогла произнести не слова. Девушку словно накрыло непроницаемым куполом, под которым она почти перестала воспринимать что-либо из происходящего вокруг. Аля хотела сделать шаг навстречу растерянной Ясной, но голова закружилась, и перед глазами замелькали чёрные мушки.

Голос Евы, которая всё пыталась что-то объяснить, стал доноситься, как сквозь толщу воды.

— Аля?.. Алька!?

— А может, это звон в ушах мешает, как следует расслышать подругу?! — это была последняя связанная мысль Алевтины, перед тем, как внезапная слабость полностью овладела её телом.

Ноги Островской подкосились, и она стала оседать на пол, но чьи-то сильные руки нежно подхватили её и в последнюю секунду уберегли от падения.

В суматохе сегодняшнего дня Ринберг добрался до офиса «Академии риелти» уже ближе к вечеру. В тишине кабинета он наконец-то выдохнул, отключил мобильный и стал спокойно знакомиться с первыми предварительными результатами аудита. Среди выводов ничего нового для себя Иван не увидел: кто-то или был бесстрашным, или возомнил себя бессмертным, раз решил действовать настолько нагло и прямолинейно. Оставив один процент на волю случая, на остальные девяносто девять Ринберг был уверен, что даже знает, кто именно, осталось только в этом убедиться.

Он вышел из своего кабинета и отправился в приемную Крупельницкого. Дверь была распахнута, а секретаря вполне ожидаемо не оказалось на месте. И в этом не было ничего удивительного: кот из дома — мыши в пляс.

На столе хаотично были разбросаны папки с документами. Это дало ему возможность бегло просмотреть, что за информация оказалась в свободном доступе для всех желающих. Некоторые личности здесь явно позволяли себе пренебрегать конфиденциальностью.

Сотрудники с таким халатным отношением к работе Ивану не нужны. Похоже, в преддверии нового проекта придётся сменить, по меньшей мере, половину коллектива.

Почти вся разрешительная и проектно-сметная документация была готова. Через пару недель должны начаться первые работы на месте строительства. Уже совсем скоро его замысел обретёт содержание и форму: на пустыре вырастет город в городе. Можно смело запускать отсчёт до начала старта продаж в новом жилом комплексе.

Ринберг взял со стола первую попавшуюся под руку папку и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Пусть это послужит им уроком и научит элементарным вещам, а то развели бардак: заходи и бери, что угодно, — возмутился мужчина.

Мимо него, ничего не замечая на своём пути, по коридору пронеслась заплаканная девушка в широком разноцветном балахоне с таким же тюрбаном на голове.

Иван поднял глаза к потолку и в очередной раз задался риторическим вопросом:

— Господи, в этом месте, хотя бы один день может пройти спокойно?

Но если быть честным, он уже почти привык к местным неожиданностям во всех их проявлениях. Вспомнилась любимая фраза бабушки Симы про уехавший цирк и оставшихся клоунов. Иногда мужчина был уверен, что в агентстве недвижимости «Академия риелти» приют нашли не только комедианты, но и вся остальная труппа.

— И куда же направляется эта служительница Мельпомены? — задумался Ринберг, невольно запоминая дверь, в которую вошла расстроенная незнакомка. — Интересный контингент для отдела продаж.

В общем-то, излишним любопытством Иван не страдал, но и оставить женщину в беде он тоже не мог. Воспитание не позволяло. Немного помедлив, мужчина направился следом.

Первая же фраза, которую Ринберг услышал, подтвердила правильность его решения и дала ему карт бланш.

- Алечка, миленькая, я, правда, не знаю, как такое могло случиться, но Сенька пропал...

Иван с чистой совестью ринулся в кабинет, и как оказалось весьма вовремя. Он едва успел поймать рухнувшую в обморок Островскую.

Пока Ринберг крепко держал Алевтину, чудо в тюрбане всё никак не могло успокоиться,

нарезая круги вокруг них, всхлипывая и бесконечно повторяя:

— Аля... Алечка, я не хотела. Ну как же так?..

Это могло продолжаться до бесконечности, поэтому Ивану пришлось взять в свои руки не только Островскую, но и разрешение сложившейся ситуации: в чём бы та не заключалась.

— Молчать! — рявкнул он на суетящуюся рядом девушку.

Та мгновенно остановилась и замерла, как испуганный кролик перед удавом, потом смешно тряхнула тюрбаном и внимательно уставилась на него, вместе с этим в её взгляде проступила некоторая осмысленность и готовность помогать.

— Нужно немного помолчать! Знаешь, где здесь аптечка?

Не произнеся ни слова, незнакомка быстро кивнула в ответ.

— Тогда давай, неси быстрее нашатырь!

Буквально через секунду её уже и след простыл.

Ринберг прошёл вперёд и с особой осторожностью уложил свою ношу на диван, сиротливо стоящий около стены, затем открыл все окна настежь, впуская в комнату свежий воздух, и вернулся к девушке. Пришло время вспомнить давно позабытые школьные уроки ОБЖ. Для начала он подложил одну из диванных подушек девушке под ноги, теперь же ему предстояла гораздо более трудная задача: расстегнуть мелкие пуговички на блузке, плотно стягивающей грудь Островской.

Иван сглотнул, перевёл дыхание и, наконец, решился, убеждая себя, что не делает ничего противозаконного. Не насиловать же он её собрался. Просто решил помочь.

Одна, вторая, третья... Мелкие пуговицы так и норовили выскочить, плохо поддаваясь его крупным пальцам. А может, это дрожь в руках ему мешала?..

Увлёкшись борьбой с предметами женского гардероба, Ринберг немного позабыл про чудо в тюрбане, которое вернулось неожиданно быстро и снова стало слишком громким.

— Эй-эй, что вы там делаете? Прекратите немедленно!

Пальцы Ивана как раз добрались до четвёртой заветной пуговицы и там замерли. Должно быть, со стороны он и, правда, выглядел подозрительно, трясущимися руками раздевая беспомощную девушку, находящуюся без сознания.

— Пытаюсь дать ей возможность полноценно дышать, только и всего.

— Спасибо за заботу, но дальше я сама. Боюсь, очнувшись, Алевтина не оценит такого рвения с вашей стороны.

Резкий запах аммиака ударил в нос, вырывая Островскую из небытия. Перепутать нашатырный спирт с чем-либо другим было невозможно. С трудом разлепив веки, Алевтина увидела обеспокоенных Еву и Ринберга. Они внимательно всматривались в её лицо, склонившись над ней с разных сторон. Когда девушка попыталась сесть, они, не сговариваясь, одновременно бросились её останавливать.

— Алевтина, вам нужно лежать...

— Аля, подожди...

Голова всё ещё продолжала кружиться, но, несмотря на это, девушка, цепляясь за спинку дивана, осторожно села.

— Мне некогда разлёживаться. Я должна найти Сеньку! Сколько прошло времени?

— Для начала выпей воды, — сказала ей подруга, протягивая Островской на половину полный стакан.

Алевтина поднесла его к лицу и принялась, от воды тянуло ментолом. Она вопросительно посмотрела на Еву.

— Там корвалол для сердца, всего пара капель, — пояснила та.

Аля медленно сделала несколько глотков и отдала стакан обратно Ясной.

— Ева, что у вас случилось?

Разноцветный тюрбан нелепо покачнулся, когда подруга виновато отвела взгляд, а затем и вовсе опустила голову. Ринберг невозмутимо расположился на стуле напротив и тоже приготовился слушать рассказ Ясной.

— Алька, прости. Я, правда, не знаю, как так вышло. Я Сеньку забрала, как договаривались, потом мы вместе кота захватили, из дома вашего вышли, тебе позвонили. На парковке толком мест не было, ну я машину во второй ряд и поставила. Дорогу козлу какому-то перекрыла.

— И? — поторопила подружку Островская.

— А что? Все так делают. Я же ненадолго, — продолжила Ева. — Правда, мы даже до лифта не успели дойти... Этот сумасшедший с улицы залетел и давай орать. Отъехать я ему, видите ли, мешаю! Пришлось возвращаться, чтобы машину перегнать. Сенька идти не захотел, обещал на креслах ждать внизу. Меня минут пять всего не было. Вернулась и вот: его нет, кота нет. Я сразу к тебе побежала.

— А что охранник говорит? Он его видел? — спросил Иван.

Лицо Алевтины озарилось надеждой, но Ясная лишь обреченно вздохнула в ответ.

— Дяде Мише пришлось приструнить того идиота на стоянке. Представляете, этот псих мне чуть не врезал!?

Пока Ева говорила, Ринберг легко поднялся со своего места, не спеша отошёл к окну и принялся задумчиво разглядывать стоянку внизу.

— Алевтина, а часы, они у Арсения? — не оборачиваясь, поинтересовался мужчина. Может, это было и не совсем вежливо, но вид расстроенных женщин его изрядно отвлекал и мешал здраво мыслить, а кто-то в этой компании должен был оставаться спокойным.

Островская быстро-быстро закивала в ответ, а потом, спохватившись, что Иван её не видит, подтвердила вслух:

— Да.

— Для начала давайте попробуем на них позвонить.

Телефон Али так и остался лежать на столе, чтобы его забрать, ей нужно было преодолеть довольно приличное расстояние, девушка решила подняться, но пока она собиралась с силами, невозмутимый Ринберг принёс и молча протянул ей мобильник.

С замиранием сердца Алевтина нажала на вызов заветного номера...

— Алька, ну что там? — первой не выдержала Ева.

Несколько секунд напряженного ожидания, а затем механический голос выдает сообщение, что абонент не отвечает или временно недоступен.

От отчаянья Аля уже давно готова была разрыдаться, если бы только это хоть чем-то могло помочь найти сына, но каким-то чудом после звонка ей всё ещё удавалось не скатиться в истерику и оставаться в более или менее ясном рассудке.

— Недоступен, — зачем-то повторила она едва слышно.

Но Иван, который то ли обладал феноменальным слухом, то ли умел читать по губам, прекрасно уловил суть сказанного.

— Что ж, такое бывает, когда сеть не ловит сигнал. Алевтина, а какие геозоны установлены? Нужно посмотреть последнюю метку.

— Точно, — встрепенулась Островская и попыталась выбрать нужный раздел в приложении, но от волнения руки дрожали, и у неё мало что получалось.

— Может, я попробую? — Ринберг мягко забрал у неё телефон из рук и быстро нашёл нужные сведения. — Вот последнее обновление данных: десять минут назад Арсений всё ещё находился в пределах зоны. На стоянке и в здании я заметил камеры видеонаблюдения. Нужно посмотреть записи.

— Не все камеры на этажах работают, только в фойе и переговорных, — уточнила Аля.

— В нашем случае это лучше, чем ничего, — подвёл итог Иван, успокаивая девушек.

Снова переместившись к рабочему столу, мужчина по внутренней связи набрал пост охраны.

— Потапов слушает.

— Михаил Михайлович, это Ринберг. Посмотрите по камерам, где может быть мальчик лет шести: в здании или на парковке.

— Сын Островской? Так и не нашёлся? — зачем-то уточнил Потапов.

Алевтина всхлипнула и закрыла ладонями лицо, подруга бросилась её успокаивать. Она что-то шептала Але на ухо и ласково гладила ту по плечам.

— Да, — подтвердил Иван.

В трубке было отчетливо слышно, как в поисках нужной информации дядя Миша стучал по клавиатуре.

— Из здания он точно не выходил. Последний раз камера зафиксировала его около лифта пятнадцать минут назад.

— Он был один? — уточнил Ринберг.

— Да, только нёс переноску для животных. Я буду смотреть, может, он ещё где засветится, — пообещал Михаил Михайлович.

— Спасибо, — поблагодарил Иван и положил трубку. — Мы точно знаем, что он в здании. Алевтина, как вы себя чувствуете?

— Мне уже лучше, — не задумываясь, ответила Островская, довольно быстро взяв себя в руки. — Нужно найти Сеньку!

— Ваш кабинет на третьем этаже, скорее всего именно сюда он и направился...

— Но где он тогда? — подала голос Ясная.

— Спросите у него сами, когда найдём.

Как и большинство детей ждать Сенька не любил.

С нетерпением поглядывая в сторону лифта, мальчик ёрзал на мягком кресле. Чтобы хоть чем-то себя занять он болтал ногами и медленно считал от одного до ста, а потом обратно, всё равно больше здесь делать было нечего.

— Скучно. К маме поскорее хочется, — сказал малыш и тяжело вздохнул.

Его мохнатый друг, надёжно закрытый в переноске, оставался рядом и, в общем-то, был согласен со своим маленьким двуногим хозяином. Лешеку совершенно точно не нравилось сидеть взаперти, тем более в незнакомом месте. Кот то и дело стремился выбраться наружу: он царапал когтями дно, утыкался мордочкой в решетку и так громко и жалобно мяукал, что после третьего раза охранник дядя Миша не выдержал и, даже немного приподняв брови от удивления, спросил:

— Кто это там нарушает режим тишины на вверенном мне объекте?

— Это не я. Правда-правда. Лешек хочет погулять, — быстро ответил мальчик. — Мы к маме пришли.

— Ну, раз к маме, тогда ладно, — улыбнулся Потапов. — А почему здесь сидите?

— Мы крестную ждём, — сказал Арсений и указал рукой в сторону улицы. — Вон она.

Там как раз напротив входа на парковке девушка в ярком наряде, яростно жестикулируя, что-то объясняла неопрятного вида мужчине, который с каждым её словом распался всё больше, раздувал щёки и надвигался на неё, как чёрная туча на ясное небо. Чтобы хоть как-то остановить его агрессивное приближение, она стала размахивать перед собой сумкой, но пока усилия её были столь же эффективны, как комариные укусы против слона: здоровяк продолжал наступать.

Потапов насупился и сжал руки в кулаки: только драки ему во время дежурства не хватало.

— Ты, сынок, оставайся здесь. На улицу пока не выходи, а я пойду твоей крестной помогу! — и Михаил Михайлович выдвинулся в сторону разбушевавшихся автомобилистов, а Сенька снова начал свой счёт от одного до ста.

В офисе агентства недвижимости, где работала мама, мальчик бывал не раз, самостоятельно на лифте он тоже ездил, хотя и не здесь, так что по Сенькиным расчётам всё должно было получиться довольно легко. Мамочка любила их с Лешekom сюрпризы.

— Почему бы не устроить один прямо сейчас?

Оглядевшись по сторонам, Арсений понял, что остановить его, в общем-то, некому: взрослые были заняты. Жажда приключений гнала вперёд и подталкивала к решительным действиям так, что удержаться было просто невозможно. Он резво вскочил с насиженного места, подхватил переноску с котом и быстрым шагом отправился в сторону лифта.

Пока они поднимались на третий этаж, Кис, словно вознамерившись сегодня испытать все возможности своих голосовых связок, истошно орал. Мальчик пожалел друга, вынул его из переноски и взял на руки. Лешек подобной доброты товарища не оценил и, как только створки лифта открылись, он что есть мочи рванул прочь по коридору. Сеньке ничего не оставалось делать, как бежать следом за ним.

Догнать испуганного кота оказалось совсем не просто, а уж тем более поймать.

Наверное, от сквозняка дверь одного из кабинетов чуть приоткрылась, и Лешек не

упустил свой шанс спрятаться, он подковырнул едва заметную щель лапой и юркнул внутрь, малыш хотел схватить его за хвост, но не успел.

— Лешек, ты куда спрятался, бессовестный кот? Теперь мама нас точно отругает, — посетовал Арсений, вглядываясь в темноту кабинета. — Киса Лешек, иди сюда. Кис-кис-кис.

Ответом ему была тишина. Мальчик обреченно вздохнул и шагнул навстречу неизвестности.

Тех крупиц тусклого света, что проникали в помещение от окна, зашторенного тяжелыми портьерами, было явно недостаточно, для чтобы разглядеть кота. Где находится выключатель, Сенька не знал, а потому ему пришлось искать Лешека едва ли не на ощупь.

Малыш опустился на корточки и, выставив руки перед собой, начал шарить по полу. Он как раз наткнулся на преграду в виде стола и уже собрался встать в полный рост, когда услышал за дверью чьи-то приближающиеся шаги. Не хватало только попасться в чужом кабинете, тогда ему не только будет стыдно, но и мама расстроится. Недолго думая, Арсений решил спрятаться, хотя укрытие и не казалось таким уж надёжным. Он ползком обогнул стол и забрался под крышку, места ему вполне хватило. Малыш поглубже задвинул кресло, чтобы его точно не было видно.

Мальчик постарался стать как можно незаметнее. Он подтянул колени к груди, опустил на них голову, зажмурился и прижал к ушам маленькие ладони. Сенька знал, что подслушивать нехорошо, однако часть разговора взрослых он пусть и невольно, но всё же слышал.

Когда звуки шагов стали отчётливо различимыми, а голоса вошедших громко раздались прямо над ним, свет фонарика прошёлся по стене и мальчик вздрогнул.

Кто именно сейчас находился вместе с ним в кабинете, Арсений не знал, поэтому решил сидеть тихо, как мышонок.

Ему вдруг стало очень страшно. Всё было почти как в фильме ужасов, которые мама запрещала ему смотреть.

— Просили же тебя, чтобы на этот раз ты сделала всё как надо? — зло прошипели в тишине.

— Ну, простите. Я не успела. Когда бы я смогла? Его целый день не было... Он даже запасной ключ от кабинета зачем-то унес, — заискивающе прозвучало в ответ. — Не доверяет никому.

— Мне нет никакого дела до того, кому он там доверяет. Ты уже не первый раз нас подводишь.

Сенька понял, что эти люди совсем близко, наверное, что-то ищут на столе. Вот ведь не повезло ему.

— Я в добровольцы не нанималась. Не нравится — попробуйте сами.

— Ты на кого свой рот открыла, дармоедка? Только чужие деньги и способна тратить! Твоих куриных мозгов не хватило даже, чтобы отличить китайца от русского.

— Он кореец!

— Да мне хоть японец. Факт, что мужик совсем не тот...

Неизвестно, сколько ещё могла бы продолжаться столь занимательная беседа, но, видимо, Лешеку она успела надоест.

Кот, с громким шлепком прыгнув на стол откуда-то сверху, быстро распугал незваных гостей.

— Ааааа! Бежим!

— Здесь кто-то есть!..

Послышался шум, как будто взрослые столкнулись лбами. Через несколько секунд хлопнула дверь, а затем снова воцарилась тишина.

Малыш ещё немного посидел в своём укрытии, а затем решил выбираться из этого места, пока его никто не нашёл. Когда Сенька отодвинул стул и высунулся наружу, сверху на него посыпались какие-то предметы.

— Наверное, их Лешек столкнул? — предположил Сенька, но толком подумать об этом не успел. У входа щёлкнул выключатель, и яркий свет залил кабинет. Теперь мальчик смог увидеть своё отражение в стекле на дверце шкафа: с носа Арсения на одну сторону свисали очки, а на голове красовалась то ли тетрадь, то ли книга. Вот это он попал.

— Нашёлся, да ещё и не один. Я, конечно, любил в детстве животных, но не до такой же степени! — сказал Иван, стоящий на пороге вместе с мамой и крёстной малыша. — Мы с этим котом не настолько близко знакомы, чтобы он пил кофе из моей чашки!..

В отличие от людей Кис Лешек абсолютно никакой неловкости не испытывал. В ответ на замечание мужчины кот чихнул, облизнулся и по-царски выдал возмущенному Ринбергу снисходительное:

— Мяу!

— Мальш, мы чуть с ума не сошли от беспокойства. А ты что делаешь, в прятки играешь? — мягко упрекнула его Ева, пока Алевтина собиралась с мыслями и утирала слёзы счастья, помимо воли выступившие из глаз.

— Мам, прости-прости. Мы, правда, не хотели. Так получилось... — виновато бубнил Арсений, снимая с носа очки.

Тем временем Ринберг отодвинул стул подальше от стола и помог мальчику окончательно выбраться из укрытия.

— Спасибо, Иван, — сказал Сенька и совсем не по-детски протянул руку для взрослого мужского приветствия.

— Знатно ты, парень, всех напугал! Больше так не делай. Своё слово нужно держать.

Мальчик быстро кивнул, обогнул мужчину и побежал к маме.

Ринберг аккуратно взял кота за шкурку, снял извивающуюся животину со стола и посадил в переноску. Лешек совсем не обрадовался такому исход дела. Сначала Кис зло зашипел на подлого человечешку, бесцеремонно учинившего над ним беспредел, но, на удивление быстро уяснив что вырваться из крепкой хватки не удастся, замолчал, свернулся в клубок и прикрыл глаза.

Пока Иван разбирался с котом, Арсений прижался щекой к маминой юбке и выпалил:

— Мамошка, ну ты же любишь сюрпризы?! Вот мы с Лешekom и решили тебя порадовать... Всё почти получилось, но этот подлый серый трус испугался и побежал. Я за ним. Не мог я его бросить, он же мой друг.

— Иди сюда, — Аля крепко обняла Сеньку и взяла его на руки. Она прижала его к себе и, покачивая из стороны в сторону, стала успокаивать, как крошечного малыша.

— Мамошка, я так испугался. В комнате было очень темно, а я всё никак не мог найти нашего котика, — зашептал сын ей на ухо, пока Алевтина нежно гладила его по голове.

— Не бойся, всё уже хорошо, — подстраиваясь под интонации Сеньки, тоже шёпотом сказала Островская, интуитивно понимая, что так ему будет легче всё объяснить.

— Мам, здесь кто-то был в темноте...

— Конечно, милый. Это Лешек, он здесь был вместе с тобой и, наверное, шумел.

— Нет, мамочка, ты меня не слушаешь! Сюда кто-то приходил. Я их услышал и спрятался, чтобы меня не ругали, и ты не расстраивалась. Я честно-честно больше так не буду, — Арсений завозился у Али в руках, и девушка опустила его на пол. Всё-таки шестилетний малыш был для неё уже тяжеловат, чтобы держать его продолжительное время.

Ринберг подошёл к ним почти вплотную, наклонился к Сеньке, чтобы быть с ним на одном уровне, внимательно посмотрел мальчику в лицо и осторожно спросил:

— Арсений, ты точно ничего не перепутал?

— Нет, — уверенно ответил малыш.

— Ты кого-то видел или только слышал?

— Я людей не видел, но слышал, как по полу стучали каблук, как у мамы или крёстной.

Алевтина внимательно следила за Ринбергом, и если бы не мелкие детали, догадаться о том, что мужчина в ярости, было бы практически невозможно.

Что ж видимо предел терпения есть даже у таких ледяных глыб, несмотря на всю их

внешнюю невозмутимость. Иван сдерживался, как мог, чтобы не испугать Сеньку ещё больше, малышу и так было достаточно впечатлений. Однако при упоминании о незваных гостях в его кабинете мужчина всё же не удержался и медленно сжал и разжал кулаки.

— Эти люди они разговаривали? — осторожно, словно ступая по минному полю, продолжил выяснять детали Ринберг. — Может, ты помнишь о чём?

— Я ничего не понял, они говорили про каких-то японцев и что-то искали. А потом Лешек как прыгнет, они испугались и убежали, — мальчик шагнул к мужчине, обнял его и сказал. — Иван, не сердись на меня, пожалуйста. Я не хотел бес спроса заходить в твой кабинет.

— Ничего страшного. Я не сержусь на тебя, Арсений, — и мужчина приобнял мальчика в ответ.

— Неладно что-то в Датском королевстве... — подала голос Ева, так чтобы её услышала только Островская. — Да, Алька, будь Агата Кристи жива, она умерла бы от зависти вместе со своим Эркюлем Пуаро. Прямо детективная история вырисовывается «Дерзкая кража в кабинете провинциального агентства».

Аля поняла, что Ясная хотела бы добавить и что-то ещё, но после выразительного взгляда, который бросил в её сторону Ринберг не осмелилась. Вдруг услышит?!

Островская со щемящим сердцем смотрела на то, как её милый доверчивый ребёнок обнимает мужчину. Больно. Больно и обидно, что всё так сложилось.

— Иван, спасибо за помощь. Арсений, если больше ты ничего не помнишь, то я думаю, что нам пора домой, — собственный голос показался Алевтине чужим.

— А сделать Лешеку укол? — Сенька беспокоился о своём товарище.

— Придётся в другой раз. К ветеринару мы сегодня безнадежно опоздали.

Ринберг окончательно взял себя в руки и предложил:

— Раз так, давайте, я отвезу вас домой. На сегодня достаточно волнений.

— Ура! Ура! На той большой машине?! Мамочка, можно мы поедem с Иваном?

— Я... — хотела было возразить Аля, но Ясная довольно ощутимо толкнула её в бок, чтобы она замолчала и не посмела отказаться.

Алевтине оставалось только согласиться.

Ева предпочла распрощаться с ними как можно быстрее, при этом она успела выразительно стрельнуть глазами в сторону Ринберга, который шёл немного впереди девушек. Он держал Сеньку за руку и легко нёс переноску с котом:

— А папаша-то может выйти вполне нормальный. Не теряйся!

Когда-то, кажется, было это тысячу лет назад, Островская очень любила ходить в кино. В затемненном зале и бегущих по большому экрану кадрах- во всём этом ей виделось что-то бесконечно романтическое.

Сейчас фильмотека Алевтины состояла в основном из мультиков, которые они смотрели вместе с Сенькой. Вот и сегодня малыш захотел увидеть очередную красочную историю на большом экране. За компанию с ними решила пойти и Ева.

— Можно мне с вами? Одной в моём возрасте ходить на мультфильмы уже не солидно, а развеяться хочется. Твой Сенька- отличное прикрытие для двух взрослых тётъ, — засмеялась Ясная, когда Аля рассказала ей о планах на выходные.

Билеты Островская всегда покупала заранее, потому что в этот кинотеатр, расположенный в торгово-развлекательном центре в самом сердце города, любили ходить многие горожане. До их сеанса оставалось ещё около часа. Подруга прислала сообщение в мессенджере: «Освободилась. Еду».

Пока они ждали Еву, которую задержала очередная любительница тонизирующих сборов: Арсений резвился на игровой площадке, сегодня стилизованной под пиратский корабль, а Алевтина сидела в кафе напротив.

Она любила латте, а местный бариста- настоящий затейник- часто баловал постоянных посетителей изящными рисунками на кофейной пенке. В прошлый раз он подарил ей молочное дерево, а сегодня — карамельное сердце. Такая красота — настоящая радость для глаз, вот уже несколько минут девушка поворачивала чашку, наблюдая как меняется изображение на поверхности напитка.

Взгляд Островской то и дело возвращался к Сеньке, увлеченно играющему неподалеку. Она помахала сыну рукой, и мальчик улыбнулся ей в ответ.

Всё-таки ей несказанно повезло, что у неё такой замечательный малыш. Рядом с ним все трудности становятся незначительными, хотя Але грех жаловаться: не считая неудачного сюрприза Сеньки и происшествия в кабинете Ринберга, остаток недели прошёл относительно спокойно.

Подчиненные были на редкость исполнительны и почти не доставляли беспокойства. Крупельницкий по версии вездесущей Лялочки Носовой мучился дома с давлением и в офисе совсем не появлялся, хотя Алевтина скорее поверила бы, что он прикусил язык и отравился-таки собственным ядом.

Иван Соломонович щедро раздал всем указаний на месяц вперёд и поспешно укатил обратно в столицу. К огромному облегчению Островской от него не было ни слуху, ни духу. Правда, вчера девушке показалось, что она услышала, как малыш разговаривает с кем-то по своим умным часам, но спрашивать Аля не стала.

В общем-то, жизнь неспешно текла в привычном русле, тем не менее Алевтину буквально преследовало тревожное предчувствие, что всё это спокойствие- лишь только недолгое затишье перед бурей.

Пока она следила за Арсением, кто-то следил за ней. Стоило девушке вернуться к созерцанию узоров в пока ещё нетронутой чашке кофе, как на её столик упала тень. Она подняла глаза на мужскую фигуру, заслоняющую собой обзор. Нельзя сказать, что неожиданная встреча с этим человеком была для неё приятной.

— Ну, здравствуй, Тина. Может, хватит уже меня избегать?

Алевтина заметно напряглась и предпочла промолчать в ответ. Доброжелательная улыбка Шабарина уже давно не могла её обмануть. Было видно, Юрий Аристархович старается выглядеть максимально спокойным, но спрятанные в карманы светлых брюк руки значительно портили впечатление.

— Давай поговорим? — мужчина отодвинул стул и вольготно развалился напротив Островской.

— А разве нам есть о чём разговаривать? — через силу, но всё же выдавила из себя Аля. — Я так не думаю.

— Всё шутишь?! Не надоело? — усмехнулся Шабарин, пристально разглядывая девушку. — Да, никогда бы не подумал, что ты со своими амбициями сможешь жить в такой дыре. Тина, которую я знал, была на такое просто не способна.

Островская тоже откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, после чего в упор посмотрела на собеседника и снисходительно улыбнулась.

— Юра, а ты по-прежнему уверен, что хорошо меня знал?..

— Если и плохо, то я готов исправить это хоть сейчас и узнать тебя ещё лучше...

— О, шальной барин снова просится наружу... — теперь уже Аля немного нервно расхохоталась в голос. — Прости, Юр, мне это совсем не интересно: У тебя своя жизнь, у меня своя. Давай на этом и разойдёмся.

Шабарин молчал и продолжал сверлить её тяжёлым взглядом.

— Злопамятная ты баба, Островская!.. — выдал он, подумав о чём-то известном ему одному.

— Бабы в хлеву коровам хвосты крутят, — холодно перебила его Алевтина. — Теперь уж какая есть. Я к тебе в собеседники не напрашивалась. Это ты зачем-то решил со мной разговоры разговаривать...

— Может, я соскучился?

— Три раза ха! Тебе самому-то не смешно, нет? — Аля удивленно приподняла брови и сделала вид, что на неё снизошло озарение. — Ааа...Я поняла. Решил развлечься за счет наивной дурочки Тины? Ты опоздал, Юра. Этот поезд давно ушёл.

Обычно женщины, с которыми он общался, считали Шабарина довольно привлекательным, а потому подобный тон со стороны Алевтины изрядно выводил мужчину из себя. Да что это она о себе возомнила, чтобы так с ним разговаривать! Как не крепился, но он всё-таки сорвался.

— Только не говори, что мечтаешь стать госпожой Ринберг... Думаешь, нашла вариант получше? — оскалился Юрий Аристархович, наконец-то явив себя во всей красе. — Тогда придётся мне тебя расстроить: это место давно занято, со дня на день скандал в благородном семействе будет забыт, а после бурного примирения, глядишь, и порадуют мамашу и папашу Ринбергов сообщением о внуках.

С самого начала это разговор был ей не особо приятен, но теперь, когда солидный с виду мужчина, смакуя подробности чужой личной жизни, скатился до уровня базарной бабы, на душе у Островской стало совсем мерзко.

— Господи, и что только в нём можно было найти? — мысленно задалась она риторическим вопросом.

— Впрочем, какое нам дело до чужих детей. Поговорим-ка лучше о твоём сыне... Он на тебя похож, — снисходительно заметил Шабарин, кивнул в сторону, где играл малыш и

попытался взять её за руку. — Признавайся...

— При чём здесь мой ребёнок?! — изменилась в лице Алевтина и убрала руки под стол. — Зачем нам о нём разговаривать?

— Тина, только не надо делать вид, что ты ничего не поняла! Это мой сын?

Островская возмущенно выдохнула.

— А теперь послушай меня внимательно. Даже не надейся, Шабарин! Это мой сын. Ты к нему не имеешь никакого отношения!

— Это мы ещё посмотрим, — бросил ей Юрий Аристархович, поднялся из-за стола и, не прощаясь, широкими шагами поспешил прочь.

Алевтина провожала его задумчивым взглядом до тех пор, пока мужчина не скрылся из вида.

Девушка взяла чашку и сделала глоток кофе.

Сегодня любимый напиток нестерпимо горчил.

Дима Пак часто подшучивал над ним, говоря, что трудолюбие Иван впитал с молоком матери. Ринберг же знал, что именно отец воспитал в нём это ценное качество. С раннего детства он твердил сыну, что никогда нельзя останавливаться на достигнутом, что жизнь — это своего рода марафон, только длину дистанции определяешь не ты. Соломон Ринберг искренне считал, что нет никакой возможности долго оставаться на одном и том же уровне: ты либо продолжаешь двигаться вперёд и становишься лучше, либо неизбежно катишься назад, ведь мир вокруг не будет стоять на месте, в ожидании одного единственного человека.

Вот так со всей ответственностью, на которую только был способен, Иван и продолжал бежать свой жизненный марафон сквозь стремительно пролетающие дни.

Для полноценного отдыха ему снова катастрофически не хватало времени: мужчина даже спал теперь урывками в самолетах и поездах. По рабочим вопросам Ринберг всю неделю метался между городами и странами, пока спецы Данилевского рыли землю носом, стараясь прояснить сложившуюся вокруг него ситуацию. Прямых доказательств чьего-либо злого умысла или виновности по-прежнему найдено не было.

Версия, которую главный безопасник озвучил Ивану, была проста до безобразия и казалась практически невероятной: к сожалению, всё ещё не удалось выяснить, что именно связывает всех действующих лиц этой весьма дурно пахнущей истории.

На семейном ужине, где его, скорее всего, и опоили спяще-бодрящим коктейлем, посторонних не было. Члены семьи исключались по умолчанию, а персонал, который поддерживал домашнее хозяйство родителей, работал годами и был проверен службой безопасности вдоль и поперек. Так что под подозрение попадала разве что Илона. На подобную глупость её ума вполне могло хватить. Вот только зачем?

Бывшая жена для Ринберга давно утратила всю свою привлекательность: то, что поначалу принималось мужчиной за непосредственность и вносило лёгкость в отношения, на поверку оказалось всего лишь глупостью. В какой-то момент для счастливой семейной жизни только красивого тела рядом стало недостаточно, а полноценного человека в отшлифованной до блеска оболочке, наверное, никогда и не было. Деловых отношений Ивану и на работе было больше чем достаточно, для того чтобы тащить их ещё и в семью.

— На что вообще Илона могла рассчитывать?

Даже если бы женщине удалось стимулировать возбуждение, это не принесло бы ей успеха. Он не безмозглый телёнок, которого куда поманили, туда он и пошёл.

Шабарин с компанией голодным стервятником кружил вокруг нового проекта «РиэлтСтройИнвеста», не зная толком, с какой стороны подступиться и навариться вместе со своим родственничком из администрации, с которым Юрий Аристархович уже не раз прокручивал серые схемы. Уже сейчас можно было бы поставить того на место, но Ринберг чувствовал, что стоит ещё немного подождать и понаблюдать за этими товарищами.

Каким-то боком здесь же успела отметиться и весёлая семейка Крупельницких в полном составе: муж, жена и племянница с ними. Но что они искали в его кабинете? Никой мало-мальски важной информации, Иван там не хранил.

Одним словом сумасшедший дом какой-то!.. Но во всём этом Ринберг и варился.

Мать звала его на выходные к себе. Отец тоже звонил: хотел увидеться. Но Ивана, как гигантским магнитом тянуло совсем в другое место, где его возможно совсем не ждали. И

вместо того чтобы провести свободные минуты с родными, Ринберг снова мчался туда, где, как бы пафосно это не звучало, оставалось его сердце. Да-да, если бы в мужчине осталась хоть капля романтики, именно так бы он и сказал.

В этот раз Иван поступил умнее и не стал испытывать возможности своего организма: Геннадий уверенно вёл машину и приближал Ринберга к заветной цели, пока тот спокойно работал на заднем пассажирском сиденье.

Несмотря на загруженность всю прошедшую неделю мысли Ивана часто возвращались к Островским: было в маме с сыном что-то непреодолимо для него привлекательное. Рядом с ними мужчина чувствовал себя полноценным: по-настоящему живым и полным сил, важным и нужным. Ринберг думал, что навсегда излечился от потребности в семье, но встреча с Алевтиной и Сеней разбудила забытые надежды, надёжно погребённые под ворохом циничных разочарований. У него перед глазами всегда были достойные примеры: у его родителей была крепкая семья, у сестры тоже, и только он оказался паршивой овцой в их благородном стаде.

Вчера вечером Арсений звонил Ивану перед сном. Хорошо, что он на всякий случай оставил мальчику свой номер телефона. Сенька радостно рассказывал про своих друзей, маму и кота. Смышлёный малыш!

Ринберг задумался и улыбнулся, глядя на экран телефона, мальчик прислал ему фото, которое сам же и сделал.

В это время Геннадий с удивлением посмотрел в зеркало заднего вида: в последнее время улыбающийся шеф- столь же редкое явление, как встреча со зверем, занесенным в Красную книгу.

— Вообще-то Соломонович- нормальный мужик, всё при нём, но вот с женщинами ему не везет, чего только стоила мадам супружница... — философски подумал Гена.

С Арсения мысли Ринберга плавно перетекли к Алевтине. Чем дольше он размышлял с девушке, тем больше крепла его уверенность, что Островская не была с ним честна: они всё же встречались раньше. Но где? Когда?

Что-то до боли знакомое было в её жестах, походке... Иван легко мог представить, как она сначала чуть-чуть склоняет голову в сторону, затем смешно морщит нос и громко искренне смеётся, как непосредственный ребёнок.

Странно, ведь по пальцам можно было пересчитать случаи, когда он вообще видел её настоящую улыбку, стоит ли говорить о том, что, как она смеётся, Ринберг не слышал никогда. Постепенно эти мысли стали для него настоящим наваждением, ведь умом мужчина понимал, что не мог знать Алевтину Островскую. Иван был уверен, что обязательно бы её запомнил.

— Какое-то безумие...

Встреча с Шабариным не прошла бесследно. Островская весь день мысленно к ней возвращалась. Юрий был в своем репертуаре: двусмысленными намеками ему почти удалось вывести Алевтину из себя, но, как сказала бы Хая Вениаминовна, в целом у Али всё же получилось сохранить хорошую мину при плохой игре.

— Какой же всё-таки мерзавец? Умеет гад задеть за живое...

Впрочем, её такое поведение мужчины почти не удивило. На пути к успеху Шабарин давно уже руководствовался принципом — пленных не брать, и ничем не гнушался для достижения своих целей. Уж ей ли не знать! Девчонки часто называли его шальной барин за импульсивный характер и любовь к рискованным вложениям и проектам. Впрочем, это совершенно не мешало им липнуть к Юрию, словно пчёлам на мёд, хотя здесь, наверное, больше подошло бы сравнение про мух и кое-что ещё... Другими словами Шабарин мог быть исключительно очарователен, но только тогда, когда ему самому это было нужно.

Громкий звук домофона испугал Алевтину: странно, в такое время они сегодня никого не ждали. Она встрепенулась и от неожиданности едва не обварилась кипятком. Девушка как раз наливала воду в маленький глиняный заварник, куда её щедрой рукой уже была насыпана горка ароматного успокаивающего сбора, самолично изготовленного Евой.

Кот резво соскочил с окна и стрелой понесся в коридор.

Взволнованный Арсений выглянул из своей комнаты, но быстро скрылся за дверью, не проронив ни слова, что было крайне подозрительно.

Домофон прекратил звонить также внезапно, как и начал. Аля даже не успела до него дойти, чтобы ответить.

— Наверное, ключи кто-то забыл или ошиблись... — предположила Островская и уже хотела вернуться на кухню, когда Лешек весь обратился вслух и вытянулся по струнке, встав на задние лапы около входной двери.

— Мяяяу! Мяу! — осторожно позвал Кис.

— Кого ты там услышал, мохнатый? Своих кошачьих друзей, — нежно обратилась Аля к коту и наклонилась, чтобы подхватить того на руки, но настойчивый стук в дверь заставил девушку подпрыгнуть, а её сердце застучало часто-часто, как у испуганного зайчишки.

Преодолев себя, она всё-таки решилась посмотреть в глазок, а через секунду отпрянула прочь.

С классическим набором джентльмена по версии Леонида Гайдая одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года: "бабе — цветы, детям — мороженое" в их подъезде стоял Иван Соломонович Ринберг. Как истинная женщина Островская не могла не разглядеть прекрасный букет белых лилий, по всей видимости, приготовленный именно для неё. Правда, вместо мороженого в левой руке у мужчины было несколько пакетов из хорошо известного каждому родителю детского магазина, но сам принцип, озвученный много лет назад в «Бриллиантовой руке» был выдержан.

— О Боже, что делать-то?!.

Притворяться, что их с Сенькой нет дома, не было смысла, потому что свет в квартире горел почти во всех окнах. При желании с улицы прекрасно было видно силуэты на втором этаже.

Аля повернула замок и осторожно приоткрыла дверь. Обычно любопытный малыш в

этот раз почему-то не прибежал смотреть, кто же всё-таки пришёл к ним в гости...

— Он просто всё знал!!! — вдруг осенило Алевтину. Эта мысль заставила девушку попятиться вглубь квартиры.

— Не помешаю? — уточнил Ринберг, переступая порог их довольно скромного по столичным меркам жилища.

Она только и успела, что неопределенно пожать плечами, когда из-за её спины показался довольный Сенька.

— Иван, ты пришел!

— Привет, малыш. Я же обещал, — улыбнулся мужчина, глядя на Арсения.

— Мам, правда, здорово, что я его пригласил?!- в эту минуту её сын буквально светился от радости.

— Да, уж, здорово, — неуверенно протянула озадаченная Островская. Великий комбинатор Арсений сегодня открылся ей с новой стороны. Такой самостоятельности Аля от него явно не ожидала, значит, по поводу звонка она всё-таки не ошиблась. — Всё это как-то неожиданно.

Ринберг как всегда был сосредоточен и собран. Он довольно успешно маскировался под среднестатистического горожанина: и хотя Алевтине было непривычно видеть его в тёмно-синих джинсах, серых кроссовках и худи цвета графита, она не могла не признать, что всё это смотрелось на нём по-мужски гармонично и современно.

Затянувшуюся паузу в их разговоре с успехом заполнил Лешек: сначала кот принялся ревниво обнюхивать кроссовки Ивана, а потом чихнул и плюхнулся рядом на задние лапы.

— Эй- эй, мохнатый фетишист! Даже не думай гадить в мою обувь, — строгим тоном вынес предупреждение мужчина.

— Он вроде этим у нас не страдает. Только нюхает, особенно ценит новые ботинки и кроссы из натуральных материалов... — заступилась за Киса Островская.

— Очень надеюсь, что в моём случае его любовь этим и ограничится...

В ответ на это кот возмущенно фыркнул и поплелся прочь.

— Проходите пока с Сенькой на кухню. Я вернусь через пять минут, — сказала Аля и метнулась в комнату, чтобы переодеться. Девушка увидела своё отражение в зеркале прихожей и поняла, что её домашний костюм, состоящий из коротких шорт и футболки цвета морской волны, смотрится слишком открытым. Она сменила его на цветные леггинсы и удлиненную тунику и пришла обратно, даже быстрее, чем обещала.

Арсений со своим гостем уже во всю вдвоем хозяйничали на кухне: они помыли фрукты, разрезали торт и, судя по всему, не собирались останавливаться на достигнутом.

Лешек чувствовал опасность, которую нёс в себе более крупный самец на его территории, поэтому кот занял наблюдательную позицию на холодильнике, но, несмотря на это в целом взирал на мужчину вполне миролюбиво, ведь ему уже перепал кусочек любимого сервелата, видимо Сенька подсказал, как задобрить его друга.

— Не против? Мы с Арсением разобрали пакеты... — зачем-то пояснил Ринберг, надсказать, что чувствовал он себя при этом весьма уверенно в отличие от хозяйки дома.

— Я заметила... — сдержанно улыбнулась Алевтина одними уголками губ.

— Мам, а можно я свою комнату покажу и игрушки? Ну, пожалуйста...

— Показывай. Что уж теперь... — безропотно согласилась мама.

— Спасибо, мамочка. Ты самая лучшая! — обнял её малыш за талию, а потом быстро схватил со стола два яблока, взял Ивана за руку и потянул за собой.

Глядя на этих двоих вместе Алевтина вздохнула и прямо из заварника налила себе большой бокал успокаивающего сбора.

Ринберг, стараясь не разбудить Арсения, аккуратно присел на край детской постели и стал разглядывать спящего мальчика, в котором уже сейчас четко прослеживались черты Алевтины, хотя он и не унаследовал её довольно хрупкого сложения. Вполне возможно, что ростом Сенька пошёл в отца.

Не то чтобы Иван замечал в себе особо трепетное отношение к детям: племянников он по-своему любил и, хотя виделся с ними не часто, исправно дарил им подарки на каждый праздник, можно сказать, что этим всё и ограничивалось. Но сын Островской пробудил в мужчине нечто совершенно иное: стремление оберегать, защищать, передать свои знания — отцовский инстинкт одним словом. Такое случилось с ним впервые, и что теперь делать Ринберг не знал.

Даже если отбросить его мужской интерес к Алевтине, а как женщина она была ему крайне симпатична, ласковый, умный, воспитанный Арсений сам по себе поразил Ивана в самое сердце.

Удивительно: ещё несколько минут назад, сидя в кресле напротив, малыш увлеченно рассказывал про мультфильм, который они с мамой и крестной смотрели сегодня в кино, но стоило ему на секунду прикрыть глаза, и он провалился в сон, прямо как был в одежде.

Ринберг не стал его будить. Вместо этого мужчина осторожно взял Арсения на руки и перенёс на кровать, чтобы малышу было удобно.

Скорее всего, этого следовало ожидать, слишком много впечатлений для мальчика. На протяжении полутора часов, проведенных Иваном в гостях у Островских, Сенька болтал почти без умолку, пока показывал свою комнату, многочисленные поделки, игрушки, книги... И даже фотографии из семейного альбома они успели вместе посмотреть: множество ярких цветных снимков с изображением счастливых и улыбающихся Островских, но во всём этом великолепии Ринберг заметил некоторую странность — в альбоме напрочь отсутствовали фотографии Алевтины за несколько лет до рождения Арсения. Иван не мог с уверенностью сказать — было ли это случайным стечением обстоятельств или Островская намеренно исключила данный период своей жизни. Должно быть, на фоне происходящих в его жизни событий он стал излишне подозрителен.

Сама Алевтина под малозначительным предлогом отказалась составить им компанию, но время от времени всё же заглядывала к ним в комнату через приоткрытую дверь, очевидно проверяя всё ли в порядке, и снова уходила, так и не переступив порог.

После её отказа Ринберг подумал, что не стоило ему приходить в чужой дом вот так без предупреждения, но вместе с тем мужчина отчетливо понимал- по- другому из его затей вряд ли бы что-то вышло: Островская держала Ивана на расстоянии. Но, стоило ему увидеть счастливого малыша рядом, и гость отринул прочь все одолевающие его сомнения.

Мысли унесли Ринберга так далеко, что в одном положении он смог бы оставаться довольно долго, но случайно взгляд мужчины упал на часы в форме машинки, стоящие на прикроватной тумбе: время неумолимо приближалось к десяти, и как бы хорошо ему здесь не было, но нужно уходить. Он и так сначала невежливо явился, а потом и вовсе задержался в гостях- пора и честь знать!

Иван нехотя поднялся с постели, в которой умиротворенно сопел мальчик. Стараясь передвигаться, как можно тише, Ринберг вышел из комнаты и отправился на поиски

Алевтины.

По квартире плыл знакомый с детства аромат жареного мяса и приправ, который на секунду заставил его остановиться. Иван даже зажмурился от удовольствия и сглотнул не вовремя появившуюся слюну, ведь уже долгие годы в его доме такого не встречалось: помешанная на диетах Илона никогда ничего не готовила: то ли не умела, то ли не хотела, а ресторанная еда хоть и была оформлена мастерски, но в ней всегда не хватало одного очень важного ингредиента- души. Именно так для своих готовили его мама или бабушка Сима- с любовью. С трудом, но Ринберг отогнал назойливые воспоминания и заставил себя двигаться дальше.

Островская нашлась довольно быстро: на том же самом месте, где они с Сенькой её и оставили — на кухне. Девушка казалась полностью погруженной в процесс: при приглушенном верхнем свете она быстро шинковала овощи для салата.

Иван привалился к дверному косяку и стал за ней наблюдать, но долго оставаться незамеченным ему не удалось.

Алевтина словно почувствовала его присутствие. Она оторвалась от своего занятия и немного повернула голову в сторону Ринберга, а, заметив и верно истолковав его устремлённый на плиту заинтересованный взгляд, спросила:

— Хотите попробовать? Ещё пара минут, и мясо будет готово.

— Хочу, — честно ответил Иван, ещё раз вдохнув аромат. — Мы снова на вы?

Аля неопределенно пожала плечами и грустно улыбнулась.

— Да нет. Это просто привычка.

— Арсений уснул внезапно.

Островская кивнула и вернулась к овощам.

— Ничего удивительного. У него был насыщенный день.

— Алевтина, я хотел бы извиниться. Мне стоило предупредить о своём приходе. Твой сын не виноват, — решил прояснить ситуацию Ринберг.

Девушка снова подняла на него глаза и посмотрела так, что он мгновенно почувствовал себя неразумным дитятей, которого сейчас отчитает строгая нянька.

— Дело не в предупреждении. С твоей подачи или без но Арсений скрыл от меня правду- вот что по-настоящему меня расстраивает. Ладно, он ребёнок, но ты, как взрослый человек, не можешь этого не понимать.

— Я был не прав, не подумал об этом, редко с детьми общаюсь. Хочешь, я с ним поговорю? — не стал отпираться Иван.

— Нет, не нужно. Это мой сын и видимо мой же пробел в воспитании.

Вполне ожидаемо Алевтина снова отказалась от его помощи и словно бы воздвигла между ними преграду величиной с Великую Китайскую стену, но Ринберг и не искал лёгких путей.

Он подошёл к Але так близко, что в полной мере смог ощутить аромат её волос- приятное смешение свежести с лёгкой горчинкой от грейпфрута. Иван не удержал и легко потянул за длинные пряди, и девушка вздрогнула, но не отстранилась, а только затаилась и почти перестала дышать.

Кот спрыгнул с холодильника и тем самым привел мужчину в чувство.

Ринберг добровольно отошёл от Алевтины и переместился к окну, подальше от Островской, чтобы не пугать её ещё больше. Кто знает, что она успела себе напридумывать?! Хорош гость: дождался, пока ребёнок уснёт, и начал распускать руки.

— Арсений показывал мне ваш семейный альбом... Там ты, он... — начал было Иван, но замолчал, осознав, что собирается задать очередной неудобный вопрос.

— Да, это и есть вся наша семья, — подтвердила девушка, словно не замечая его неловкости

— А его отец... Он оставил вас? — всё же рискнул Ринберг, приободрённый спокойствием Алевтины

— Он?! Нет, — на её лице появилось задумчивое выражение, Островская словно смотрела в глубь себя. — Скорее его в нашей жизни никогда и не было. Иногда я думаю, что ошиблась, не смогла оценить достойного человека, оправдывая себя чувствами к недостойному. Глупо вышло. А теперь у каждого своя жизнь. Мы птицы слишком разного полёта. Это сложно.

— Как бы то ни было у тебя замечательный ребёнок. Я бы гордился таким сыном в любом случае, — Иван заставил себя сказать хоть что-то, хотя он был совсем не рад тому, что услышал.

— Да, я его очень люблю.

— Я не люблю давать советы, тем более в личных делах, но моя бабушка любила повторять, что пока все живы, можно всё исправить. Было бы желание.

Мясо на плите запарило, и Аля кинулась к сковородке, чтобы снять крышку.

— Садись за стол. Готово, — сказала девушка, давая понять, что время для откровений на сегодня истекло.

— Как тебе? — Алевтина отодвинула штору в кабине примерочной и вышла к Еве, чтобы продемонстрировать свой выбор.

— О Боже, — застонала подруга и брезгливо поморщилась. — Островская, быстро снимай этот ужас! Такое платье подойдёт разве что почтенной настоятельнице католического монастыря, но никак не молодой привлекательной женщине, которой ты до сих пор являешься, хотя почему-то упорно стремишься об этом забыть.

Не дав Але толком рассмотреть себя, Ясная мягко оттеснила её от огромного зеркала, которое занимало всю стену в помещении между кабинками примерочной, и отправила обратно переодеваться.

— На вот примерь лучше это, — сказала она, вкладывая в руки Алевтины подходящий с её точки зрения вариант эффектного вечернего наряда.

Островская застыла, глядя на роскошное чёрное платье в пол с v-образным декольте и довольно открытой спиной. Нарочитая простота дизайнерского решения, только добавляла ему элегантности. Красота! Но вряд ли она по доброй воле решится его надеть.

— Ева, я такое не ношу. Слишком... — Аля замолчала, подбирая слова, но так и не придумала ничего дельного, чтобы отвертеться от предложенного Ясной наряда. — Не хочу в общем. Я уже со счета сбилась... Сколько можно? Пятый магазин, десятое платье...

Провести подругу ей не удалось, Ева была крепким орешком в вопросах шопинга.

— Да-да, я такое не ношу, и туда я не хожу... — кивала Ясная, уже настойчивее заталкивая Алевтину в примерочную. — Прекращай капризничать! Будем мерить столько, сколько нужно, чтобы найти идеальное, даже если оно будет пятидесятое. Ты должна всех затмить.

— Прямо таки и всех?! Не думаю, что Хая Вениаминовна обрадуется моему столтщеславному стремлению перещеголять именинницу. Как-то даже неприлично, — попробовала пошутить Островская.

— Три раза ха. Смешно. Вот это как раз несложно. Тётке Боринштейн сколько исполняется? Сто лет в обед?

— Всего-то восемьдесят, — улыбнулась Аля. — Не сто, конечно, но юбилей.

— Это определенно меняет дело, — Ева наигранно вздохнула и подняла глаза к потолку. — Странное чувство юмора у твоего Ринберга- на первое свидание тащить девушку в такую компанию.

— Он не мой, и это не свидание! — сказала, как отрезала, Островская, пытаясь стянуть с себя не понравившееся Ясной платье.

— Я тебе, конечно, верю...

— Чёрт бы побрал этого Ринберга вместе с его приглашениями, — невнятно бубнила Аля себе под нос, надевая чёрное платье.

— Не ругайся! Тебе не идёт. Из нас двоих именно я разгильдяйка и плохая девчонка.

— Ева, прекрати паясничать. Лучше помоги застегнуть платье, — попросила Алевтина.

— Оно идеально! — восхитилась Ясная. — Тебе очень идёт.

— А по-моему оно меня слишком обтягивает, — засомневалась Островская, скептически рассматривая себя в зеркале.

— Не обтягивает, а подчеркивает силуэт. А фигура у тебя аппетитная. Ринберг твой

слюной захлебнётся, и не только он, — подбодрила подруга.

— Ева! — грозно сказала Аля. — Я же просила.

— А что Ева? — она задумчиво посмотрела на Алевтину. — Может тебе очки купить?

— Какие ещё очки? Зачем? У меня нормальное зрение.

— Да?! — удивленно приподняла брови Ясная. — А то я что-то стала сомневаться...

Симпатичный, умный, состоятельный и состоявшийся мужчина обратил на тебя внимание, а ты его всё никак не разглядишь. Он даже с сыном твоим ладит! Точно нужны очки, а ещё лучше- бинокль или подзорная труба, чтобы было лучше видно. Говорят же, что большое видится на расстоянии.

— Что ты мне его нахваливаешь, как торговка на базаре своего рождественского гуся? — разозлилась Островская.

— Ладно, молчу-молчу. Неужели он тебе совсем не нравится?

Алевтина обреченно вздохнула и прикрыла глаза, опустила на пуфик и закрыла лицо руками.

— Проблема как раз в том, что он мне слишком нравится, — нехотя призналась девушка. — Сама подумай: где я — где он...

— Если честно, я пока особо никакой проблемы не вижу, — Ева ласково погладила подругу по голове. — Двое взрослых людей, очевидно, нравятся друг другу. В чём дело? Ты знаешь, что основа любых отношений- взаимность?! У вас с этим полный порядок.

— Про взаимность можешь мне не рассказывать...

— Тогда что? — искренне недоумевала Ясная.

— Тогда ничего. Забудь! — оборвала её Алевтина

— Только если ты обещаешь мне подумать над моими словами.

— Обещаю.

— Вот и отлично. Похоже, что с платьем мы определились, осталось выбрать туфли и бельё, — подытожила Ева, довольная, что всё же добилась своего.

— О, нет, — застонала Аля.

— О, да, — беззлобно передразнила её Ясная и даже не постаралась скрыть предвкушение в голосе и азартный блеск в глазах.

Сенька любил, чтобы на ночь мамочка рассказывала ему истории или читала сказки. У Островских на этот случай даже был особый ритуал: сначала они вместе выбирали книгу, потом мальчик забирался под одеяло, а мама усаживалась в мягкое кресло напротив и начинала:

— В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...

Особенно Арсению нравилось, как она умела смешно изображать голоса героев: Бабы Яги, Кощея, волка, Красной шапочки... У неё все-все получались по-разному, намного лучше, чем у Ольги Петровны в садике.

Но сегодня Сенька вполуха слушал про приключения царевича Елисея и всё никак не мог дождаться, когда же история закончиться. Мальчику пришлось даже зевнуть, чтобы мамочка подумала, что он уже не в силах бороться со сном.

— Сладких снов, Сенька. Я тебе люблю больше всех на свете!

— Спокойной ночи, мама. И я тебя люблю, — улыбнулся мальчик и закрыл глаза.

Но как только Алевтина закрыла дверь, её любимый сыночек выскочил из-под одеяла быстрее, чем стрела может выскочить из лука, и, громко шлепая босыми ногами по полу, пулей понесся к окну.

Арсений знал, что обманывать маму нехорошо, но ему очень хотелось ещё раз, хотя бы одним глазком, посмотреть на стоящий в отдалении дом, который возвышался над всеми остальными зданиями в округе и привлекал к себе внимание разноцветными огнями на крыше. Именно там жил его новый друг- Иван.

В следующий раз мужчина обещал пригласить Сеньку к себе в гости, и, наверное, мама тоже пойдёт вместе с ним. Когда этот следующий раз должен наступить, малыш не знал, но с нетерпением ждал возвращения Ивана.

Правда сегодня в садике Машка ему не поверила и сказала:

— Ну, что ты, Арсений, придумываешь! Взрослых друзей не бывает: они только командуют, как мои мама и папа.

Сенька не стал с ней спорить — она малявка и девчонка, и совсем ничего не понимает в мужских делах. Он вообще не с ней разговаривал, а с Тёмкой, но Машка подслушала и влезла как всегда.

— Тоже мне всезнайка нашлась!.. — пробубнил мальчик себе под нос и потёр глаза кулачком, чтобы не заплакать. — Иван — серьёзный человек. Мама назвала его директор, а это что-то очень важное. Он не будет меня обманывать и обязательно сдержит своё обещание. Раз сказал, что мы друзья, значит так и есть, нужно только немного подождать.

За спиной у мальчика раздался неясный шум. Сенька вздрогнул. Он осторожно повернулся и, немного приглядевшись, в темноте смог рассмотреть серого британского кота, который не спеша выбирался из-под кровати. Ни Алевтина, ни Арсений даже не заподозрили, что их питомец там спрятался.

— Киса, ты меня испугал.

— Мур-мя-мяу! — словно извиняясь, подал голос Лешек.

— Киса, иди сюда. Давай вместе посмотрим, — шёпотом позвал его мальчик.

Кот немного посидел на месте, словно раздумывая соглашаться ли ему на Сенькино предложение или нет, но потом решился и подошёл. Довольный малыш сразу же приподнял

пятикилограммового Лешка на широкий подоконник.

— Вот было бы здорово, если бы мы все жили вместе: мама, я, ты и Иван. У меня был бы папа, а у мамы- муж, и никто бы больше над нами не смеялся, — размышлял вслух мальчик, медленно поглаживая мохнатого друга по голове

— Фрр...Мя! — не разделил Сенькиного энтузиазма Лешек.

— Кис, ты тоже мой друг навсегда! Не бойся Ивана, он хороший, — ободрил малыш своего питомца. — Хочешь, я тебе секрет расскажу?

— Мур?! — поддержал беседу Лешек и внимательно уставился на Сеньку.

— По-моему Ивану сильно нравится моя мама, и он ей — тоже. Они когда вместе такие смешные, никак не хотят признаваться, только смотрят и смотрят друг на друга долго. Я ещё в первый раз в зоопарке заметил, когда мы в кафе ели шоколадное мороженое. Хорошая у нас получилась бы семья, да?

— Иван... Ринберг... Иван Ринберг... — иногда Алевтине казалось, что мир вокруг неё незаметно сошёл с ума, ведь любая мелочь напоминала девушке о человеке, который будто осьминог щупальцами оплёл своим присутствием абсолютно все сферы её жизни.

В бизнесе он не только отдавал приказы, но и был готов нести ответственность за принятые решения. Островская сама смогла в этом убедиться, наблюдая за ним на протяжении этого месяца.

Аркадий Семёнович, видимо, решил продемонстрировать собственную незаменимость. Прикрываясь плохим самочувствием, как щитом, он уже месяц не появлялся в офисе, но это мало что изменило и, как бы это не было для него удивительно, агентство недвижимости «Академия риелти» по-прежнему продолжало работать.

Аля не помнила точно, но, кажется, примерно на третий день отсутствия Крупельницкого к ней прибежала Лялечка Носова:

— Алечка Андреевна, что же это вы трубку не берете? А я вам звоню-звоню! — ехидно поинтересовалась любительница новостей, сверху вниз глядя на Островскую, сидящую за компьютером.

— Я не слышала, только вернулась из переговорной. Ольга, что-то срочное? — спокойно ответила Алевтина, продолжая сосредоточенно смотреть на экран монитора, одновременно слушая Носову и проверяя результаты новичком.

— Не повезло вам, Алечка Андреевна, — посочувствовала ей Лялька. — Вас москвич вызывает. Он с утра уже злой, как чёрт. Валентину Ивановну до слёз довёл, сейчас финансового пыгает, а потом...

Девушка не стала продолжать, но этого и не требовалось, Островская без лишних слов поняла намёк: расправу над ней столичный бизнесмен оставил на десерт.

— Хорошо. Пойдём.

— Наверное, со сходным чувством французские аристократы шли на эшафот, — думала Алевтина.

Почему-то Носова свернула в сторону приёмной Крупельницкого, а не кабинета, которым во время своих визитов обычно пользовался Ринберг. Аля не стала спорить и, молча, двинулась за ней.

— Он сегодня в кабинете Семеныча окопался... — полушёпотом прошипела Ляля, когда они уже почти пришли.

Островская пожалала плечами, мол, ей всё равно.

— Да-да, я всё понял. Сделаем в лучшем виде... — повторял финансовый директор «Академии риелти». Он подпирал спиной дверь кабинета, будто всерьёз испугавшись, что оттуда вот-вот вырвется опасный хищник. — Зверь, а не человек...

— Вот и я говорю, что не повезло вам, Алечка Андреевна... — вставила свои пять копеек Носова и приглашающим жестом указала на дверь. — Ох, и не завидую я вам...

— И правильно делаешь. Зависть- плохое чувство, очень мешает жить спокойно, — прервала поток фальшивого сочувствия Аля.

Вопреки ожиданиям Носовой в кабинете Ринберга Алевтина совсем не задержалась: в общей сложности она находилась там меньше пяти минут — ровно столько времени понадобилось Ивану Соломоновичу для их встречи, но «Академию риелти» ещё долгс

сотрясало от внезапных изменений командного состава.

Але же Ринберг показался скорее раздраженным и уставшим, нежели злым.

— А, Алевтина, проходи... Нужно подписать документы, — сказал Иван, пододвигая к ней папку, лежащую на краю стола.

— Что это?

— Пока на время отсутствия Крупельницкого ты будешь исполнять обязанности генерального директора, а там- посмотрим... Будут вопросы — помогу. Сразу скажу, что отказы не принимаются.

Вы когда-нибудь пытались остановить несущийся на вас поезд? Вот и Алевтина не стала, она без лишних вопросов поставила свою подпись.

— Я пока останусь здесь, а ты можешь занять мой кабинет. Принимай дела.

Столь неожиданная новость мгновенно облетела компанию, и уже после обеда, нашлись доброходы и почитатели, которые стройными рядами потянулись к Ринбергу, чтобы открыть Ивану глаза, что в компании есть более достойные кандидаты на эту должность. Пока Островская переезжала на новое рабочее место, Иван Соломонович бодро расправлялся с теми, кто так жаждал выразить ему своё мнение: и если первых двоих желающих он ещё принял, то остальных смертников велел Ляльке записывать, а после выдавать им на руки бланк заявления на увольнение для профилактики.

Алевтина размышляла о превратностях судьбы: к слову, кабинет, который девушке с барского плеча пожаловал Ринберга, изначально ей и предназначался.

Она следила за ремонтом и даже репродукцию картины Брейгеля заказала, но Крупельницкий внезапно передумал и решил придержать помещение до лучших времен. Видимо, можно было считать, что для неё эти времена настали.

Как бы трудно Але не было в новой роли, Иван сдержал своё обещание и помогал ей всем, чем мог: и словом, и делом. Совместное обсуждение рабочих вопросов стало для них вполне естественным и привычным, поэтому предложение Ринберга составить ему компанию на юбилее госпожи Боринштейн не стало для неё большой неожиданностью, ведь весь деловой бомонд региона должен был там собраться.

Не то чтобы Островская была сильно против, но это приглашение подействовало на Еву, как красная тряпка на быка. Она как с цепи сорвалась и все уши прожужжала Алевтине, что Иван Соломонович — отличный вариант для семьи. По словам Ясной, его нужно было брать и бежать: такие мужики на пути встречаются редко, а на дороге валяются лишь только одни тунеядцы и бомжи, которые и даром никому не нужны, а ещё хитро сделанные мечтатели, вроде её бывшего мужа. Ева считала, что любая другая девушка на месте Али была бы счастлива, если бы рядом с ней оказался такой перспективный мужчина.

Но даже наедине с собой Островская ни за что не решилась бы признать, насколько сильно ей хочется забыть всё, что разделяет их с Ринбергом, и просто последовать совету подруги.

Никто не знает, скольких усилий ей стоило оставаться бесстрашной, когда на кухне он подошёл совсем близко: Алевтина ощутила дыхание мужчины на своём затылке и одновременно почувствовала его почти невесомое прикосновение к волосам. Всего мгновение и воспоминания вихрем пронеслись перед глазами, и девушку уже понесло в прошлое по волнам памяти. Ещё совсем немного и глупое почему точно сорвалось бы с её губ... К счастью, Иван оставил её в покое, и Аля вовремя пришла в себя, так и не допустив новой ошибки.

Да, Ринберг- интересный мужчина: умный, сильный, обеспеченный... Совсем не удивительно, что он привлекает её: это также неотвратно, как пламя, которое манит мотылька.

Слава Богу, что каждый раз, когда Островская начинает забываться, мысли о Сеньке оказывают на неё прекрасное отрезвляющее воздействие, рисковать сыном она не могла.

За короткий срок Ивану Соломоновичу уже удалось довольно близко подобраться к их маленькой семье. Арсений им восхищался и вполне открыто демонстрировал своё обожание так, как это может делать шестилетний малыш — вспоминая о нём через каждое слово по тысячу раз за день. Алевтину такая привязанность не могла не беспокоить. Девушке очень не хотелось, чтобы сына постигло разочарование.

Есть ли им с Сенькой место в жизни вечно занятого бизнесмена Ринберга? Как быстро мужчина наиграется в семью? Как понять серьёзность его намерений? Островская мучила себя вопросами: этими и ещё сотней других подобных, но так и не нашла для себя ответа.

Откровенно говоря, Алевтина понимала, даже при её критическом подходе придраться было не к чему. В отношении ребёнка Иван вёл себя безупречно, за исключением разве что его неожиданного визита и тайного сговора их вновь образовавшейся мужской коалиции у неё за спиной.

Но и здесь Ринберг первым признал свою вину ещё до того момента, как она успела указать на его промах.

Вот Шабарин совсем другое дело, тот стал бы вертеться, как уж на сковороде, но никогда бы не признал, что был не прав. Кое-кто из её коллег назвал бы это качество поистине бесценным, у Али же сейчас люди подобного формата ничего кроме брезгливости не вызывали, особенно мужчины.

От этих размышлений легче ей точно не становилось, всё только ещё больше запутывалось.

— Хочешь? Не хочешь?.. Нужно что-то решать...

Ясный солнечный день на славу радовал многочисленных прохожих, которые в большинстве своём бесцельно прогуливались по улицам в центре города. Лёгкий тёплый ветерок то и дело шевелил крону дерева, в тени которого и остановился Юрий Аристархович Шабарин. Пожалуй, сегодня он был единственным, кого совсем не радовала прекрасная погода.

Шабарин ненавидел это ощущение — будто что-то важное прошло мимо него, ускользнуло прямо из-под носа. Оно появилось ровно в тот момент, когда уверенный в собственном превосходстве Ринберг увёл от него Тинку, и до сих пор никак не хотело его покидать. Юрий сидел в машине и нервно барабанил пальцами по рулю, как какой-то жалкий неудачник.

Ждать он тоже ненавидел.

Мужчина нетерпеливо, уже в который раз за прошедший час, посмотрел на противоположную сторону улицы, не выдержал и снова потянулся за сигаретами. Может, отпустит немного?!

Потом Шабарин вспомнил, что курить в машине не очень-то и удобно.

— Вот дерьмо, — выругался Юрий сквозь зубы, раздосадовано смял пачку и отбросил прочь.

Из кафе напротив вышли Островская с сыном. Тина разговаривала с мальчишкой. Даже на расстоянии было видно, что тот её почти не слушал. Вместо этого ребёнок вертел головой по сторонам.

— И что же ты там высматриваешь? — произнёс мужчина, окидывая улицу цепким взглядом.

Малец оказался проворным: он увидел что-то и с воплями понесся по тротуару.

Вернулся Тинкин сынок в неожиданной компании — за руку с Ринбергом. Второй рукой мальчишка тут же уцепился за мать. Вот так, взявшись за руки, они и отправились дальше вниз по улице.

Гневные взгляды Юрия этой троице совершенно не мешали.

— Тоже мне идеальная семейка! Тьфу, — выдохнул Шабарин им в след, ему даже стало казаться, что ребёнок Островской чем-то напоминает Ринберга. — Нет, этого просто не может быть...

Юрий тряхнул головой, как мокрый пёс, стремясь разогнать морок неприятных мыслей.

— Вот, чёрт!.. — он мало понимал, что вообще здесь забыл. — Докатился.

Шабарин почувствовал себя обманутым. Он, как полный идиот, с раннего утра следил за Тиной и её мальчишкой.

Юрий сам не понял, как и почему это случилось... Он столько лет прекрасно жил без Островской, и, что уж греха таить, не так уж и часто вспоминал про «свою Тинку».

Да и что вспоминать, если сначала на тебя смотрят влюблёнными щенячьими глазами, а потом в один день посылают на все четыре стороны.

— Мало баб что ли на свете? Не эта, так другая. Тоже мне принцесса- не будет она третьей лишней: не хочет и не может.

Но как бы не бахвалился сейчас Шабарин, где-то глубоко в душе он понимал, что тогда просчитался и упустил что-то очень важное, променяв вкусную конфету на красивую

обертку.

Семь лет назад тихоня Тинка-Алевтинка своим исчезновением преподнесла ему неожиданный сюрприз. Она всегда была горячкой и даже сейчас, живёт в глуши, а ведёт себя как королева.

Юрий познакомился с этой провинциальной умницей скромницей почти случайно. Накануне он с друзьями отмечал покупку нового авто, да так удачно, что утро встретило его жутким похмельем и громким храпом непонятной девицы рядом: то ли Леси, то ли Лики.

В офис ехать совершенно не хотелось, но отец ему уже всю кровь выпил со своими нотациями о необходимости работы, а потому он решил убить двух зайцев одним выстрелом. Шабарин-младший отправился в банк, чтобы подписать документы по кредитной линии- он вроде и при деле, но там нет отца, а у обслуживания в вип-офисе есть свои плюсы: мягкие диваны, вкусный кофе, бодрящая минералка, а если хорошо намекнуть, то понятливые девчонки и коньяка из запасов плеснуть могут...

Но в тот день его надеждам не суждено было сбыться- вместо улыбчивой и сговорчивый Катрин Юрия встретила дежурившая в субботу Алевтина.

Он ухаживал за ней почти полгода с каким-то остервенелым азартом. Нет, девушка не просто корчила из себя недотрогу, она ей была. Тем больше грела его мысль о победе...

Шабарин думал, что всё давно прошло, а сейчас увидел Тинку, и что-то перемкнуло внутри, накатило и накрыло с головой, словно штормовая волна накрыла его и безжалостно смыла в океан неконтролируемых эмоций.

Какая ирония, Островкая говорила, что любила его по-настоящему, а теперь работает на Ринберга, из-за которого Юрию пришлось прогнуться под отца. Наверное, прав Маслов: она и правда спит с Соломоновичем, иначе, зачем бы тот стал так рьяно её защищать и играть в примерного семьянина.

— Неужели действительно настолько хороша?

При таком раскладе зря он сделал ставку на Илону. Похоже, эта самонадеянная стерва всё же переоценила свои возможности.

А ещё мальчишка Тинки не давал Шабарину покоя...

Мог ли он быть его сыном?

— Да уж, как ни крути, а любая жаба мечтает стать царевной, — Алевтина игриво подмигнула своему отражению. — У некоторых даже получаются иногда.

Из зеркала ей загадочно улыбалась если не красавица, то весьма эффектная молодая женщина. На языке вертелась пошловатая фраза, когда-то случайно услышанная на широких просторах офисного опенспейса про то, что красивой женщину делает не столько платье, сколько то, что под ним. Вот так поработаешь пару лет в преимущественно женском коллективе, ещё и не такое вспомнишь. Одним словом, с кем поведешься, от того и наберешься.

— Алька, ты чего там бубнишь себе под нос, как старая карга? Я вообще-то из тебя королеву бала делала, а не Бабу Ягу, — нетерпеливо прокричала Ясная из-за двери. — Давай, выходи уже.

Сегодняшнее преображение Алевтины произошло не без участия любимой подружки, которой стоило сказать спасибо за её ангельское терпение и поистине фантастическую настойчивость.

— Да, иду я, иду, — ответила Аля и поспешила выйти из ванной комнаты.

Ева окинула Островскую цепким взглядом Пигмалиона, ваяющего свою Галатею.

— А ну-ка повернись ко мне спиной! А теперь давай боком.

Алевтина покружилась на месте, а после и вовсе присела в шуточном реверансе.

— Так хорошо? Госпожа довольна?

— Красотка моя, ты настоящая принцесса! — восхитилась Ясная и удовлетворённо закивала.

— Как скажешь, принцесса так принцесса... Главное, чтобы не Золушка, хотя ты для меня точно фея-крёстная один в один, — Островская приобняла подругу. — Спасибо тебе — выручила с Сенькой и с платьем. Не знаю, чтобы я без тебя делала.

— Перестань, мы же нечужие люди, — засмушалась Ева. — Я только не пойму, чем тебе Золушка не угодила?

— Да так... Не люблю я эту сказку. Не хочу, чтобы моя карета в полночь превратилась в тыкву.

— С таким принцем как Ринберг тебе это вряд ли грозит, — улыбнулась Ясная и перешла к наставлениям. — Давай не тушуйся там. Голову повыше подняла, живот втянула... Хотя про что это я?.. Какой у тебя живот? Ну ты меня поняла! Плечи расправила и пошла походкой от бедра... И не смей стоять весь вечер возле тётки Боринштейн, а то я тебя знаю.

Аля хотела возразить, но её внимание отвлёк зазвонивший телефон, небрежно брошенный поверх покрывала на кровати.

— А вот и кавалер пожаловал. Лёгко на помине.

Однако к глубокому разочарованию девушек прямо над номером на экране светилась надпись «Шабарин».

— Неожиданно... — прокомментировала Ева.

В ответ Островская неопределённо пожала плечами.

— О, нет. Вполне себе предсказуемо. Он уже давно испытывает моё терпение. Вообразил, что Сенька его сын и вот. Я даже номер его в записную книжку внесла, чтобы

трубку не брать.

— А почему не брать-то? Ни за что не поверю, что ты не можешь его отшить! Или ты не хочешь? Тогда это другой вопрос, — подруга уставилась на Алевтину с большим подозрением. — Я понимаю, время совсем не подходящее, но, может, расскажешь, что между вами было. Не просто же так взрослый мужик тебе трубку обрывает как подросток.

— Что было? Ты знаешь, столько лет прошло, я теперь уже сама ни в чём не уверена... — Аля задумалась и переместилась ближе к окну, обхватив себя руками, словно стараясь согреться.

Ясная молчала, терпеливо ожидая, когда Алевтина решится продолжить, если вообще решится.

— В двадцать два года во мне всего было на порядок больше: и смелости, и самонадеянности. Я тогда, сразу после универа, решила, что наш городок для меня слишком мал, и с лёгким сердцем отправилась покорять столицу. Конечно, в Москве никто не ждал меня с распротёртыми объятиями: первое время было особенно трудно, но очень интересно. Спать могла часа по четыре и ни капли не уставала. Полгода жила у дальних родственников мамы, потом квартиру снимала. С работой мне удивительно повезло: видимо огромное желание и амбиции компенсировали отсутствие опыта, и после всего двух собеседований меня взяли в банк, не самый крупный, но вполне приличный с хорошим оборотом.

— И? Это я и так знаю. Пока не вижу связи...

— Я дико старалась. Постепенно карьера пошла в гору. Всего через пару лет меня перевели в офис, где обслуживались vip-клиенты, не первая десятка Форбс, но в большинстве своём солидные управленцы и бизнесмены, — Островская сделала паузу, словно раздумывая, стоит ли продолжать этот разговор. — Там-то на свою беду я и познакомилась с Юрием Аристарховичем Шабариным. Ты знаешь, в нашу первую встречу он мне совсем не понравился- наглый, самоуверенный тип. Так мне показалось. И сейчас я понимаю, в тот раз впечатление было самым верным. Иногда я думаю, что просто сошла с ума, но... Мне так хотелось любви, что я её сама и придумала. Хотя, пожалуй, повод у меня всё же был. Уж не знаю, зачем Шабарину это было нужно, но ухаживал он долго и красиво. Я сама не заметила, как влюбилась.

— Алька, даже не знаю, что сказать...

— А что здесь скажешь? История стара, как мир- глупая провинциалка повелась на дешёвый спектакль. Это потом я узнаю, что цветы и подарки для меня заказывала секретарша. Вкус у неё и правда был хороший, — Аля вымученно улыбнулась и снова пожала плечами. — Остальную лапшу на уши он вещал одинаковую всем.

— Прости, наверное, тебе неприятно вспоминать. Не хотела бы я так встретить своего бывшего.

— Самое интересное, что его даже моим бывшим можно назвать с большой натяжкой... — Алевтина не сдержалась и горько засмеялась в голос. — Всё не как у людей. Наверное, к счастью. Секса так и не случилось.

— Тогда я совсем ничего не понимаю. С чего он решил, что Сенька его сын? Как так получилось? — Ева уселась в кресло и недоуменно уставилась на подругу.

— О, эта история достойна комедийного сериала! Нам всё время что-то мешало: то кран в моей квартире прорвало, то колесо отвалилось у его авто после ТО, то голубь украсил костюм Юрия своими фекалиями, то женские дни, то его командировки... Жуть в общем. И

вот наконец-то двое влюблённых выбрали в загородный клуб на выходные. Но какого же было разочарование, когда после вечеринки в ресторане и нескольких партий в покер, вместо романтического героя наивную дурочку Тинку ждал боров с запахом перегара. Хорошо, что он хотя бы уснул раньше, чем я вышла из ванной комнаты, не пришлось от него отбиваться. А утро и вовсе порадовало ушатом холодной воды в прямом смысле этого слова — невеста Шабарина швырнула в меня вазу вместе с цветами. Да, оказалось, что у него есть невеста. Такого позора в моей жизни ещё никогда не было и, надеюсь, что больше не будет. Одного раза более чем достаточно.

— Какая-то дикая история... А Ринберг? Только не говори, что его ты тоже раньше встречала?

— Ладно, как скажешь... — улыбнулась Аля. — Не буду говорить.

— Мам, что ты не будешь говорить? — в комнату ввалился взъерошенный Сенька:-
Вааау, мама! Ты такая красивая!

— Спасибо, сынок.

— А там Иван пришёл. Вот он обалдеет, когда тебя увидит.

Вряд ли их визит на юбилей тетушки Боринштейн можно было считать полноценным свиданием, но Ринберг волновался. Волновался он почти также как на первом своём свидании, хотя сейчас ему сорок, а тогда было всего четырнадцать.

И это ещё Островская не знает, что сегодня он впервые со времён развода появится в светском обществе со спутницей. Мысли об Алевтине наполняли Ивана приятным чувством гордости за свой выбор. Уже довольно давно в нём крепла уверенность, что в его жизни Островская далеко не случайная женщина.

Ему нравилось проводить свободное время в компании Али и Сеньки. Иногда Иван даже мог себе представить их полноценной семьёй: чем больше времени они проводили все вместе, тем благосклоннее девушка принимала его внимание и заботу, хотя изначально в ней явно чувствовались настороженность и отторжение. К счастью, Ринберг знал, что некоторые крепости невозможно взять штурмом, их нужно только осаждать, чем он, собственно говоря, и занимался.

И вот здесь и сейчас, стоя на пороге квартиры Островских, Иван собирался перевести их отношения на новый уровень. Но стоило только ему увидеть Алевтину, как все грандиозные планы в один миг вылетели из его головы.

Нет, конечно, Ринберг и раньше замечал женскую привлекательность Островской, но сегодня она буквально лишила его дара речи. Всего один взгляд и такое чувство, что его изо всех сил ударили под дых.

Иван не уставал поражаться насколько многогранна эта женщина: в офисе- сдержанная бизнес леди, с Сенькой- ласковая и любящая мать, дома- умелая хозяйка, а иногда — просто ранимая девушка, которую так и хочется защищать... Мужчина видел Алю разной и даже самонадеянно решил, что успел её неплохо изучить, но вся его уверенность рассеялась как дым, когда навстречу ему шагнула ослепительная дива, пронизанная строгой выдержанной красотой. Это была настоящая удача, как если бы среди репродукций никому не известных художников ему вдруг посчастливилось отыскать подлинник Моне.

Хорошо, что Арсений, старательно привлекая к себе внимание взрослых, своими разговорами смог с успехом заполнить возникшую между ними неловкую паузу.

— Иван...Иван?! Ты что меня совсем не слушаешь? — обиделся мальчик.

Ринберг постарался сконцентрироваться на вопросах, которые задавал ему малыш.

— Сень, прости. Что ты сказал?

— Правда, моя мама самая красивая? — громко повторил Арсений.

— Правда-правда. Твоя мама очень красивая! — подтвердил мужчина и взъерошил Сенькины волосы.

Довольный мальчик, всё ещё оставаясь рядом с Иваном, повернулся к маме и сказал совсем как взрослый:

— Мама, мы с Лешком будем тебя ждать. Хорошо повеселись на Дне рождения.

Алевтина подошла к нему поближе, наклонилась и поцеловала сына в щёку.

— Спасибо, родной. Присматривай за Кисом, веди себя хорошо, слушайся крёстную.

— Алька, не волнуйся. Мы справимся. Помни, что я тебе говорила, — подмигнула Островской молчавшая до этого момента Ева.

— Ты как готова? — спросил Ринберг.

— Готова, — быстро кивнула Аля.

— Тогда вперёд, — посторонился Иван, пропуская Островскую.

В молчании они вышли из квартиры и спустились по лестнице. А на улице также без лишних слов, мужчина взял Алевтину за руку и повёл за собой, словно уже давно имел на это полное право.

Когда они садились в машину, Иван совсем не надолго выпустил ладонь Али из своей, а в салоне он сразу же вернул руку на место.

— Волнуешься?! — утвердительно произнёс Ринберг и, стараясь успокоить девушку, несильно сжал её ладонь.

— Да, есть немного, — не стала отнекиваться Островская. — Это трудно объяснить... Я уважаю Хаю Вениаминовну, но, честно говоря, не люблю я такие мероприятия.

— Не нужно объяснять. Я понимаю.

Он и, правда, понимал искренние опасения Алевтины: этакая золотая рыбка, по доброй воле плывущая в аквариум к пираньям. Только его рыбка была не так уж и беззащитна и с каждым днём нравилась Ивану всё больше и больше.

— Я рядом. Всё будет хорошо.

В ответ Аля вроде бы утвердительно кивнула, но в её жесте не чувствовалось даже капли той уверенности, которая жила в мужчине.

Островская отвернулась к окну и спешно заправила за ухо выбившийся из причёски тёмный локон, и в ту же секунду Ринберга накрыло стойкое ощущение дежа вю.

— Иван Соломонович, приехали, — пробасил Гена, безжалостно разгоняя проступившее было озарение.

С первого взгляда Островской стало понятно: заказчики не поскупились, а организаторы праздника расстарались на славу. Но, не смотря на всю окружающую её красоту, фамильное гнездо Боринштейнов произвело на Алю гнетущее впечатление — всё здесь было как-то слишком: слишком большим, слишком дорогим, слишком отличающимся от той простой жизни, к которой привыкла она сама и большинство людей из её обычного окружения. Невольно девушка почувствовала себя самозванкой, явившейся на чужой праздник жизни.

Стоило только им выйти из машины, как она сразу же ощутила на себе чужие взгляды: преимущественно оценивающие от мужчин и весьма недоброжелательные от женщин — они, будто грязь к подошвам обуви, липли к коже.

Как-то отвыкла Островская от подобных светских развлечений. Да раньше никто так и не препарировал её внешний вид. Хорошо ещё, до внутреннего добраться не успели. Чувство благодарности по отношению к Еве расцвело пышным цветом в душе Алевтины — как ни крути, а образ, созданный по настоянию Ясной, сейчас придавал ей уверенности.

Иван Соломонович напротив абсолютно не замечал пристального внимания, направленного на них. Со своей фирменной маской невозмутимости на лице он подал Але руку и помог ей выбраться из автомобиля.

Пока же ясно было одно — вечер обещал быть долгим.

Первым делом они направились к имениннице, по пути обмениваясь бесконечными приветствиями, но, Слава Богу, нигде надолго не задерживаясь.

Несмотря на молчаливую поддержку Ринберга напряжение так и не отпускало Алевтину. Мужчина, правильно оценив её состояние, взял с подноса мимо проходившего официанта бокал шампанского и протянул Островской.

— Пара глотков для храбрости тебе не повредит.

Аля отрицательно покачала головой.

— Как бы потом не пришлось жалеть о моей храбрости. Алкоголь, волнение и голодный желудок — совсем не лучшие друзья девушки. Внезапно чувство такта может изменить и...

Иван внимательно на неё посмотрел.

— Уверен, ты на себя напрасно наговариваешь. Всё будет отлично.

— Хорошо, должен же хоть кто-то из нас двоих быть в чём-то уверен, — неопределённо сказала Алевтина и, сделав маленький глоток, поставила бокал на стол справа от себя.

— Пойдём?

— Да, — кивнула девушка и снова вложила свою руку в его.

Они передвигались по саду, лавируя между декоративными белыми шатрами и арками, украшенными гирляндами из живых цветов. Словно ледокол Ринберг прорезал толпу собравшихся и настойчиво вёл её за собой.

Добраться до именинницы им удалось спустя добрых полчаса нарочито любезных приветствий и плохо скрываемого любопытства, когда от насильно натянутой на лицо вежливой улыбки у Островской уже болезненно сводило скулы.

Хая Вениаминовна обнаружилась, восседающей на большом кресле, стоящем на возвышении и стилизованном под королевский трон.

Вновь прибывшие гости сначала устремлялись к виновнице торжества, чтобы

поздравить и лично засвидетельствовать ей своё почтение, а затем с облечением откланивались и сбивались в группы по интересам: ибо острый язык хозяйки разил не хуже хорошо заточенного меча.

При приближении их пары госпожа Боринштейн хитро прищурилась и растянула губы в лукавой улыбке.

— Иван, Алевтина, вместе. Какой, однако, приятный сюрприз, а я-то уже решила, зрение меня подводит.

— Какие ваши годы, Хая Вениаминовна, — искренне улыбнулся Ринберг. — Рад, что мы смогли доставить вам удовольствие.

— Да, уважили старушку. Смотрю, с нашей последней встречи, Иван, твой вкус в отношении женщин значительно улучшился.

— Вы как всегда проницательны, — невозмутимо заметил мужчина, не обращая внимания на сомнительный комплимент, щедро отпущенный в его сторону тетужкой Боринштейн.

Но в отличие от него Островская так и не смогла скрыть своего удивления от подобного течения беседы.

— Алевтина-детка, я знаю Ивана Соломоновича почти с пелёнок, когда он ещё звался Ванечкой, — миролюбиво продолжила госпожа Боринштейн. — Уважь старушку, Ваня, принеси-ка дамам шампанского, а мы здесь пока посекретничаем между нами девочками.

— Желание именинницы — для меня закон, — отозвался Ринберг и тихо добавил только для Али. — Я скоро. Держись.

Когда Иван ушёл, тетужка Хая снова обратилась к Островской.

— Алевтина, я за вас рада. Иван-достойный мужчина. Позволь дать тебе совет — не обращай внимания на местных стервятников. Поговорят, поговорят и перестанут. А жизнь, она одна. Смотри, чтобы не пришлось тратить её на сожаления.

— Мы просто вместе работаем.

Госпожа Боринштейн посмотрела на неё скептически, не поверив ни единому слову девушки.

— Я может и стара, но точно не слаба умом. Ты мне зубы-то не заговаривай- мала ещё. Коллеги они, знаем мы таких коллег.

Аля хотела было снова возразить, но краем глаза заметила, что к ним приближаются новые гости: Юрий Шабарин в компании Крупельницкого. Аркадий Семёнович выглядел бодрым и отдохнувшим, а ведь ещё буквально вчера супруга уверяла, что дела его совсем плохи.

В другой ситуации Островская, возможно, посчитала бы это везением, ведь она заметила мужчин первой, ещё до того, как те успели обратить на неё внимание. Но сейчас, когда в висках стучало малодушное: «Бежать!», у Али в голове почти не осталось разумных мыслей. При хорошем стечении обстоятельств у девушки оставалось в запасе несколько секунд форы, а при плохом... Об этом Алевтине не хотелось даже думать. Оценив свои шансы на успех, она всё же осталась на прежнем месте — рядом с именинницей.

— Как вы там любите говорить, Хая Вениаминовна, — подобное притягивает подобное?! — глядя на спешащих к ним мужчин, негромко озвучила Островская свои мысли. — Не могу не согласиться.

— Что ты сказала, Алевтина?

Ответить имениннице у девушки не получилось — Шабарин и Крупельницкий подоברались к ним уже практически вплотную.

— Дорогая Хая Вениаминовна, чудесно выглядите. Такое радостное событие... — с ходу начал Юрий Аристархович, галантно целуя руку госпожи Боринштейн.

— И что же радостного вы в нём увидели, господин Шабарин? — тетушка Хая склонила голову на бок, словно стремясь получше разглядеть Юрия. — Если вы не знаете, то я вам подскажу: мне, молодой человек, исполнилось восемьдесят, а не восемнадцать! Какая уж здесь радость.

Не смотря на сковывающее напряжение от присутствия малоприятных ей личностей, Алю душил смех- судя по последней фразе пожилой женщины, даже в восемьдесят госпожа Боринштейн оставалась верна себе.

Пока Шабарин безуспешно пытался произвести впечатление на Хаю Вениаминовну, ожидающий своей очереди Крупельницкий подоברался поближе к Алевтине и зашипел ей на ухо:

— Что, Островская, думаешь, высоко взлетела? Хорошо тебе сидится в моём кресле?

У всего есть свой предел- вот и Але надоело бояться и терпеть неприкрытое хамство в свой адрес. Всё равно им больше вместе не работать: кто-то должен уйти, и если суждено ей, то она сделает это с гордо поднятой головой.

— Почему же сразу в вашем, Аркадий Семёнович? У меня теперь не только кресло собственное, но и кабинет. Не иначе как вашими молитвами. Странно только, что вам ещё не доложили. Я бы на вашем месте задумалась- теряете кадры, — в тон ему ответила девушка.

— Ах ты...

— Что ты там шепчешь, Аркаша? Может, повторишь, а то я своими старыми ушами не расслышала, — прервала его именинница.

— Ничего важного, Хая Вениаминовна, — заискивающе улыбнулся Крупельницкий. — Я удивился, увидев Островскую. Не совсем понял, что она здесь делает. Вот и решил спросить.

— Видимо тоже, что и все остальные бездельники, которые пришли поглазеть на старушку Боринштейн — отдыхает. Нечего к девочке приставать, лучше за женой своей смотри, что-то её не видно...

После её слов Аркадий Семёнович был вынужден переместиться в сторону Хаи

Вениаминовны. Теперь уже Шабарин воспользовался моментом, немного отступил назад и встал справа от Алевтины.

— Ты, Тинка, даже в глуши цветешь. Странно только, что скучаешь в одиночестве рядом со старухой. Могу предложить тебе компанию получше.

— Юрий, ты как всегда неподражаем, — горько усмехнулась Островская. — Я даже не знаю, что мне сделать теперь: порадоваться таком сомнительному комплименту или оскорбиться.

— Нам бы поговорить без лишних ушей, — мужчина многозначительно покосился в сторону Хаи Вениаминовны и Крупельницкого.

— Мы уже сказали друг другу более чем достаточно, дальше — только хуже. Лучше не усугублять.

— Не хочешь разговаривать, тогда потанцуем! — Юрий больно схватил её за локоть, не давая освободить руку.

— Ай... — не сдержалась Аля.

Ринберг словно возник из ниоткуда, быстро передал бокал с шампанским имениннице и стеной встал между Алевтиной и Шабариным, аккуратно освободив девушку. Когда Иван бережно, но твёрдо потянул Островскую в свою сторону, Юрию волей неволей пришлось отпустить девушку, чтобы не устраивать публичных сцен. Как ни крути, а он женатый человек, скандал ему совершенно ни к чему.

— У дамы все танцы расписаны. Вам здесь ловить нечего. Последний раз предупреждаю по-хорошему, — угрожающе процедил Ринберг.

— Иван, идите повеселитесь как следует, пока господа решили составить мне компанию, а то вокруг такая толпа, что я уже чувствую себя памятником на площади Ленина, у которого все собираются, — царственно распорядилась госпожа Боринштейн, взмахнув рукой в их сторону.

— Именно так мы и поступим, Хая Вениаминовна, — кивнул Иван и взял Алевтину за руку.

— Злится, — на интуитивном уровне почувствовала Аля, хотя прикосновение было очень деликатным для такого крупного мужчины.

Их дальнейший путь девушка помнила довольно смутно.

Островской приходилось почти бежать, она едва успевала за его широкими шагами и не сразу сообразила, что они движутся в сторону танцплощадки.

Ринберг притормозил довольно резко, Алевтина почти врезалась в его спину.

— Прошу, — как-то невесело улыбнулся Иван и подал руку.

Музыка сменилась, и оркестр заиграл «Strangers in the Night», а вокалистка пронзительно запела.

Объятия Ринберга манили теплом, обещали безграничную заботу, а она... Она просто так устала быть всё время сильной. Аля прикрыла глаза, шагнула к нему и растворилась в мелодии.

Ладони Ивана легко опустились девушке на талию, и он заметно расслабился, но раздражение всё ещё до конца не отпускало мужчину, хотя они двигались в такт, уверенно кружась в танце.

— В этом есть даже что-то символичное... — тихо прошептала Островская.

— Что ты сказала? — переспросил Ринберг, ещё крепче сжимая её в своих объятиях и вдыхая свежий аромат её духов.

— Красивая песня...

— Ещё одна прихоть именинницы — тетушка Бориншейн любит Френка Синатру.

— Удивительная женщина.

— Да, — согласился Иван и притянул её поближе.

Дальше они танцевали молча.

Мелодия закончилась, и Аля словно очнулась от чудесного сна.

— Спасибо за танец, — прошептал Ринберг ей на ухо, продолжая удерживать её.

Островской не мешало бы привести мысли в порядок и перевести дыхание, но рядом с

Иваном у неё это плохо получалось.

— Нужно поправить причёску, — она накрутила на палец длинный локон. — Я отойду ненадолго в дамскую комнату.

— Хорошо, тебя проводить? — согласился Ринберг.

— Нет, я сама.

— Тогда встретимся на малой летней террасе, — мужчина указал на неприметную дверь справа.

На маленькой террасе кроме него не оказалось ни души, но Ринберг был даже рад своему временному одиночеству.

Пока он наслаждался тишиной, гости продолжали веселиться на празднике тетушки Боринштейн: музыка, смех, разговоры, перезвон бокалов доносились откуда-то издалека. Терраса была оазисом тишины и спокойствия среди пустыни звуков.

Вечерний воздух приятно охлаждал. Именно это Ивану и было нужно — ясная голова и трезвый расчет, чтобы вывести на чистую воду всех крыс из его окружения.

Спецы Данилевского нарыли много интересных фактов, которыми следовало заняться незамедлительно. Но вместо этого он вёл себя как мальчишка- бегал за приглянувшейся девчонкой, отбивал её у настырных поклонников и ревновал как сумасшедший.

Нет, она не давала никакого повода, но легче почему-то не становилось — его помешательство на Островской прогрессировало со страшной силой: сначала она ему просто понравилась, потом появилось стойкое ощущение, что они уже встречались прежде, а сейчас Ринберг и вовсе считал её своей...

Стоило ему увидеть Алевтину в компании Шабарина и Крупельницкого, как всё его хвалёное самообладание испарилось за секунду.

— Какого чёрта эти двое себе позволяют?! — подумал Иван, напрасно он пошёл на поводу у тётушки Боринштейн и оставил с ней девушку.

Мужчины, сменяя друг друга, стремились придвинуться поближе к Островской и нашептывать что-то в её аккуратное ушко. Они, словно голодные волки вокруг трепетной лани, кружили около Али. Для Ринберга наблюдать за их потугами со стороны было просто невыносимо. Что-то первобытное взыграло в нём: он вышел из себя и потащил Алевтину танцевать, хотя уже тысячу лет сам этого не делал.

При воспоминании об их танце Иван невольно улыбнулся. Жаль, но долго наслаждаться тишиной ему не довелось, именно в такой приятный момент его одиночество было грубо нарушено.

За спиной раздались тяжелые шаги, и Ринберга довольно бесцеремонно окликнули:

— Эй, зажигалки не найдется?

— Нет, — без раздумий ответил Иван, всё ещё погруженный в приятные мысли об Островской.

Мужской голос показался ему знакомым, и Ринберг повернулся, чтобы проверить свои предположения.

— Да уж... — хмыкнул Шабарин, окинув его неприязненным взглядом. — У таких снега зимой не допросишься... Жалко что ли?

— Не курю, — равнодушно бросил Иван.

— О, да это же Ринберг весь такой положительный правильный, — наконец-то рассмотрел его Юрий.

— И?..

— И ничего удивительного — спортсмен и зожник, — последние слова Шабарин выплюнул, будто грязное ругательство, хотя язык его при этом немного заплетался. И когда, спрашивается, он успел так набраться?

— Юрий, вы пришли сюда для того чтобы поговорить о моём образе жизни?

Спокойный, скорее даже безразличный, тон Ивана подействовал на Шабарина, как красная тряпка на быка.

— О-о-о...Вы только посмотрите- сколько превосходства... Думаешь победил? — всё больше распалялся Юрий. — Рано радуешься. Бабы есть бабы, на всё пойдут ради своей любви!

Дальше вслушиваться в бессвязный бред, который так увлечённо нёс Шабарин, Ринбергу совершенно не хотелось, но уйти, не дождавшись Алевтину, он тоже не мог. Не хватало ещё оставить её один на один с этим субъектом.

— Правда, любовь эта...она у них разная: у кого к деньгам, у кого к людям... Вот таким как Островская чувства подавай, — с издевкой протянул Юрий. — Что молчишь?.. А, ладно, я всё равно должен тебя разочаровать. В жизни Тинки великая любовь уже была, и это не ты.

С одной стороны, Иван вроде бы понимал, на что намекает его собеседник, а с другой, отчаянно не хотел ему верить.

— Как же так? Такой осторожный человек- Иван Соломонович Ринберг- и не проверил людей из своего окружения? — мерзко рассмеялся Шабарин, как никогда довольный своими вопросами. — Не веришь? Давай, спроси её сам, как умница Островская после успешной карьеры в Москве снова оказалась в этой глуши...

— Что значит снова? — вытолкнул из себя Ринберг.

— А то и значит. Помнишь, семь лет назад у вас был гениальный проект жилого комплекса с федеральным финансированием?

Иван кивнул и ошарашенно уставился на него.

— Тинка тогда работала в банке, это она слила подробности вашего проекта, и мы смогли перебить вашу цену в тендере. Забыл, что ли, как вы с папашей рвали и метали, требовали наказать виновного?

Нет, это просто не могло быть правдой! Но Шабарин говорил с такой гордостью, что кое-какие сомнения в душе Ринберга ему всё же удалось посеять.

— Пить, Юрий надо меньше, чтобы сказки не рассказывать. Зачем ей это?

— Догадайся сам, это же так просто! Потому что она любила и любит меня. Вон даже сына мне родила.

Иван отрицательно показал головой.

— Не веришь? Ладно, смотри, — он ткнул пальцем в экран телефона, немного покопался, а затем сунул Ринбергу в лицо фото, на котором сам Шабарин обнимал улыбающуюся девушку: тёмные очки скрывали почти половину её лица, а короткие рыжевато-золотистые пряди, выбивающиеся из стильной укладки, игриво разбросал ветер.

— Кто это? — зачем-то переспросил Иван, хотя и сам уже догадывался, какой ответ сейчас услышит.

— Островская... — прозвучало рядом как приговор собственной глупости.

С большим трудом, но Ринберг оторвался от фото и поднял глаза на Алевтину, замершую около двери и почти переставшую дышать. Кто знает, как давно она там стояла.

Иван не был уверен в том, что когда-либо хорошо знал Островскую, но воспоминания о той- другой, он, как Кощей свою смерть, хранил в самых отдалённых уголках памяти.

Островская поправила прическу и поспешила вернуться к Ивану. Рядом с Ринбергом она чувствовала себя намного спокойнее. Мужчина удивительно верно улавливал её тревожное состояние и мастерски его сглаживал, не раз ограждая от враждебных проявлений окружающих. Говорят, что к хорошему быстро привыкают, вот и Алевтина сама не заметила, как за месяц постепенно привыкла к ненавязчивому присутствию Ивана в их с Сенькой жизни.

В последнее время Аля очень много думала о прошлом, настоящем, будущем... И, сколько бы она не прокручивала варианты развития событий в своей голове, каждый раз приходила к одной и той же мысли: долго так продолжаться не может. Всё тайное рано или поздно становится явным, а значит пришло время покончить со всеми тайнами мадридского двора и рассказать Ринбергу всю правду, полагаясь на его порядочность. Может, момент и не слишком подходящий, но дальше тянуть уже невозможно, иначе будет только хуже. Сенька и так уже привязался к Ивану. А она... Она как-нибудь выдержит!

Решение принято, а значит чудовищный груз недосказанности должен был стать хоть немного легче, но нехорошее предчувствие по-прежнему не давало Алевтине покоя. Она попыталась отмахнуться от неприятных ощущений, пока искала террасу, указанную Ринбергом.

Уже перед самой дверью Аля сбавила шаг, услышав мужские голоса. Не узнать их было невозможно. Именно в эту секунду, здесь и сейчас, худший кошмар Островской начинал сбываться наяву, хотя такое не могло присниться ей даже в самом страшном сне — полный и безоговорочный крах всех её надежд.

Мужчины, увлеченные разговором, не заметили её появления. Не в силах сдвинуться с места девушка замерла в дверном проёме. Алевтина слушала и будто не слышала — её словно с головой окунули в бочку отборного дерьма, от которого ей точно не отмыться, проживи она хоть десять жизней. Но самое гадкое, что этот человек всерьёз претендовал на роль Сенькиного отца.

— Ну, ты и сволочь, Шабарин, — не выдержала Аля, недоверчиво покачивая головой из стороны в сторону, словно не могла поверить в то, что только что услышала.

— Рад стараться, детка. Для тебя любой каприз. Ты же знаешь, — довольно усмехнулся Юрий, разводя руки по сторонам в жесте, приглашающем к объятьям. Ещё не известно, что больше опьяняло его в этот момент: алкоголь, изрядно забродивший в крови или осознание собственного триумфа, ведь он всё-таки сумел вбить клин между Ринбергом и Алевтиной.

Наглая усмешка Шабрина стала последней каплей, прорвавшей плотину женского терпения. Островская, поддавшись внезапному импульсу, решительно двинулась ему навстречу и в сердцах залепила наглецу звонкую пощёчину. Руку мгновенно прострелило болью, но оно того стоило. Мужчина видимо не ожидал такой силы удара, он пошатнулся и почти упал, но в последний момент выпрямился и пошел вперёд, глядя на Алевтину совершенно безумным взглядом.

— Ах, ты, дрянь, ты своё получишь. Руки она посмела распустить. Сейчас я тебя проучу. Но планам Юрия не суждено было осуществиться. Между ним и девушкой решительно встал Иван, загораживая собой Алю и выводя её из-под удара.

— Быстро заткнулся и взял себя в руки, — встряхнул Ринберг Шабрина за грудки. — Я

тебя предупреждал?! Предупреждал. Теперь не постесняюсь и другие аргументы добавить, раз ты русских слов не понимаешь.

Островская решила раз и навсегда внести ясность.

— Запомни, я тебе последний раз говорю, чтобы ты оставил нас в покое. К моему сыну ты не имеешь никакого отношения. Никакого.

Но Шабарин настырно трепыхался в руках удерживающего его Ивана и сдаваться никак не хотел.

— А кто тогда имеет? Ринберг что ли? — издевательски прокричал он. — А будешь выделываться, я подам в суд и заберу мальчишку! И никто тебе не поможет, даже твой любовник. Поняла?!

Вопреки ожиданиям Юрия после этих слов на Алевтину словно снизошло спокойствия, она даже смогла улыбнуться.

— Попробуй. Этим ты только выставишь себя на всеобщее посмешище — по суду или без, но Арсений не твой сын.

Ринберг из последних сил держал себя в руках, но как бы он не отгораживался от происходящего, слова Шабарина, приправленные изрядной долей яда и прозвучавшие для Ивана как гром среди ясного неба, всё же достигли своей цели. В груди что-то болезненно сжалось так, что стало трудно дышать.

— Размечтался, дурак, о семье: женщина любящая, сын, даже кот и тот есть... Всё будет, но не у тебя, — с горечью подумал Иван.

Сегодня жизнь жестоко над ним посмеялась, а может, его преследовал настоящий злой рок, за то, что возомнил себя самым умным. Вот и получил сполна. Нужно было всё спокойно выяснить про Островскую, а не бросаться из огня да в полымя, как часто любили говорить бабушка Сима и тетушка Боринштейн. В этот раз его принципы сыграли против него самого.

Иван сомневался, что в данном случае ему стоит безоговорочно верить словам Шабарина. Порядочностью Юрий Аристархович никогда не отличался. Он мог просто повернуть ситуацию в свою пользу. Невооруженным глазом было видно, что от Алевтины ему что-то нужно...

Вопреки заверениям собеседника, Ринберг не заметил у Островской особой радости от присутствия Шабарина рядом. Если допустить, что между этими двоими и правда есть чувства, то Иван скорее сказал бы, что они негативные. По крайней мере, со стороны девушки.

Оставалось надеяться, что он не ошибся в своих умозаключениях. Кто знает, на что способны женщины ради своей любви. Его жертвенно и бескорыстно никто никогда не любил, дамы, находящиеся рядом с ним, скорее ценили возможности, которые он мог им предоставить, и до недавнего времени Ивана это, в общем-то, устраивало.

Но, как бы не хотелось, абсолютно отмахнуться от слов Шабарина было невозможно. Кое о чём он всё же не соврал. Неприятная ситуация с тендером семь лет назад действительно имела место. Тогда кто-то из сотрудников банка слил информацию об особенностях проектного финансирования, и их чуть было не обошли. Управляющий лично принес им с отцом извинения и заверил, что все виновные лица уже наказаны по всей строгости. В то время подробности дела Ринберга не особо интересовали. Тендер они выиграли, так что кто и как это сделал— это не его головная боль, почему- и так понятно: ради денег. А сейчас выясняется, что это была Алевтина.

Иван смотрел на Юрия Аристарховича и невольно сопоставлял с ним Арсения Островского, выискивая между ними знакомые черты. Но сколько ни старался не нашел ни одной. Возможно ему так хотелось обмануться.

Было бы легче, если бы Шабарин ударил его физически. А так сейчас Ринбергу было намного больнее, чем когда в студенческой драке ему сломали нос.

Фото стало контрольным выстрелом для самообладания Ивана. Всё наконец-то встало на свои места, когда он узнал девушку на нём.

Конференция семилетней давности уже почти стёрлась из памяти мужчины, но дерзкую девчонку он помнил. Каким-то непостижимым образом, именно встреча с ней заставила его на многое посмотреть по новому и вернула интерес к жизни, после ухода бабушки Симы.

Тогда Ринберг вновь почувствовал себя юным и беззаботным, ощутил чистые эмоции,

ещё незамутнённые взрослыми предрассудками: после танца на балконе они вдвоём сбежали с гала-ужина, потом бродили по городу и смотрели, как разводят мосты... Уже почти под утро Иван с девушкой оказались у него в номере.

Ещё тогда он ощутил в Алевтине, какой-то надрыв, когда в её глазах, нет-нет, да и проскальзывали отголоски отчаянья и болезненной тоски.

Если бы это не происходило с ним самим, Ринберг никогда бы не поверил, что при первой встрече способен на такие сильные эмоции, кажется, Бунин назвал их «солнечным ударом».

А через пару часов уже он проснулся один... Девушка ушла, так и не попрощавшись.

Искал ли тогда её Иван?

Хотел. Наверное, мог бы, но... Нет

Сейчас, по прошествии лет, Ринберг сказал бы, что испугался тех чувств. В тот момент он решил, что нужно просто оставить всё как есть — было и было. Иногда лучше не узнавать человека ближе, чтобы не ощутить разочарования, которое стало бы неизбежным, окажись она очередной охотницей за состоятельными мужчинами или просто гулящей девкой.

Со временем черты лица девушки немного стёрлись из его памяти, но Иван почему-то запомнил её именно такой, как увидел её впервые — дерзкой девчонкой в черной полумаске смешно болтавшей ногами, сидя на выступе балконных перил.

А вот сейчас, когда, стоя за его спиной, Островская почти кричала, что Шабарин- не отец Арсения. Робкая надежда появилась в душе Ринберга. А вдруг?

С Юрием Аристарховичем ещё предстояло разобраться так, чтобы он надолго запомнил, а то мерзавец совсем зарвался и перешёл все границы.

— Если не мой, то чей это сын, Тинка? — настырный голос Шабарины неприятно будоражил и без того оголённые нервы.

— Достаточно знать, что не твой. Я перед посторонним человеком отчитываться не должна, — резко ответила ему Алевтина, а затем развернулась и пошла к выходу.

— Блудливая сучка... — выругался Шабарин и собрался уже броситься за ней, но ему помешал Иван, который всё ещё удерживал Юрия за грудки. Ринбергу пришлось даже ещё раз хорошенько встряхнуть мужчину.

— Лучше оставайся на месте, Юрий Аристархович, для своего же блага, иначе я за себя не ручаюсь.

Она сжимала кулаки так сильно, что ногти острыми шипами впивались в ладони, если бы Аля надавила ещё немного — остались бы кровавые ранки. Пожалуй, сейчас физическая боль была лишь ей во благо — хорошо отрезвляла и не давала девушке окончательно скатиться в истерику.

Прежде Островская не замечала за собой особой кровожадности, но там, на террасе, Алевтина мечтала ещё хотя бы раз, от души как следует съездить по самодовольной морде Шабарина, который снова попытался положить жизнь Али и её сына на алтарь собственных амбиций. Он открыто продемонстрировал — ему плевать на последствия: что захотел, то и сказал, как удобно, так и повернул — дура-Тинка стерпит, всё равно ей никто не поверит.

— Господи, какая же тварь этот Шабарин! Тоже мне мужик называется, сплетни пускает похлеще базарной бабы, — едва слышно возмущалась Алевтина. — Принесла его нелёгкая на мою голову...

Вся эта мерзкая сцена всё ещё стояла у девушки перед глазами. Островская притормозила, сделала глубокий вдох, чтобы хоть как-то прийти в норму и часто-часто заморгала, ведь слёзы уже подступили так близко, что вот-вот готовы были хлынуть наружу нескончаемым солёным потоком. Ей мучительно хотелось наплевать на правила приличия и со всех ног броситься бежать прочь, чтобы скрыться от любопытных жалящих взглядов, но Аля продолжала идти, размеренно чеканя шаг и высоко приподняв голову, словно назло всем своим бедам.

Островская хотела убраться отсюда, как можно быстрее, но даже вызвать такси не получилось — руки дрожали как у запойного алкаша, и ей никак не удавалось ввести простой код для разблокировки телефона, после нескольких неудачных попыток, она бросила это гиблое дело.

— Алевтина!.. — настойчиво донеслось позади неё, но девушка упорно, шаг за шагом, продвигалась вперёд, не оглядываясь и не останавливаясь ни на секунду. Страшно. Але по-настоящему страшно было обернуться и увидеть презрение в глазах Ивана. Наверное, если бы он продолжал оставаться для неё чужим человеком, ситуация воспринималась бы проще и не казалась такой ужасно безвыходной, но Ринберг подобрался слишком близко к её сердцу, и не считаться с его мнением было невозможно.

— Алевтина, подожди! Да, остановись же ты, наконец! — Ивану потребовалось совсем немного времени, чтобы догнать Островскую. Всего пара широких шагов, и вот уже мужчина идёт рядом. Девушка никак не реагировала на его попытки заговорить, до тех пор, пока он осторожно не придержал Алю за локоть и не потянул в противоположную сторону. — Пойдём здесь, я знаю короткий путь.

— Спасибо тебе, — поблагодарила его Алевтина — иногда простые слова самые искренние. К счастью, они оба это понимали.

Дорогу обратно Островская не запомнила, и одной ей ещё долго пришлось бы блуждать по огромному поместью Боринштейнов, а с Ринбергом они быстро преодолели сквозной боковой коридор, лестницу и оказались совсем с другой стороны дома недалеко от парковки, где их уже ждал Геннадий.

Иван без лишних церемоний настойчиво подтолкнул Алю на заднее сиденье, ловко залез следом и захлопнул дверь.

— Чего стоим? Кого ждём? Гена, заводи уже.

В машине девушка, закрыв глаза, тяжело привалилась к сиденью и её, будто в лихорадке, начало трясти мелкой дрожью, она судорожно обхватила себя руками, пытаясь унять озноб.

— Я...я...не хочу...Он... — Алевтина тихо всхлипнула, и горькие, с огромным трудом сдерживаемые слёзы всё-таки прорвались сквозь установленные Алей хрупкие барьеры.

Ринберг не придумал ничего лучше, чем придвинуться ближе к девушке, так чтобы между ними почти не оставалось расстояния. Он мягко, но довольно настойчиво притянул Островскую к себе и крепко обнял.

— Тихо. Тихо... Нечего сырость разводить. Всё пройдёт.

Так и не открывая глаз, Алевтина молчала, обречённо уткнувшись мужчине в плечо, она подпитывалась его силой и спокойствием.

— Я... — снова решила заговорить девушка, но Иван был, видимо, не настроен что-либо выяснять сейчас, когда у обоих ещё не утихли эмоции.

— Аля, послушай меня. План такой — мы едем домой, ты отдыхаешь. Пообещай, что не будешь себя накручивать. Завтра я приеду, и мы спокойно обо всём поговорим. Хорошо?

Спорить с ним не было ни малейшего желания — она коротко кивнула, соглашаясь. Так действительно будет лучше для всех.

Оставшуюся дорогу они преодолели молча. Ринберг продолжил успокаивающе её поглаживать и так и не разжал рук, надёжно обнимавших Алю.

Когда машина остановилась у дома Алевтины, девушка почти полностью смогла взять себя в руки, но в тусклом свете уличных фонарей на её лице всё ещё отчётливо блестели мокрые дорожки.

Как и многие мужчины, Иван терпеть не мог женских слёз, им, как вражеским лазутчикам, удавалось проникать сквозь эмоциональную броню мужчины и выводить его из себя. Не имело значения, какой была первопричина сброшенного на него мокрого десанта: действительной или мнимой — Ринберга всегда пробирало до основания. В его жизни слишком часто женщины использовали слёзы как оружие или элемент торга.

Но сейчас в Островской не было ни грамма фальши, он бы сразу это понял. А пока, насколько Иван видел, если она что-то и хотела — снова убежать от него, не попрощавшись, как тогда — семь лет назад.

— Спасибо за всё. Не надо меня провожать, — спокойно сказала Аля, но при этом в её тихом голосе отчётливо слышалась бескомпромиссность.

— Хорошо, — Ринберг не стал лишний раз на неё давить и настаивать на своём, хотя видит Бог, ему этого очень хотелось. — До встречи, Алевтина.

Иван всё-таки вышел из машины и задумчиво смотрел ей в след, пока девушка шла по двору до своего подъезда.

В поздний час в спальном районе лишь в редкие окна квартир были освещены, но он дождался, когда у Островских зажжётся свет — кажется на кухне. Тогда Ринберг позволил своему напряжению выйти наружу, словно распрямилась и выстрелила пережатая пружина.

Мужчина быстро провел рукой по коротким волосам, хотя хотелось буквально схватиться за голову, гудящую от обилия мыслей — они почти разрывали его изнутри.

Может потом ему будет стыдно за свой поступок, но дольше оставаться в неведении он не мог. Иван мрачно посмотрел на часы, и обречённо набрал нужный номер.

— Ринберг, тебе что там, среди ночи деревенский воздух в голову ударил? Что за

срочность? Ты вообще видел, сколько сейчас времени. Нормальные люди уже давно спят в тёплых супружеских постелях, — недовольным голосом проворчал сонный Данилевский.

— Так то — нормальные, а не мы с тобой, — невесело усмехнулся Иван.

— И то верно. Что за дело у тебя там, не терпящее отлагательств?

— Сразу бы так. А хочу, чтобы максимум к утру у меня была вся информация на Алевтину Андреевну Островскую и её сына Арсения. Особенно меня интересует период семилетней давности: её работа в банке, наш чуть было не провалившийся тендер и какое отношение ко всему этому имеет Шабарин.

— Даже так?! Ты решил взяться за ум и пробить-таки свою пассиву по всем каналам? — в голосе Владимира Михайловича появилось одобрение. — Это хорошо. Но я тебе и так могу сказать, что парни по ней уже работали. Если бы там что-то было, то они бы уже нашли.

— Совсем оборзели — за моей спиной проверки устраиваете! — огрызнулся Ринберг. — А искали так же как по Крупельницкому?..

— Не заводись, никто её специально не трогал. Стандартно проверяли всех сотрудников «Академии риэлти». А старик поначалу не вызывал особых подозрений. Нашли же. Всё сделаем в лучшем виде, так что сам отдыхай и другим не мешай. Добро?

— Добро.

Для Алевтины это была трудная ночь. Воспоминания московской жизни настойчиво лезли в мысли, не давая уснуть.

Тогда семь лет назад ей казалось, что время тянется бесконечно, а прожитые минуты, часы, дни сливаются в бессмысленное ничто...

Так же, как раненное животное стремится уползти и забиться в свою нору, так и Островская мечтала спрятаться от целого мира: закрыться дома в тишине, никого не видеть, не слышать и просто повить в подушку от осознания собственной наивности, опасно граничащей с глупостью.

Она не чувствовала в себе ни сил, ни желания, чтобы разговаривать с кем-либо: неважно с кем коллегами или клиентами, но ей приходилось это делать постоянно.

Выглядела Аля ужасно: бледная, уставшая с тёмными кругами под глазами — мумия в краеведческом музее и та была во сто крат краше.

Поездка с Шабариным и незабываемая встреча с его, как оказалось, невестой оставили настолько яркий след в её душе, что Алевтина толком не могла ни есть, ни спать, снова и снова мучительно переживая моменты своего унижения и горького разочарования. Стоило Але только прикрыть глаза, как перед ней вставало перекошенное от ярости лицо Юриной невесты. А самое ужасное, что она её прекрасно понимала.

Когда-то давно мама говорила ей, что если произошло неприятное нужно постараться и перетерпеть три дня, а потом обязательно станет легче. С момента её возвращения из неудачной поездки, прошла без малого неделя, а легче почему-то не становилось...

— Зачем только я согласилась? Господи, это какой же нужно было быть дурой, чтобы поверить в искренний интерес и серьёзные намерения Юрия?.. — от самобичевания Але становилось только хуже, но остановиться девушка не могла.

Словно наказывая себя за доверчивость, она уже сотни раз пересмотрела все доступные источники в интернете, с каким-то остервенелым мазохизмом продолжая истязать себя информацией о романах Шабарина. Странно, а ведь раньше это даже не приходило ей в голову... Видимо правду говорят, что ум у сердца в дураках.

— Аля...Алевтина...Островская!.. Ты что там оглохла? — писклявый голос Катеньки, заглянувшей в кабинет, быстро возвратил её в реальность.

— Нет, конечно, — для убедительности Аля отрицательно покачала головой. — Прости, задумалась. Ты что-то хотела?

— Ну да...ну да. Задумалась она, — с сомнением протянула коллега, и Алевтина почувствовала на себе её внимательный взгляд. — Тебя Филипповна разыскивает. Она уже злая, как я не знаю кто. А ты здесь трубку не берёшь — медитируешь в своё удовольствие.

Не хватало только привлечь к себе внимание и попасть к начальнице на карандаш.

— Спасибо, что предупредила. Я сейчас.

— Да, ладно...

Островская поднялась со своего места и невесело побрела в святая святых их отдела — кабинет руководителя. Она сначала постучала и только потом заглянула.

— Виктория Филипповна, вызывали?

— Алевтина, проходи, присаживайся. У меня к тебе есть серьёзный разговор.

Тревожное предчувствие сжало сердце.

— Сколько ты уже у нас работаешь? Год?

— В банке почти три, в вашем отделе чуть меньше года... — уточнила Аля.

— Вот и отлично. Ты ведь знаешь, что ежегодно наш банк является одними из спонсоров проведения федеральной конференции по строительству? — настроение у Филипповны было на удивление приподнятое.

— Да, я знаю.

— Обычно подготовкой и сопровождением партнеров-участников занимается Юлия Викторовна, но... — в этом месте женщина сделала эффектную паузу. — По личным обстоятельствам она, к сожалению, не сможет присутствовать, и кто-то должен её заменить. Мы подумали, и она предложила твою кандидатуру.

— Да?.. — удивилась Островская, с Юлией Викторовной они не очень-то и ладили в последнее время. — Это очень большая ответственность.

— Всё уже обговорено и почти готово. Осталось только проследить, чтобы ничего не перепутали.

— Я не...

— Не уверена? За то я уверена — ты справишься. Заодно и Питер посмотришь, — подбодрила девушку Виктория Филипповна, а потом добавила всё-таки ложку дёгтя. — Куда ты денешься. Принимай дела, заказывай билеты, оформляй командировку. Можешь считать это бонусом за отличное выполнение квартальных показателей.

За ночь Иван тоже не сомкнул глаз, всё думал, как же он мог так сильно облажаться. Можно сказать, что на ту конференцию в Питере семь лет назад он попал случайно.

— ...и в завершении...хотелось бы отметить, что именно разработка механизмов... — хорошо поставленным голосом модератор уверенно подводил итоги сегодняшнего непростого обсуждения, а это означало, что панельная дискуссия «О перспективах развития жилищного строительства в регионах», длившаяся уже значительно дольше заявленного по таймингу часа, успешно подошла к концу.

Многие присутствующие в зале, а среди них Ринберг, испытали невольное облегчение. Всё действие порядком затянулось, хотя, стараясь сделать обсуждение интересным и информативным, ведущий потрудился на славу: если обмен мнениями заходил в тупик, он направлял участников в нужное русло, своевременно задавал вопросы аудитории, умело смещал акценты внимания с одного спикера на другого.

Иван скептически относился к подобного рода дискуссиям, считая их пустой тратой времени и сил. Для него всё происходящее было сродни попыткам неумелой шарлатанки погадать на кофейной гуще, предсказывая будущее. Слишком много неизвестных переменных для обоснованного заключения, но отказываться от участия он не стал, чтобы не подвести отца, тому и так приходилось нелегко в последнее время. На конференцию в качестве спикера Ринберга-старшего пригласили полгода назад, и Соломон Оскарович подтвердил своё согласие.

Но неожиданно жизнь внесла в его планы неприятные коррективы: две недели назад Серафима Аароновна Ринберг — любимая мать и бабушка — тихо во сне покинула этот мир. Для всей семьи её уход стал настоящим потрясением, но особенно подкосил сына и внука. Несмотря на свой почтенный возраст, госпожа Ринберг вела настолько активный образ жизни, что никто даже и предположить не мог возможность такого исхода: в её последний вечер они всей семьёй поужинали в загородном доме, а к завтраку Серафима Аароновна уже не спустилась. Вот так в один миг нежданно-негаданно семью Ринберг постигло горе.

Впервые за всю его взрослую сознательную жизнь Иван Соломонович Ринберг потерял настолько родного человека, с бабушкой Симой они были очень близки. Умом мужчина понимал, что все люди смертны, но только теперь весь чудовищный смысл этих слов обрушился на него, сметая осознанием, что никогда уже ничего не будет так, как прежде. Он ощущал пустоту и просто не знал, чем её можно заполнить. Да и нужно ли пытаться?

Если бы Иван был хоть немного верующим человеком, то сказал бы, что у него болела душа, но, чтобы не усугублять и без того шаткое эмоционально состояние родителей, он всё переживал в себе. Да, в тяжёлый момент Ринберг-младший подставил плечо и стал настоящей опорой семьи, и вот сейчас вдали от родных в совершенно неподходящее время его вдруг накрыло — пошёл откатом. Толпа людей, вспышки камер, красивые слова на публику, большинство из них хвастливые чинуши забудут уже завтра — он вдруг искренне ощутил бессмысленность происходящего вокруг, но не мог подвести отца, которому врачи запретили любое волнение, а потому Иван занял его место на конференции. Организаторы не делали между ними особой разницы и с облегчением заменили одного Ринберга на другого. Статусность была соблюдена по всей форме.

Ивану пришлось перекраивать график — в связи с плохим самочувствием отца, дел

стало в разы больше, свободного времени хронически не хватало. В город он смог прилететь только на второй день конференции за два часа до начала панельной дискуссии, которая, к счастью только что завершилась.

Первым делом Ринберг позвонил отцу, но тот не взял трубку, тогда он набрал матери, та в отличие от мужа ответила сразу, будто только и ждала звонка.

— Здравствуй, сынок.

— Привет, ма. Где отец? Почему трубку не берёт? — Иван по-настоящему беспокоился за отца.

— Процедуры у него. Недавно медсестра забрала.

— Хорошо.

— Сынок, мы смотрели трансляцию. Ты молодец, — родной голос был пропитан гордостью.

— Мам, это просто работа. Лучше скажи, как отец?

— А то ты не знаешь... — немного устало вздохнула женщина. — Всё нет-нет, да и порывается в офис.

— Что за детский сад, врач же запретил ещё как минимум на месяц.

— Запретил, но ты же знаешь отца — он уперся как бык.

— Знаю, позвоню ему вечером, — пообещал Иван, успокаивая мать.

— Позвони. Мы любим тебя, сынок.

— Я вас тоже.

У родителей всё вроде было в порядке, и это не могло не радовать. Осталось совсем немного — переговорить с несколькими нужными людьми на гала-ужине, и он свободен как ветер.

Ноги болели нещадно, словно тысячи острых иголок впивались ей в стопы, но Островская терпела и продолжала улыбаться, пусть даже и через силу — держала марку. Алевтина не раз недобрим словом вспоминала собственную глупость, которая подтолкнула её выбрать туфли на высоком каблуке, руководствуясь принципом — встречаются по одежке. Одно дело носить их в офисе, и совсем другое наматывать километраж в павильонах конференции. После всей суеты Але казалось, что за прошедшие два дня она пробежала марафон в добрую сотню километров.

Радовало одно — мучиться оставалось совсем не долго — ещё пара часов гала-ужина и можно будет отдыхать с чистой совестью. Девушка подумала и решила всё же последовать совету Виктории Филипповны: завтра она собралась немного развеять свою тоску по Шабарину, погулять по городу, а потому уже поменяла билеты с утреннего самолёта на вечерний поезд.

Вечер шёл своим чередом: её подопечные рассеялись по залу, и каждый выглядел вполне довольным, только господина Ринберга снова не было видно.

— Ну и чёрт с ним! Пусть сам себя развлекает, — в сердцах сказала Аля, боль в ногах стала практически нестерпимой, хотелось срочно избавиться от туфель или, в крайнем случае, хотя бы немного отдохнуть, желательно вдали от любопытных глаз. — Кажется, где-то на втором этаже я видела балкон...

К счастью Алевтина оказалась права, и уже через несколько минут, потраченных на поиски, она осторожно притворила желанную дверь и огляделась, мало ли что. С первого взгляда на просторном балконе никого не было.

— О нет... — разочарованно простонала Островская, когда поняла, что присесть ей было не на что. Вопреки всем ожиданиям, здесь не оказалось даже стула. Выбор был невелик: пол или небольшой выступ, чуть пониже перил.

— Что ж, видимо не судьба... Не была леди, нечего и начинать... — сказала Аля, разглядывая ночной город.

Решение она приняла довольно быстро. Островская подошла к перилам, повернулась спиной и легко подтянулась, чтобы примоститься на свободное пространство. Чтобы восстановить кровообращение, Алевтина стала болтать ногами, удерживая туфли на самых кончиках пальцев, как озорная девчонка, сидя на качелях.

Если подумать, то в целом на конференции для неё всё сложилось довольно удачно. Можно было даже смело считать, что миссия успешно завершена. Конечно, не обошлось без происшествий, и пару раз ей пришлось изрядно понервничать: когда не сработала презентация во время выступления одного из спикеров, или когда представитель «РиелтИнвестСтроя» не прилетел в первый день конференции, а контактные лица компании не отвечали на протяжении нескольких часов. Но всё хорошо, что хорошо кончается. Ещё пара часов и можно смело выдохнуть...

С точки зрения девушки, у кого-то из организаторов мероприятия были довольно специфические вкусы — финальный гала-ужин проводился с элементами венецианского карнавала, при входе всем желающим выдавали черно-белые полумаски.

На удивление быстро среди присутствующей публики нашлось много желающих воспользоваться данным атрибутом сегодняшнего вечера не только среди дам, но и среди

кавалеров. Надев маску, человек словно отпустил себя в свободное плавание — с каждым часом всё громче становились мужские разговоры, а женский смех — всё веселее.

После недолгих раздумий Аля тоже натянула маску, она и так чувствовала, что играет чью-то роль и занимает чужое место.

Нехорошее предчувствие грызло Островскую, хотя по ощущениям всё прошло нормально. Виктория Филипповна должна в итоге остаться довольна. Вот только Юлия Викторовна снова решит, что Алевтина подсиживает её и мечтает занять хлебное место.

Но пустить всё на самотёк и не выполнить поручение, чтобы не составлять кому-то конкуренции, Аля тоже не могла. Это просто глупо. Зря, что ли, она свои нервы тратила? Чего только стоил Иван Соломонович Ринберг, пропустивший все мыслимые сроки регистрации и явившийся почти к самому началу панельной дискуссии... Очень серьёзный господин — глыба, а не мужик, не знаешь даже, с какой стороны к нему лучше подступить. Островская видела его и раньше ещё в Москве: он приезжал в банк вместе с отцом, она тогда ещё провожала их в кабинет к Юлии Викторовне, пока Филипповны не было на месте. Вряд ли Ринберг её запомнил- слишком много чести для такой мелкой сошки.

В этот раз ей даже подойти к нему не удалось. Все материалы пришлось передавать то ли через личного помощника, то ли через сопровождающего секретаря.

Манерная девица, видимо мнящая себя Стервеллой де Виль, чуть-чуть приоткрыла дверь номера, пренебрежительно оглядывая Алин наряд в лаконичном черно-белом офисном стиле.

— Это всё? Мы ознакомимся, — не успела Островская ответить, как дверь уже захлопнули у неё прямо перед носом.

— Уф, мегера, — Алевтину передернуло от неприятных воспоминаний. Помощница Ивана Соломоновича слишком напоминала манерами невесту Юры, та тоже смотрела на Алю свысока, так будто хотела раздавить нерасторопного таракана у себя под ногами.

Девушка прикрыла глаза, стараясь отогнать непрошенные мысли, режущие душу по живому.

— Хорошо, — вдруг раздался мужской голос откуда-то со стороны.

От неожиданности Островская вздрогнула, а туфли с грохотом ударились об пол.

— Симпатичная малышка, — подумал Иван, исподтишка разглядывая девчонку, нарушившую его уединение. С нужными людьми Ринберг уже успел переговорить, а после позволил себе скрыться здесь от не в меру любопытных и наигранно сочувствующих знакомых, которые своим неуёмным интересом только разбредили ещё не зажившую рану. Вечер набирал обороты, но ему было совсем не до всеобщего веселья. Мужчина решил понаблюдать, что дальше будет делать незнакомка.

Она юркнула в дверь, тихо стуча каблучками, огляделась по сторонам, но не заметила Ивана, стоявшего в тени небольшого декоративного выступа на стене здания. Что ж, так даже интереснее... Девушка ловко забралась на выступ у балконных перил, при этом её платье немного приподнялось вверх, привлекая внимание к стройным ногам. Господи, что это с ним? Ринберг решил, что ведёт себя как доморощенный маньяк, подглядывающий в замочную скважину соседей, но как же приятно вновь ощутить живые эмоции, пусть и на миг.

— Хорошо! — не сдержался Иван и произнёс это вслух.

— Ааа... Кто?.. — единственное, что успела произнести незнакомка, до того как от неожиданности потеряла равновесие и стала заваливаться на бок.

Мужчина стремительно метнулся вперёд из своего нехитрого укрытия и всё-таки успел поймать её в свои объятия. Так они и замерли на месте: двое, ночь и громкий стук взволнованных сердец.

— Простите. Я не хотел испугать, — первым выдохнул Ринберг.

— И, тем не менее, у вас это прекрасно получилось, — ершилась девушка.

В ответ Иван успокаивающе погладил по её плечам, ещё крепче прижимая к себе незнакомку.

— А... курить? — неразборчиво пробубнила она, уткнувшись ему в плечо.

— Странно, — подумал Ринберг и незаметно втянул воздух возле её уха — запах сигарет ему уловить не удалось, хотя обычно волосы курильщиков мгновенно впитывают табачный дым.

— Что вы сказали? Хотите курить? — уточнил Иван, продолжая удерживать её в кольце своих рук.

В ответ девушка возмущённо задышала чаще, или ему это просто показалось.

— Не люблю курящих женщин, — зачем-то сказал Ринберг, и, словно подавшись порыву, изучающе провёл рукой по спине незнакомки. — Сам не курю и вам не советую.

— Какое счастье, что я — не ваша женщина. Может, вы меня всё-таки отпустите? — она попыталась освободиться, неловко сползая куда-то вниз. — Я предположила, что это вы хотели курить.

— Стареешь, Иван, вместо того чтобы уделить внимание хорошенькой девушке нравоучения ей начал читать, идиот, — усмехнулся мужчина, задумавшись о своём брюзжании, а вслух спросил. — Отпущу. Уверены, что сможете удержаться самостоятельно? По-моему ваш трон не внушает никакого доверия.

— Я просто не ожидала, что здесь есть кто-то ещё.

Мужчина немного отстранился, чтобы она смогла его лучше рассмотреть, в отличие от девчонки, маски на нём не было — что поделать, не любил он глупых игр и точка. Незнакомка продолжала его сосредоточенно разглядывать, а Ринберг изучал её в ответ: взъерошенная как воробей, но такая серьёзная птаха попала в сети, даже отчитать его посмела.

— Потанцуем? Зачем же зря объятьям пропадать...

— Это что такое сейчас было? Пикап по методу классики советского кинематографа: «Вы... привлекательны. Я... чертовски привлекателен. Чего зря время терять?». Да?

И девушка, и вся ситуация в целом показались Ивану забавными, фразы он узнал сразу — бабуля Сима тоже любила «Обыкновенное чудо» Марка Захарова. Ринберг улыбнулся и перевел взгляд на маленькие пальчики на аккуратных ножках, которые смешно поджимала малышка.

— А, может, всё-таки рискнём?..

— Бжж-жжж-ж... — монотонный звук, настойчиво раздававшийся где-то рядом, варварски вырвал Юрия из объятий сна, однако мужчина по-прежнему пытался его игнорировать — он повернулся на другой бок и накрыл голову подушкой. Виски мгновенно прострелило болью, а назойливое гудение всё ещё продолжалось.

— Что за чёрт, — хрипло пробормотал Шабарин и нехотя начал шарить по постели в поисках телефона, который даже и не думал умолкать. Не смотря на вполне ощутимую вибрацию мобильник, словно живой, никак не хотел идти к нему в руки. Потрав на попытки несколько минут, Юрий всё-таки его нащупал.

— Да? — ответил он, даже не удосужившись посмотреть, кто именно ему звонит.

— Милый... — потянуло из трубки с придыханием. — Шаба-милый, ты меня слышишь?..

От слащаво-приторного голоса нестерпимо захотелось поморщиться. Для полного счастья ему сейчас и не хватало только этой меркантильной стервы. Может быть, в постели бывшая жена Ринберга была и ничего, но в остальном дура полная. Он уже тысячу раз пожалел, что вообще с неё связался. Блестящая с виду идея использовать Бражникову внезапно обернулась полным провалом, в чём он вчера и убедился. Так и не открывая глаз, Юрий молча отключился, но телефон продолжил настойчиво звонить, только усиливая накатившее раздражение. Мужчина повернулся на спину и задумчиво уставился в потолок — что-то в последнее время у него ничего не ладится, вот и новый день снова не радовал.

Тинка-Алевтинка вчера преподнесла ему неприятный сюрприз своим близким знакомством с Ринбергом, в котором теперь уж точно не приходилось сомневаться. Шабарину было неприятно об этом думать, но, похоже, предположения Маслова были правдивыми.

Юрий увидел парочку вместе, и его словно перемякнуло: захотелось оторвать голубков друг от друга, во что бы то ни стало раз и навсегда. Он пристально следил за ними, но решение последовать за Иваном Соломоновичем возникло спонтанно. Шабарин не сомневался, что если Ринберг не будет путаться у него под ногами, то и Тинка сразу по-другому запоёт, а пока она что-то слишком смелая стала. У Юрия просто не укладывалось в голове, как так могло случиться, что милая простушка Тина, безумно в него влюбленная когда-то, вдруг обернулась светской львицей и предпочла ему другого. Сейчас она показала себя совершенно с другой стороны. Без сомнения Островская блистала на дне рождения госпожи Боринштейн: шутила, улыбалась, танцевала...но не с ним. Приходилось признать, что он просчитался, не восприняв кандидатуру Тины в серьёз, и сделал неверную ставку.

Тёмная лошадка Островская, как элитное вино, с годами стала только лучше, в то время как его повёрнутая на пластических операциях жена изрядно подурнела, сейчас она в очередной раз лечилась от депрессии в какой-то европейской клинике, куда её устроил тещь. Если честно, Шабарина не особо волновало, в какой именно, у него были занятия гораздо интереснее.

Пока Юрий предавался размышлениям, его телефон, стоящий на беззвучном режиме, всё ещё продолжал вибрировать.

— Вот же настырная сучка! Не угомонится никак, — зло процедил мужчина, но решил ответить. — Слушаю? Чего тебе?

— Милый, я не поняла, ты что бросил трубку? — в женском голосе ошутимо проявились капризные нотки маленькой девочки.

— Илона, лучше не доставай меня сейчас- без тебя тошно, — не церемонясь, с ходу предупредил Шабарин.

— О, милый, прости. Тебе плохо, котик? Хочешь, я приеду? — не сдавалась Бражникова.

— Дура, куда ты приедешь? Я не в Москве, — проорал Юрий в трубку, но пиявка так и не захотела отцепиться.

— Милый, не будь таким строгий? Разве ты не рад слышать свою девочку? Я скучаю. Ты пропал куда-то...

Шабарин до боли сжал зубы и закрыл глаза: если сначала ещё было забавно пользоваться бывшую супругу Ринберга, то сейчас она его только невероятно раздражала.

— А чему я, по-твоему, должен радоваться, Илона? Вместо того чтобы нормально выполнить наконец-то свою часть договора, ты там скучаешь...

— Ну, Шабочка, ты чего? У меня всё чётко, он уже почти готов есть с моих рук. Я всё успею, мне только надо...

— Какой я тебе Шабочка? Совсем за дурака меня держишь? — прервал Юрий поток женских излияний. — Пока ты там сверкаешь прелестями по тусовкам и просаживаешь вложенное в тебя бабло, Ринберг, который якобы тебя обожает, уже с другой бабой вовсю трётся. А ты скучай дальше! Не копейки больше от меня не получишь.

— Не может быть... — ошарашенно прошептала Бражникова. — Он не мог.

— Ещё как мог. Ты хотя бы представляешь, где он вообще? Не заставляй меня думать, что ты полный ноль — даже простейшее поручение не смогла выполнить.

— Я всё сделала, как ты сказал, — огрызнулась Илона в ответ.

— Если бы ты всё сделала, как надо, мы бы сейчас не разговоры разговаривали, а делили денежки твоего муженька.

Ринберг в очередной раз набрал номер Алевтины, и снова, словно в насмешку, механический голос равнодушно сообщил ему, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

От злости и разочарования мужчина, не сдержавшись, резко ударил по двери кулаком, но боли почти не почувствовал. Иван встряхнул рукой и устало прислонился лбом к прохладному дверному полотну. Нужно было успокоиться и основательно подумать.

В ответ на его буйство из квартиры Островских послышалось возмущенное:

— Мя-мяу, — в переводе с кошачьего это, по видимому, должно было означать что-то вроде вали-ка ты отсюда по добру, по здорову. Сегодня даже мохнатая животина, и та мечтала поскорее избавиться от присутствия Ринберга, но, откровенно говоря, его это мало волновало, гораздо больше Ивана интересовал вопрос: куда за те несколько часов, что они не виделись, могла исчезнуть Алевтина, да ещё вместе с сыном.

После того как телефон оказался выключенным, а дверь в квартире никто не открыл, первым предположением Ринберга было, что Островская снова сбежала в неизвестном направлении, пока он, дурак, выжидал до девяти утра, чтобы дать ей время выспаться и прийти в себя, хотя сам он уже давно был на ногах.

Как только первые лучи солнца показали из-за горизонта, Иван открыл глаза и уснуть больше не смог. Несколько часов он метался по квартире, как дикий зверь, пойманный в клетку: изучал, анализировал присланные файлы из досье Островских, пока не принял для себя окончательного решения и не наметил план действий.

В любую минуту Ринберг готов был сорваться с места, чтобы увидеть Алевтину и наконец-то объясниться с девушкой по-человечески: откровенно и без малейших недомолвок — как они оба того заслуживали. Но, когда он это сделал, оказалось, его ожидал лишь кот.

— Мур-мя-мяу! — громко простонал закрытый в квартире Лешек, снова уловив подозрительное движение за дверью.

Ринберг открыл глаза и улыбнулся.

И почему он раньше до этого не додумался?

Как бы там ни было, но бросить своего питомца Островские точно не могли, а значит рано или поздно Алевтина с Арсением вернуться, но дольше ждать Иван не хотел, всё его терпение закончилось ещё вчера.

Почти бегом Ринберг спустился по лестнице со второго этажа и с силой толкнул дверь подъезда. Незачем время напрасно терять, нужно немедленно найти Островских.

К счастью, ему не пришлось долго ждать — буквально через тридцать минут он уже точно знал местонахождение Алевтины и её сына. Благодарить за это стоило обилие гаджетов в современной жизни: телефон Али по-прежнему находился вне сети сотовой связи, но умные часы Арсения всё же удалось засечь одной из вышек недалеко от их дома.

Когда Иван вернулся в машину, Геннадий без труда уловил напряжение в поведении начальника, поэтому не стал задавать лишних вопросов и молча доставил Ринберга прямо к воротам городского парка. Водителю оставалось только догадываться, что или скорее кого Иван Соломонович там забыл. В конце концов у богатых свои причуды!..

Иван увидел их издалека.

Островская не только ни от кого не скрывались. Они напротив находились в очень людном месте, предназначенном для семейного отдыха. Алевтина вместе с Сенькой и своей вечной подружкой Евой организовали пикник, расположившись в одной из крытых беседок парка.

Ринберг сразу же обратил внимание, что Островская сидела, укрывшись клетчатым пледом, хотя на улице было тепло, а тёмные солнцезащитные очки только ещё больше подчеркивали неестественную бледность девушки.

Подружка её что-то тараторила, не умолкая ни на секунду, и при этом успевала активно жестикулировать, сама же Алевтина молчала, лишь время от времени, будто нехотя, кивала или отрицательно мотала головой.

Сенька нашёлся здесь же: мальчик резвился неподалёку вместе с девчушкой чуть постарше.

Аля сняла очки и пристально посмотрела на Ивана. И от этого её взгляда мужчину пробрало так, будто она заглянула в самый тёмный закоулок его души.

Он поднял руку для приветствия, Островская кивнула и грустно улыбнулась, будто поняла без слов, что ещё совсем недавно Ринберг подозревал её в побеге.

Иван выдохнул, ведь она даже и не думала оправдывать его худшие ожидания. Просто случилось недоразумение. В жизни и не такое бывает.

Ева настойчиво продолжала разговаривать с Алевтиной, зря только старалась — Ринберг уже прочно завладел вниманием девушки.

Сейчас каждый его шаг, приближал Ивана прямо к желанной цели.

— Привет!

— Привет...

— Не застал вас дома, — Ринберг не стал ходить вокруг да около.

— Я думала, что ты позвонишь, — спокойно ответила Островская.

— А я и звонил тебе.

— Да?.. Странно, я не слышала, — вот теперь Алевтина искренне удивилась, наклонилась за рюкзаком и стала неуклюже в нём рыться в поисках телефона. — Надо же, сети нет... Похоже что мой не убиваемый телефон умер в самый неподходящий момент.

После этих слов Аля замолчала. Иван тоже не спешил продолжать разговор. И даже Ясная на минуту притихла, переводя испытывающий взгляд с одного на другого.

— Ладно, Аль, мы, пожалуй, с Сенькой сходим, купим мороженое, как он хотел. Вы здесь не скучайте, — Ева быстро протиснулась мимо Ринберга, стоявшего на входе в беседку, и унеслась прочь.

Иван прошёл внутрь и опустился на скамейку с правой стороны стола, тем самым оказавшись напротив Островской.

— Знаешь, моя бабушка Сима любила стихи и меня заставляла читать. Помню, я даже немного злился, думал, что это просто чушь собачья, а оказалось, сам попался. Некоторые до сих пор помню... Лицом к лицу. Лица не увидеть. Большое видится на расстоянии.

Аля пожалала плечами, озадаченная неожиданной переменой в его настроении.

— Есенин...кажется.

— Да. Ты по-прежнему ничего не хочешь мне рассказать? — задал Ринберг наводящий вопрос, деликатно подталкивая девушку к разговору.

— А надо? Думаю, ты уже и так всё знаешь, иначе бы вряд ли пришёл.

— Вот сейчас ты не права, я пришёл бы в любом случае.

— Хорошо, если так, — Алевтина совсем не разделяла его уверенности, чтобы придать себе сил она сжала кулаки под столом и решительно продолжила. — С одной стороны, устала от недосказанности, а с другой начать никак не могу. Ты лучше спроси, постараюсь ответить, хотя и не хочу, чтобы всё, что я сейчас скажу, выглядело как оправдание.

Мужчина перевел взгляд на её губы и задал свой первый по-настоящему важный вопрос.

— Почему по документам твой сын Иванович?

— Наверное, потому, что он Иванович и есть! — грустно улыбнулась девушка.

— То есть Арсений...он...мой? Мой сын?

— Да! — тихо выдохнула Островская, даже глядя в сторону, она ощущала на себе его взгляд, то, как внимательно он следит за ней.

— Почему ты мне не сказала?

— А когда, по-твоему, я должна была сказать? Тогда, когда мы не знали друг друга, или сейчас, когда ты меня даже не узнал? — Алевтина закрыла лицо руками, ведь непрошенные слёзы почти выступили из глаз.

— Аля, семь лет... Мы потеряли семь лет... Я могу понять, что ты сбежала из отеля, не потом, когда узнала, что беременна.

— И ты бы поверил женщине, которая провела ночь с первым встречным?

— Чёрт возьми! О чём ты вообще говоришь?! Я никогда так о тебе не думал. И в любом случае не отказался бы от своего ребёнка, — почти сорвался Иван.

Островская встала, обхватила себя руками, повернулась к нему спиной и только после этого снова стала говорить.

— А ты знаешь, я хотела, но как-то не случилось... Не люблю вспоминать об этом, но тебе расскажу, в общем не прошло и недели с моего возвращения из Питера, как меня выкинули с работы.

— Это то, о чём говорил Шабарин? — уточнил Ринберг.

— Нет, ты, конечно можешь мне не верить, но это не я сдала ваш проект конкурентам, у меня даже доступа к нему не было, но после того как вы с отцом навели в банке шороху и потребовали найти виновного, я стала очень удачным козлом отпущения. В общем, никто особо никого и не искал.

— Почему именно ты?

Алевтина посмотрела на него через плечо и немного цинично усмехнулась.

— Шабарин довольно открыто оказывал мне знаки внимания, и в банке об этом знали, мы там и познакомились. Сейчас я даже думаю, что сделал он это специально.

— Я с ним ещё разберусь! — пообещал Иван.

— По большому счету теперь это совсем не важно. Мне четко обрисовали все возможные перспективы, вплоть до уголовного преследования, если я вздумаю артачиться и что-то доказывать. А так всё довольно не плохо закончилось: мне выплатили выходное пособие за два месяца, и я вернулась сюда.

— И?..

— И спустя месяц узнала, что беременна. Честно говоря, я долго думала и далеко не сразу решила рассказать тебе. На пятом месяце приезжала даже в Москву, почти целый день в холе вашего офиса проторчала, всё ждала, пока твоя сопровождающая секретарша спустится, как обещала, но она вместо этого телефон отключила, а других контактов не было. Голова закружилась, и меня на скорой увезли, — Островская говорила вроде

спокойно, но между тем невысказанная горечь сквозила в каждом её слове.

— Я не знал...

— Понимаю. После моей выписки ты уже уехал. Потом было как-то не до этого: роды, крошечный Сенька... А после твоей свадьбы я и вовсе решила, что видимо не судьба и нечего в чужую семью лезть. Мы друг другу ничего не обещали, так что всё честно.

— Честно?! — зло усмехнулся Ринберг. — По-твоему столько лет одной тащить на себе ребёнка — это честно? Что тебе мешало сказать про сына, когда мы снова встретились?

— И как же ты себе это представляешь? — не осталась в долгу Алевтина. — Здравствуйте, Иван Соломонович! Как у вас с памятью? Хорошо? А помните, как мы с вами переспали лет семь назад? Так вот у вас сын есть.

— Аля, какая ты у меня всё-таки дурочка, хоть и очень умная.

— У тебя? — Островская даже села на прежнее место от неожиданности.

— Да, у меня, только так и никак иначе, — Иван пересел на сторону девушки, притянул её к себе и поцеловал так жадно и настойчиво, будто от этого зависела вся его дальнейшая жизнь. А, может быть, так оно и было.

И пусть прошедших лет не вернуть, но это его женщина, его сын, его семья. Теперь он уж точно их никуда не отпустит, а всё остальное можно решить.

Иван оторвался от созерцания вида из окна. Настроение было ни к чёрту. Вынужденная разлука с Алевтиной и Сенькой давалась ему нелегко, но он должен был вывести из-под удара свою семью, а потому пришлось отправить их от себя подальше — к морю, как и мечтала Аля, сделав вид, что слова Шабарина достигли цели, и Островская перестала его привлекать в личном или профессиональном плане.

Ожидание сводило Ринберга с ума, хотелось как можно быстрее закрыть все нерешенные вопросы, собрать вместе всех крыс и прихлопнуть разом, но слишком много переменных было в этом уравнении, о мотивах некоторых недоброжелателей и вовсе оставалось лишь догадываться. Действовать нужно было осторожно, и если уж и бить, то наверняка: а для этого следовало подтвердить или опровергнуть информацию, полученную от Данилевского.

Иван, вдумчиво взвесив все за и против, решил не пытаться изобрести велосипед и по старинке сделал ставку на проверенный принцип: разделяй и властвуй. Вот как раз сегодня он и начнёт претворять в жизнь свой план.

Ринберг бросил нетерпеливый взгляд на часы. Полдень. А значит, до встречи оставалось ещё сорок минут, в прочем его визави пунктуальностью никогда не отличалась, поэтому в запасе был ещё как минимум час, а может и больше.

Самое время пообедать, но есть не хотелось, а вот узнать, как дела у Али с Сенькой следовало. Утром Иван не звонил, чтобы на отдыхе не будить их раньше времени.

Сейчас же мужчина не стал противиться своему желанию и нажал на вызов, на экране появилось фото его любимой женщины и сына, которое они сделали для Ринберга перед отъездом.

— Привет. Как вы там?

— Хорошо. Вот только Сенька возомнил себя китом- его теперь из воды не вытащить, — в шутку стала жаловаться Алевтина.

— Ничего. Пусть порезвится, — улыбнулся Иван, без труда представив счастливого и довольного мальчишку, который плещется в воде. — Сама ты как? Мне вас не хватает.

— Мы тоже скучаем, ждём тебя. Когда ты уже прилетишь? — тихо выдохнула в трубку девушка.

— Надеюсь, всё решится за несколько дней, но точно не знаю, как пойдёт.

— Может, не стоило нам уезжать?

— Это вынужденная мера. Так надо.

Раздался звук селектора.

— Иван Соломонович, к вам госпожа Радзиевская. Попросить подождать или могу пригласить? — спросил Марк.

— Приглашай.

Демонстративной походкой от бедра вплыла подруга Илоны.

— Иван, сколько лет сколько зим? Признаться не ожидала от тебя такого настойчивого желания встретиться. Женщине это не может не льстить.

— Не ерничай, Дина. Тебе совсем не идёт. Располагайся-разговор есть.

— Как же поёрничаешь тут. После таких амбалов и обделаться можно.

— Не преувеличивай. Парни всего лишь вежливо передали приглашение и проследили,

чтобы ты о нём не забыла.

— Хм...

— Чай? Кофе?

— Нет, спасибо. Можно закурить? — доставая сигарету из портсигара

Иван отрицательно покачал головой.

— Давай не будем терять время и перейдём сразу к делу. Расскажи-ка мне Дина с кем связалась Бражникова, и что вообще тебе об этом известно.

— Да за кого ты меня принимаешь? Я ничего не знаю про ваши разборки и знать не хочу.

— Не ври, Дина. Вы лучшие подруги. Тебе нужно принять верное решение.

— Ты сумасшедший: притащил меня сюда насильно, задаешь какие-то странные вопросы. Я всё мужу расскажу...

Иван рассмеялся.

— Не забудь рассказать своему престарелому сутенёру о ваших приключениях в клубе и его ветвистых рогах, то то он обрадуется.

— Да что ты...

— Себе позволяю?.. Дина, я с тобой шутить не собираюсь. Либо ты добровольно делишься информацией и обещаю, в накладе не останешься, или придётся на тебя немного надавить, но я всё равно всё узнаю.

Радзиевская потянулась за сигаретой и невзирая на запрет Ивана прикурила.

— Ладно, мне не нужны проблемы.

Она достала телефон из сумочки и, положив на стол между ними, включила запись. Дружба дружбой, но свои интересы дороже. Раз Илона прокололась, пусть сама и расхлёбывает кашу, которую заварила. А запись она так на всякий случай сделала, когда они недавно обедали. Вдруг пригодится.

— Ну, ты рисковая, Илонка. Не боишься, что Ринберг узнает про то, что ты с Шабой связалась. Они же вроде не очень ладят, сама говорила. Не бесила бы мужика, а то содержания лишит.

Послышался перезвон бокалов, а Илона залиvisto рассмеялась

— Нет, не боюсь. Удача на моей стороне. Скоро я стану самостоятельной и весьма состоятельной, и перестану довольствоваться подачками Ринберга.

— О чём это ты?

Снова смех, и загадочное

— Ну...ты знала, что даже если ребёнок рождён после развода, отцом можно признать бывшего мужа?

— Неожиданно. Тебя можно поздравить? Что-то живота не видно, чтобы считать что это ребенок Ринберга. Вы когда развелись? Полгода?

— Это не важно. Дети являются наследниками.

— Илона, ты о чём вообще? Какие могут быть наследники, если твой Иван живее всех живых. А ты даже не беременна, насколько я поняла.

— Ну, забеременеть это дело техники, а с остальным Шаба обещал помочь в обмен на одну маленькую услугу.

— Как знаешь, но я бы на твоём месте рисковать не стала.

— Ты даже представить себе не можешь. Какого это на моём месте, пока сидишь на готовеньком за спиной своего престарелого гения, — огрызнулась Илона. — и вообще это не

твоё дело.

— Точно не моё, но только Шаба не тот человек, который будет помогать кому-то просто так по доброте душевной.

— Нет, конечно. Нужно было кое-что в офисе оставить и по-возможности в доме.

— Ринберги такого точно не потерпят.

— Пусть идут куда подальше... — на этом запись прервалась.

— Это всё, что мне известно.

— Спасибо, Дина. Можешь быть свободна.

Юрий Аристархович Шабарин расслабленно полулежал, откинувшись на спинку мягкого кожаного дивана. В затемнённом уединении вип-комнаты мужчина чувствовал себя почти также комфортно, как если бы находился у себя дома. и Неудивительно, ведь известный в узких кругах клуб для взрослых он посещал довольно часто: всегда приятно сбросить напряжение, а потом подумать о делах в одиночестве- хотя очередность в этом вопросе не была для него принципиальной.

Вот и сегодня Юрий не спеша потягивал коньяк и размышлял о своём, не слишком обращая внимание на окружающую обстановку, но время от времени его лениво блуждающий взгляд всё же спотыкался о рыжеволосую танцовщицу. Возраст её Шабарин определить не смог — слишком много косметики на лице, но решил, что девица так ничего себе — вполне симпатичная, чтобы разбавить вечер.

Коротенькая юбочка мало что прикрывала, кипенно-белая офисная рубашку была распахнута почти до пупка, в то время как белья под ней не наблюдалось, а неизменные туфли на безобразно высокой платформе и каблуках удачно дополняли образ дерзкой развратной секретарши. Рыжая эротично извивалась около пилона и очень старалась понравиться, но ни уверенные движения, ни дерзкий взгляд, ни шикарное тело так и заинтересовали Юрия Аристарховича, его не торкало от слова совсем. Он лишь цинично усмехался про себя, исподлобья следя за потугами девицы, все мысли Шабарина были слишком далеко отсюда.

Сейчас он воспринимал происходящее перед ним рутинным фоном, будто наблюдая за собой со стороны, и ничего, абсолютно ничего его не трогало по-настоящему.

Наконец девице надоело тратить время впустую. Одним движением она избавилась от рубашка, а затем направились к мужчине, переходя от простой наглядной демонстрации своих талантов к исполнению приватного танца. Но, не смотря на извивающуюся на нём стриптизёршу, Юрий Аристархович всё ещё размышлял о другой, пока недоступной для него, женщине.

Тинка-Алевтинка украла его покой и сон, а сама, как сквозь землю, провалилась. Да, он её искал. Очень хорошо искал. Но узнать удалось совсем не много: через день после приема у госпожи Боринштейн, пока Шабарин приходил в себя и страдал от дикого похмелья; Островская написала заявление на увольнение по собственному желанию, выставила квартиру на продажу, взяла своего мальчишку и укатила в неизвестном направлении. Пока найти её не получалось даже у самых проверенных людей, хотя он не поспешил и пообещал им поистине царский гонорар.

И только одно обстоятельство по-настоящему утешало Юрия Аристарховича и вселяло в него надежду — Ринбергу Тинка тоже не досталась. После такого эти двое вряд ли помирятся- доверие между ними подорвано навсегда.

— Как же всё-таки приятно хоть раз щёлкнуть по носу заносчивого ублюдка Ивана Соломоновича, — подумал Шабарин.

Своим самоустранением и поспешным бегством Островская только сыграла ему на руку- Крупельницкий смог полноценно вернуться в компанию на своё прежнее место. Может в этот раз его план, в котором Аркадию Семёновичу отведена не последняя роль, выгорит, а то Бражникова совершенно не оправдала ни ожиданий, ни щедрых финансовых

вливаний. Юрий в серьёз подозревал, что глупая стерва решила сесть ему на шею и остаться чистенькой.

Рано он обрадовался, когда бывшая жена Ринберга с лёгкостью согласилась ему помочь, стоило только намекнуть ей на возможность заполучить денежки благоверного. Не следовало слепо полагаться на её слова, но Илона уверяла, что по-прежнему имеет свободный доступ в компанию и берлогу Ивана Соломоновича, а Шабарину только это и было нужно.

Не даром говорят, что тот, кто владеет информацией- владеет миром. Пока все козыри были на руках у Ринберга, но уже скоро Юрий с удовольствием исправит это упущение, осталось только узнать, где Иван Соломонович прячет компромат на нужных людей. А то, что давнему сопернику известны чьи-то грязные секреты, Шабарин не сомневался. Уж слишком благосклонно некоторые высокопоставленные должностные лица смотрели на все предложения Ринберга, а его, Юрия, постоянно отвергали.

После долгих размышлений он решил дать шанс Крупельницкому показать себя. В общем-то, Аркадий Семёнович и раньше проявлял завидную инициативу: даже жену с племянницей подключил. Поначалу Юрия это откровенно не устраивало: чем меньше человек посвящены в его план, тем лучше для дела, но сейчас Шабарин готов был использовать любой шанс, который ему подвернётся.

Ему повезло, и он вовремя узнал, что мадам Крупельницкая, видимо очумев от удачной сделки, быстро успела спустить деньги от продажи фирмы, сделав неудачное вложение на бирже, а потом не найдя ничего лучше, чем попытаться отыграться в казино.

— Всё-таки все бабы-дуры!

Пусть всё не так хорошо как хотелось бы, но перспективы определённо есть, а значит можно сделать вывод, что в конечном итоге он останется только в выигрыше, поэтому Юрий с чистой совестью решил расслабиться и вознаградить за старание рыжую девицу, призывно извивающуюся у него на коленях. Сделав хороший глоток, он отставил коньяк на стол и в предвкушении протянул руки к объёмной женской груди, когда дверь распахнулась, и визгливый голос неприятно прошёлся по нервам.

— Милый?! Кто это? — донеслось из-за спины Шабарина, не званая гостья ещё не успела войти, а его уже накрыло знакомым ароматом приторно-сладких духов.

Оседлавшая Юрия исполнительница стриптиза неловко покачнулась и, чуть было, не свалилась на пол, ей несказанно повезло, что клиент успел схватиться за аппетитные бедра и удержал её на месте, чем невольно спровоцировал новый поток возмущённых восклицаний.

— Мииилый??? Да что это такое? — истошно завопила женщина, а Шабарин мысленно застонал от досады. И зачем только он про неё сегодня вспоминал.

Юрий Аристархович не успел ещё толком опомниться, видимо выпитый алкоголь всё же давал о себе знать, как перед ним во всей своей красе престала та, кого он совсем не мечтал увидеть сегодня- разъярённая Илона Васильевна Бражникова собственной персоной. Словно ведьма на метле, она подлетела к парочке, проворно схватила брыкающуюся рыжую девицу за волосы, за них же стянула неудачливую соперницу с Шабарина и в два счета вытолкала ту за дверь, а затем вернулась, чтобы и дальше выносить ему мозг.

— Милый! — взвизгнула Илона. — Я что-то не поняла... Ты игноришь меня уже неделю... Неужели всё это, чтобы развлечься здесь с какой-то дешёвкой? А как же я?

— Это не твоё дело, милая, — чётко копируя интонации Бражниковой, передразнил её Юрий. — Где и с кем я развлекаюсь- тебя вообще не касается. Ты мне не жена!

— Ну, как же так, милый? — женщина явно не собиралась отступать от выбранного курса, даже не смотря на его слова. — Я думала, мы будем вместе сейчас и после того как наш план...

— Я тебе уже говорил, что ты не справилась. Больше не собираюсь вкачивать в тебя средства и в твоих услугах тоже не нуждаюсь. Свободна, — Шабарин с пренебрежением указал Илоне на дверь и даже прикрыл глаза, чтобы ни смотреть на неё ни минутой дольше.

Бражникова удачно воспользовалась ситуацией и со всей дури влепила ему пощечину.

— Ах, вот, значит, как ты заговорил, милый, — прошипела она, склоняясь над Юрием. — Только я- не дура! Понял. Или ты мне за всё заплатишь, или я прямиком отсюда отправлюсь к Ринбергу и всё ему расскажу. Посмотрим, как ты тогда запоёшь!

Шабарин выбросил руку вперёд и схватил зарвавшуюся стерву за волосы. Теперь она его окончательно достала.

— Ай!.. Ай!.. Больно. Отпусти. Что ты делаешь?

— Вздумала мне угрожать, дрянь?! — для устрашения Юрий залепил ей в ответ довольно слабую на его взгляд оплеуху, но, скорее всего, не смог рассчитать силу удара, потому что Илона жалобно заскулила, прижимая ладонь к щеке, и повалилась на пол. Поняв, что ничего хорошего ей не светит, Бражникова попыталась встать, но мужчина грубо её остановил.

— Сиди на месте и не рыпайся.

Шабарин заметался по комнате, схватился за телефон и вызвал свою охрану. Здоровенные мужики с лицами отъявленных головорезов явились через минуту.

— Отвезите её в клинику к Наумычу. Пусть осмотрят и подлатают как следует, если нужно.

— Что? Куда? — очнулась Илона. — Не нужен мне никакой Наумыч! Не хочу! Я сама пойду-домой лучше. Я могу.

Юрий повернулся в её сторону, очаровательно улыбнулся и даже подал руку, чтобы помочь подняться.

— Конечно, можешь, милая, но так мне будет спокойнее. Иди, тебя проводят к доктору, он тебя осмотрит, а потом мы поговорим. Прости меня. Ладно?

— Точно поговорим?

— Да, я скоро подъеду, — уверенно кивнул Шабарин, но Бражникова ему не поверила и стала активно сопротивляться настойчивым объятиям охраны, как будто почувствовала, что ничего хорошего в клинике ей не светит.

Юрий Аристархович смотрел Илоне вслед и точно знал, что она всё поняла своим скудным умишком. И, опасаясь, была не так уж и не права- в отделении психиатрии у Наумыча работают настоящие кудесники.

— Посмотрим ещё, через сколько её оттуда можно будет выпустить, и кто после этого поверит бывшей госпоже Ринберг, — усмехнулся Юрий. — Что ж, одной проблемой меньше.

Алевтина закрыла глаза и с наслаждением зарылась пальцами в мелкий песок. Он ещё хранил в себе тепло прошедшего дня. Темнота совсем недавно опустилась на остров, и море оставалось удивительно спокойным.

Она уложила Сеньку час назад, но ей самой не спалось. Аля предупредила домработницу и охрану и вышла из бунгало, быстрыми шагами спустившись к воде. Она не стала включать искусственное освещение на пляже, но Луна, прекрасная и одинокая, отражаясь в широкой водной глади, сполна озаряла девушке путь. Алевтина, почти потеряла счет времени, пока бесцельно брела по песку, оставляя одинокие следы босых ног у самой кромки воды.

Вынужденное безделье и бездействие последних дней постепенно сводили с ума.

Вот Ева с её философским подходом к жизни, окажись она на месте Али, просто расслабилась бы и получила удовольствие от незапланированного отдыха, а не маялась, как неприкаянная.

— У тебя СЗЛ, подруга! Это я тебе как бывший медицинский работник говорю, — как-то сказала ей Ясная.

— Что?..

— Что слышала. СЗЛ — синдром загнанной лошади.

— Нет, такой болезни! — возмутилась Островская.

— Есть-есть. А как ещё можно назвать твоё навязчивое желание постоянно что-то делать и неумение отдыхать так, чтобы потом не испытывать чувство стыда за это?

Сегодня наедине с собой Алевтина впервые признала, что подруга не так уж и неправа. Вокруг неё было всё, о чем они мечтали с Сенькой — солнце, море, песок... Что ещё нужно? Но непрекращающееся внутреннее беспокойство безжалостно отравляло всю красоту момента.

Как и большинство людей, Островская не любила ждать и догонять. Неизвестность, невозможность повлиять на ситуацию и беспокойство за Ивана, как ненасытные звери, сжирали её изнутри.

Коварная насмешница судьба поманила её лакомым кусочком- мечтой о счастливой семье- и снова махнула хвостом, подкинув им испытаний. Вроде только всё встало на свои места- судьбоносный разговор состоялся, но едва ли не в этот же день Але с Сенькой пришлось в срочном порядке уехать не только из города, но и из страны. Ринберг не был бы Ринбергом, если бы перестал командовать и не попытался их защитить.

Нет, конечно, они живут не в каменном веке- Иван связывался с ними при первой возможности. И хотя он неизменно уверял Алевтину, что ситуация под контролем и уже совсем скоро они обязательно будут все вместе, девушка не могла не заметить, с каждым видео звонком следов усталости на лице её мужчины становилось всё больше, но Ринберг говорил, что так счастлив как сейчас не был никогда.

Шум моря успокаивал. Островская открыла глаза, зачерпнула немного песка в ладони и стала смотреть, как песчинки утекают сквозь пальцы, так же быстро пробегают и минуты жизни, которые они могли бы провести вместе. Слава Богу, что им с Ринбергом хватило ума найти в себе силы и исправить ошибку. Теперь она должна быть сильной, верить своему мужчине и поддерживать его.

Сначала Аля, не осознавая до конца всей серьёзности ситуации, упрямо не хотела никуда уезжать.

— Не пойму, с чего ты вообще решил, что нам что-то угрожает?

— Я просчитываю варианты. Слабых мест у меня не так уж и много, а вас, если узнают, могут использовать как рычаг давления. Некоторые привыкли играть грязно, — он поймал Островскую за руку и притянул к себе на колени.

— Но кто? А главное зачем? — девушка погладила его по волосам.

— Пока у меня нет четкого понимания: здесь либо какая-то сложная многоходовая схема, либо все эти люди действуют независимо друг от друга, — поделился версиями Иван.

— Не знаю даже, что хуже...

— В любом случае я со всем разберусь. Подвижки уже есть, — с уверенностью обнадежил он Алю. — Нужно только немного времени и ясная голова. Меня сейчас другое беспокоит... Как Сенька всё воспримет?

— Беспокоит его, видите ли... — возмутилась Алевтина и попыталась встать. — Ты зачем тогда с поцелуями полез? А теперь он нас уже видел! Получилось то, что получилось.

— Да, уж, — улыбнулся Ринберг и крепче обнял девушку. — Я его лицо долго не забуду.

В беседе они увлеклись друг другом, не услышали, как Ева и Арсений вернулись с мороженым, и опомнись только, когда не на шутку озадаченный сын задал им вопрос.

— Мама, Иван, а что это вы здесь делаете?

Островская засмушалась, и серьёзный разговор состоялся между мужчинами.

— Вы целовались! — обличил их сын.

— Да, это ты верно заметил, — согласился Иван.

— Но люди целуются, если любят друг друга? — засомневался мальчик, переводя взгляд с одного родителя на другого.

— Ты снова прав.

Лицо Сеньки мгновенно озарилось пониманием и надеждой.

— Значит, теперь вы с мамой поженитесь, и ты будешь моим папой?

— А тебе бы этого хотелось? — осторожно спросила Алевтина сына.

Малыш задумался, опустил глаза в пол и робко кивнул. Родители вскочили со своих мест и бросились его обнимать с двух сторон, а Ясная, ставшая невольной свидетельницей этих семейных откровений, глядя на них, прослезилась.

— Аля...Алевтина... Аля! — с того места, где она находилась до их бунгало было не близко, но ветер отчетливо донес до Островской звуки её имени, и мужской голос всё настойчивее призывал девушку откликнуться.

Она встала на ноги и повернулась назад, стараясь разглядеть силуэт, видневшийся на плохо освещенной террасе. Было слишком далеко, но Алевтина, почти не сомневалась, что узнала бы его и из тысячи с закрытыми глазами.

Иван Соломонович Ринберг- такой родной, как всегда облаченный в строгий деловой костюм, сейчас показавшийся таким неуместным здесь- на ночном пляже.

Судорожный вздох вырвался помимо её воли, и Аля зажала рот рукой, не в силах поверить своему счастью. Неужели это безумие закончилось?

Островская сделала шаг, другой... Потом, не стала больше медлить, сдалась и быстро-быстро побежала ему навстречу.

Иван уже ждал её у подножия лестницы, ведущий от дома к пляжу. Он поймал Алевтину, не дал толком опомниться, подхватив на руки, и закружил.

— Прекрати, сумасшедший! Что ты делаешь? Мы упадём!

В ответ на её возмущения Ринберг лишь рассмеялся- легко и свободно, но всё же остановился и поставил девушку на землю, немного наклонился и вдохнул аромат волос Островской.

— Ты даже не представляешь, как безумно я скучал. Вроде жил раньше спокойно, думал даже, что вполне полноценно — дурак, и только сейчас понимаю, насколько пустой была моя жизнь без тебя и Арсения.

— Поверь- представляю. Мы ждали тебя и тоже скучали, — Аля покрепче прижалась к нему, слушая, как в мужской груди стучит любящее сердце. — Пойдём в дом. Тебе нужно отдохнуть после перелёта, а потом, Иван, ты мне расскажешь, что случилось. Почему не предупредил?

Но Ринберг приобнял Алевтину за плечи и развернул в сторону воды.

— Хотел сделать сюрприз. У меня другое предложение. Если не против, давай пройдемся. Хочу голову проветрить, а то я даже переодеваться не стал- со встречи сразу в аэропорт поехал. Или ты совсем устала?

— Нет, что ты, Иван! Но тебе, наверное, будет неудобно так... — она с сомнением оглядела его, явно намекая на абсолютно не пляжный вариант костюма.

— Ты плохо меня знаешь! — он по-мальчишески подмигнул Але, откинул пиджак на перила лестницы, закатал рукава светлой рубашки, избавился от обуви, стянул носки и, наклонившись, подвернул штанины брюк. — Как думаешь, теперь я готов?

— О, да! — улыбнулась Островская.

Они взяли за руки и не спеша пошли по пустынному берегу, где кроме них в этот час не было видно ни души.

— И всё-таки расскажи, как прошло. Нам с Сенькой уже можно возвращаться?

— Алька, какая же ты у меня нетерпеливая, — Ринберг приобнял девушку за талию. — Зачем же сразу возвращаться? Разве вам здесь плохо? Отдохнём все вместе пару-тройку дней и вернёмся. Согласна?

— Конечно, согласна! Не тяни время, я жду, — но, похоже, мужчина решил испытать на

прочность её терпение: вместо того, чтобы наконец-то начать говорить, он остановился, запустил руку в карман брюк, достал оттуда телефон и принялся загружать сайт одного из центральных новостных каналов.

— Посмотри.

— Что это?

— Итог.

— А теперь следующая новость этого часа- на экране замелькали документальные кадры спецоперации, а поставленный голос диктора продолжил комментировать. — Коррупционный скандал вновь потряс общественность. Этот случай может стать самым громким делом последних лет. Сегодня, при даче взятки должностному лицу, были задержаны топ-менеджер одной из крупных столичных фирм, осуществляющих деятельность в сфере строительства, сотрудник аппарата администрации города..., а также ряд других лиц, подозреваемых в преступном сговоре, участии в коррупционной схеме, хищении бюджетных средств и промышленном шпионаже. Известно, что при задержании сотрудниками правоохранительных органов были применены меры физического воздействия в ответ на оказанное подозреваемыми сопротивление. Остальные подробности дела не разглашаются, ждём официальных комментариев. Будем держать вас в курсе событий.

Алевтина прекрасно поняла, о ком идёт речь, хотя имена и фамилии в репортаже озвучены не были.

— Они все арестованы, — подтвердил Иван. — Шабарин, его родственник и даже Крупельницкий.

— Готова поспорить, эти люди попробуют откупиться!

— Собрана очень серьёзная доказательная база. Им элементарно не хватит денег, а я проконтролирую, — пообещал Ринберг.

— Но что они все хотели: от тебя, от нас? — недоумевала Островская.

— С Шабариным мы знакомы давно, пересекались время от времени- это неизбежно, рынок не резиновый, сама понимаешь. Не враждовали, но и друзьями не были, но в определённый момент он решил задавить конкурента в моём лице, потому что якобы я обладаю компрометирующими сведениями в отношении некоторых должностных лиц, которые и помогают мне вести дела и получать согласования для проектов. Шабарин задался целью их достать.

— Какой-то дикий бред... — не сдержалась Аля.

— Я тоже так считаю, но... На одном из светских приёмов он встретил мою бывшую жену, не сильно довольную после развода. Ему стоило лишь немного сыграть на её алчности, намекнуть на возможность заполучить большую часть моего состояния, пусть и не совсем реальную для здравомыслящего человека, но она повелась и согласилась помочь. Для начала Бражникова должна была незаметно пронести что-то вроде подслушивающих устройств ко мне в офис и в дом, хотя не всё в этой версии сходится- для таких вещей проще и надёжнее нанять профессионалов, а не связываться с дилетантами, — не смотря на относительно спокойный тон Ивана, девушка понимала, что ему сейчас крайне не приятно вспоминать о той грязи, которая чуть было не накрыла их семью с головой.

— Да уж история...

— Думаю, что это была всего лишь проверка перед основным действием. Сначала она пришла в компанию, но Марк её выставил вместе с охраной. Затем явилась на ужин к моим родителям, чтобы никто ей не помешал, подсыпала снотворное в еду, потом решила, что

может обойтись и без Шабарина, ведь у неё созрел план лучше прежнего. Тогда Бражникова добавила мне кое-что ещё...

— Что?

— Препарат для поддержания мужской силы... — смущенно ответил Ринберг. — После этого коктейля я сел за руль и не справился с управлением.

— О, Боже! — Аля покачала головой и опустила на песок. — Она же могла тебя убить!

Иван присел рядом и взял Островскую за руку.

— Не нужно сейчас об этом думать. Илона сама себя наказала, связавшись с нашим общим другом. Он устранил её весьма оригинальным способом- то ли понял, что бесполезна, то ли она ему угрожала...

— В смысле?..

— Бражникову нашли в частной клинике — в отделении психиатрии, она уже мало что соображала. «Подлечили» её знатно, — Ринберг замолчал и вытянулся на песке.

— И почему мне кажется, что это ещё не всё? — Алевтина устроилась рядом и положила голову ему на плечо.

— Да, есть ещё Крупельницкий.

— А он-то причём?

— Аркадий Семёнович тоже решил поправить своё бедственное финансовое положение плюс непомерные амбиции, — Иван приобнял Алю, устраивая её удобнее.

— Как бедственное положение?.. А как же средства от продажи «Академии риэлти»?

— Биржа и казино- не самое лучшее сочетание. Так или иначе, но каждый получил по заслугам.

— Бог с ними. Что мы дальше будем делать?

— Мы будем жить! — уверенно сказал Ринберг, и небо подмигнуло им упавшей звездой.

— Дед-деда!?

Соломон Оскарович Ринберг оторвался от финансовой аналитики компании, которую он, сидя в старом кресле у камина, просматривал скорее по привычке, нежели по необходимости, сдвинул очки на нос и переключил всё своё внимание на внука.

— Что, Арсений?

— Дед-деда, а, правда, что тебя в честь древнего царя называли? — спросил Сенька, до празднования Нового года оставалось два дня, и ему нужно было срочно решить, что делать с тайным письмом Деду Морозу.

— Возможно... — осторожно произнес дедушка Ринберг. — А почему ты спрашиваешь?

— Значит, ты такой же умный, и всё-всё знаешь? — ответил мальчик вопросом на вопрос.

— Это тебе кто сказал?

— Бабушка Соня! Я у неё кое-что спросить хотел, а она сказала, что лучше у тебя! — важно заметил Сенька, он уселся перед ёлкой и начал сосредоточенно двигать разноцветные коробки с подарками.

— Ну, раз бабушка Соня... — подмигнул Соломон Оскарович внуку. — Значит, так оно и есть. С женщинами, Сеня, спорить себе дороже.

— Деда, а ты как думаешь, я в этом году хорошо себя вёл? — Арсений подождал, пока дед кивнёт, а после продолжил. — Тогда Дедушка Мороз точно должен моё желание исполнить! Я ему письмо написал, но не знаю, куда положить, чтобы он быстрее прочитал...

Старший господин Ринберг задумчиво почесал седую аккуратно подстриженную бороду.

— А ты лучше у папы спроси или у мамы.

— Нет... — отрицательно замотал головой мальчик. — Не хочу их отвлекать.

— Чем же они заняты таким важным, что и отвлекать их нельзя? — заинтересовался мужчина.

— Да чем-чем?! Целуются, наверное, опять, — махнул рукой на родителей Сенька. — И вообще у них этой не так много как у тебя...

— Этой?..

— Ну, да. Я просто забыл, каким словом называется... Вспомнил! Мудрости у тебя, дед, больше! — малыш вновь принялся двигать коробки, чем спугнул пушистых питомцев, которых в их семье теперь было двое: Лешек и Матильда. Не так давно Сенька нашёл на улице возле школы годовалую британку в пару своему любимцу. В первые дни усатые делили территорию и не очень то и ладили, но со временем отлично подружились.

За год в жизни Ринбергов многое изменилось.

Сначала папа то уезжал, то приезжал, и Арсений уже сбился со счета сколько раз это было... Иногда мальчик ужасно боялся, что отец снова исчезнет, теперь уже навсегда, но никому об этом не говорил, даже маме — она же девочка и, может расстроиться.

Пролетели осень, зима, весна... А летом перед школой они переехали в огромный дом, который построил для них папа. Этого момента уже давно ждали все, и только Лешек не обрадовался дальнему пути, но, по достоинству оценив новые владения, быстро освоился и он.

Крёстная- тётя Жанна, она же тетя Ева вышла замуж, тоже переехала и живёт недалеко. У неё теперь такая странная фамилия из трёх букв — Пак, но она постоянно улыбается и говорит, что эта фамилия лучшая из возможных. Если честно, Сенька не очень понимает, о чём идёт речь, но в общем можно сказать, что всё у крёстной так, как она любит.

Ах, да, Арсений отвлёкся и чуть не забыл про своё желание!..

Конечно, он рад, что нашёл не только папу, но и бабушку Соню, дедушку Соломона, а также других своих родственников, но...Сенька очень бы хотел, чтобы у него появился братик! Хотя, если подумать, он и на сестрёнку был согласен, о чём честно и написал в секретном письме Деду Морозу, которое ещё куда-то нужно положить.

Ведь если в Новый год искренне захотеть чего-то всем сердцем, то желание обязательно исполнится! Арсений Иванович Ринберг знает это точно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net